
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2024. Том 22, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

Лобовиков В. О. Удивительная аналогия между самопротиворечием в алгебре формальной логики и самоуничтожением в алгебре формальной аксиологии (уточнение дефиниций основных понятий алгебраической системы метафизики как формальной аксиологии) 5

Бабич В. В. Холистический потенциал теории нарративной идентичности 39

Социальная философия

Трубицын О. К. Общество знания: проект, прогноз и реальность 57

История философии

Матвейчев О. А. Волна и камень. О взаимоотношениях Акима Волынского и Дмитрия Мережковского 72

Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы

Головкин Н. В. Объяснение как мета-обоснование 83

Информация для авторов 109

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2024. Том 22, № 3

Siberian Journal of Philosophy, 2024, vol. 22, no 3

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2024. Volume 22, issue 3

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

Lobovikov V. O. A surprising analogy between self-contradiction in the algebra of formal logic and self-termination in the algebra of formal axiology (explicating definitions of basic notions of algebraic system of metaphysics as formal axiology) 5

Babich V. V. The holistic potential of narrative identity theory 39

Social Philosophy

Trubitsyn O. K. Knowledge society: project, forecast and reality 57

History of Philosophy

Matveychev O. A. Wave and stone. About the relationship between Akim Volynsky and Dmitry Merezhkovsky 72

Academic Life, Polemics and Reviews

Golovko N. V. Explanation as meta-justification 83

Instructions for Contributors 109

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2024. Том 22, № 3

Siberian Journal of Philosophy, 2024, vol. 22, no 3

Научная статья

УДК 16 + 17 + 11 + 21 + 51-7 + 512

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-5-38

**Удивительная аналогия между самопротиворечием в алгебре
формальной логики и самоуничтожением
в алгебре формальной аксиологии
(уточнение дефиниций основных понятий
алгебраической системы метафизики
как формальной аксиологии)**

Владимир Олегович Лобовиков

*Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия*

vlobovikov@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8760-0452>

Аннотация

Предмет статьи – аналогия между алгебраической системой формальной логики и алгебраической системой формальной аксиологии. Цель – уточнение некоторых ранее опубликованных формулировок упомянутой системы и прояснение взаимоотношения между похожими, но различными понятиями «формально-логическое противоречие» и «формально-аксиологическое противоречие». Даны исправленные дефиниции ряда базовых терминов; установлена фундаментальная аналогия между алгебраической системой формальной логики и алгебраической системой метафизики как формальной аксиологии. Особое внимание уделено неожиданной аналогии между статусом самопротиворечия в алгебре формальной логики и статусом самоуничтожения (самоубийства) в алгебре формальной аксиологии: «самоубийство в ответ на то, что (по мнению самоубийцы) неприемлемо» есть формально-аксиологический аналог «формально-логического доказательства сведением противного к абсурду».

Ключевые слова

аналогия; двузначная алгебраическая система формальной логики; двузначная алгебраическая система метафизики как формальной аксиологии; формально-логическое противоречие; формально-аксиологическое противоречие

Для цитирования

Лобовиков В. О. Удивительная аналогия между самопротиворечием в алгебре формальной логики и самоуничтожением в алгебре формальной аксиологии (Уточнение дефиниций основных понятий алгебраической системы метафизики как формальной аксиологии) // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 3. С. 5–38. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-5-38

© Лобовиков В. О., 2024

A surprising analogy between self-contradiction in the algebra of formal logic and self-termination in the algebra of formal axiology (explicating definitions of basic notions of algebraic system of metaphysics as formal axiology)

Vladimir O. Lobovikov

*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia*

vlobovikov@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8760-0452>

Abstract

The paper aims to reveal an analogy between the algebraic system of formal logic and the algebraic system of formal axiology. Our aim is to correct some previously published formulations of the mentioned system and clarify interconnections between similar but different notions of “formal-logical-contradiction” and “formal-axiological-contradiction”. Corrected definitions of several basic notions are given; a fundamental analogy is established between the algebraic system of formal logic and the algebraic system of metaphysics as formal axiology. Special attention is paid to an unexpected analogy between the role of self-contradiction in the algebra of formal logic and the role of self-termination (suicide) in the algebra of formal axiology. “Self-annihilation in response to what is unacceptable (from the suicide viewpoint)” is a formal-axiological analogue of “the formal-logical proof by reducing the contrary to absurdity”.

Keywords

analogy; two-valued-system-of-formal-logic; two-valued-system-of-metaphysics-as-formal-axiology; formal-logical-contradiction; formal-axiological-contradiction

For citation

Lobovikov V. O. A Surprising Analogy between Self-Contradiction in Algebra of Formal Logic and Self-Termination in Algebra of Formal Axiology (Explicating Definitions of Basic Notions of Algebraic System of Metaphysics as Formal Axiology). *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 2, p. 5–38 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-5-38

Согласно Л. Витгенштейну, в (этом) мире ценностей нет [Витгенштейн, 1958, с. 94, 95]; под (этим) миром он понимал мир *физических* явлений – тотальность фактов и только фактов. Следовательно, если ценности есть, то они есть не в физическом, а в метафизическом мире, являющемся собственным предметом не физики, а метафизики. Этика и эстетика трансцендентальны [Витгенштейн, 1958, с. 95]. В сущности, объекты метафизики являются необходимо *аксиологическими*, т.е. *необходимо* имеют *ценностный* аспект.

Именно поэтому обсуждаемая в настоящей статье дискретная математическая модель метафизики является алгебраической системой формальной *аксиологии* – абстрактной теории любых *ценностей* вообще (формальная этика и формальная эстетика – ее важные *частные* случаи). Дефиниции основных понятий двузначной алгебраической системы метафизики как формальной аксиологии уже были неоднократно опубликованы ранее, например, в работах [Лобовиков, 2015а, с. 88–94; Lobovikov, 2022а, р. 76–81; 2022b, р. 175–178]. Однако было замечено, что эти уже опубликованные формулировки определений недостаточно точны, вызывают ощущение логической несогласованности терминов; иногда такая терминологическая неаккуратность ведет к ошибкам. В связи с этим одна из важ-

ных целей данной статьи – устранить замеченную существенную неточность дефиниций, найдя для них подходящую (лишенную упомянутых недостатков) замену. Поэтому начнем настоящую статью с формулировки новых (существенно более точных) дефиниций абстрактных понятий, необходимых для построения дискретной математической модели метафизики как системы любых *ценностей* вообще (отвлеченных от их конкретного содержания), в том числе и любых «*абсолютных ценностей*», особенно волновавших Л. Витгенштейна [1958], Б. Рассела [Russell 1986], Дж. Э. Мура [1984], М. Шлика [2008], А. Дж. Айера [2010], К. Поппера [1983], и других мыслителей, так или иначе приближенных к антиметафизическому кредо Венского кружка.

По определению, двузначная алгебраическая система метафизики как формальной аксиологии есть тройка множеств $\langle \Phi, O, R \rangle$, в которой символ Φ обозначает непустое (даже потенциально бесконечное) множество всех таких и только таких объектов (существующих или несуществующих – неважно), которые являются либо хорошими, либо плохими с точки зрения некоего *оценщика* (субъекта оценивания) Σ (индивидуального или коллективного, естественного или искусственного – неважно). Очевидно, что Σ – *переменная*: изменение ее значений может приводить к изменению оценок конкретных элементов множества Φ . Однако если значение переменной Σ определено (зафиксировано), то оценки конкретных элементов множества Φ оказываются вполне определенными. Элементы множества Φ будем называть *формально-аксиологическими объектами* метафизики (или просто *объектами метафизики*) независимо от их бытия или небытия. Символы «х (хорошо)» и «п (плохо)» обозначают *абстрактные аксиологические (ценностные) значения* элементов множества Φ . Моральные поступки, или юридические акты, или лица (индивидуальные или коллективные, естественные или искусственные – неважно) суть *конкретные примеры* (частные случаи) элементов множества Φ .

В тройке множеств $\langle \Phi, O, R \rangle$ символ O обозначает множество всех *n-арных алгебраических операций* (или просто *операций*), определенных на множестве Φ . Элементы множества O называются *формально-аксиологическими операциями* двузначной алгебры метафизики (как формальной аксиологии). В двузначной алгебраической системе формальной аксиологии $\langle \Phi, O, R \rangle$ определенные на множестве Φ *n-арные алгебраические операции* являются такими и только такими *функциями*, которые ставят в однозначное соответствие каждой упорядоченной n -ке элементов множества Φ некоторый элемент множества Φ , называемый результатом применения упомянутой n -арной алгебраической операции к упомянутой упорядоченной n -ке элементов множества Φ . Иначе говоря, определенная на множестве Φ n -арная (алгебраическая) операция есть n -местная функция $f: \Phi^n \rightarrow \Phi$.

Определим теперь (в упомянутой выше тройке множеств) значение символа R . В этой тройке множеств символ R обозначает множество всех *n-местных формально-аксиологических отношений*, определенных на множестве Φ . Например, определенное ниже бинарное отношение «*формально-аксиологическая эквивалентность* (элементов множества Φ)» принадлежит множеству R . Определенное ниже бинарное отношение «элемент... множества Φ *формально-аксио-*

логически следует из элемента... множества Φ » также принадлежит множеству R . Поскольку все три множества Φ , O , R не являются пустыми, постольку, согласно общепринятому в современной математике точному определению понятия «алгебраическая система», обсуждаемая в настоящей статье тройка $\langle \Phi, O, R \rangle$ представляет собой *алгебраическую систему* в *собственно математическом* значении термина [Мальцев, 1970].

Результаты алгебраических операций, определенных на множестве Φ , суть элементы множества Φ , следовательно, по определению множества Φ , они или хороши, или плохи (с точки зрения Σ). Между аксиологическими (ценностными) значениями – x (хорошо) или p (плохо) – тех элементов множества Φ , к которым применена формально-аксиологическая алгебраическая операция, определенная на множестве Φ , и аксиологическим значением (x или p) результата этой операции существует *ценностно-функциональная* связь. Ценностное значение (x или p) результата определенной на Φ алгебраической операции есть значение некой *ценностной функции*, допустимыми значениями переменных которой являются аксиологические значения (x или p) тех элементов множества Φ , к которым применена упомянутая алгебраическая операция.

По определению, чисто *ценностной функцией* называется такая и только такая функция, у которой областью допустимых значений ее переменных является двухэлементное множество $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$, и областью (изменения) значений этой функции является то же самое двухэлементное множество. Иначе говоря, при рассуждениях о чисто ценностных функциях имеются в виду следующие отображения: $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, если разговор идет о функциях, детерминированных *одним* ценностным аргументом; $\{x, p\} \times \{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, если разговор идет о функциях, детерминированных *двумя* ценностными аргументами (здесь « \times » обозначает Декартово произведение множеств); $\{x, p\}^N \rightarrow \{x, p\}$, если разговор идет о функциях, детерминированных N ценностными аргументами (здесь N обозначает некое конечное положительное целое число).

Теперь рассмотрим конкретные примеры элементарных алгебраических операций (элементов множества O) и соответствующих им ценностных функций. Начнем с рассмотрения определенных на Φ алгебраических операций (и соответствующих им ценностных функций), детерминированных *одним* аргументом.

Глоссарий для следующей ниже табл. 1. Символ Ra обозначает определенную на Φ унарную алгебраическую операцию и соответствующую ей ценностную функцию «*сопротивление, противодействие* (чему, кому) a ». Символ Va – определенную на Φ унарную алгебраическую операцию и соответствующую ей ценностную функцию «*протест против* (чего, кого) a ». Символ Ca – «*участие, соучастие* в (чем) a ». Na – «*небытие* (чего, кого) a ». Ba – «*бытие, существование* (чего, кого) a ». Aa – «*абсолютное бытие* (чего, кого) a ». Ya – «*абсолютное небытие* (чего, кого) a ». Oa – «*отрицательная оценка, осуждение, отвержение, неприятие* (чего, кого) a ». Pa – «*положительная оценка, одобрение, принятие* (чего, кого) a ». Ma – «*материя, материальность* (чего, кого, чья) a ». Da – «*материя, материал* для (чего, кого) a ». Ia – «*изменение, движение, развитие* (чего, кого) a ».

Глоссарий для следующей ниже табл. 2. Ja – «*изменение* (чем, кем) a » или «*измена* (кого, чья) a ». Xa – «*измена* (чего, кого, чья) a *самому себе*». Ya – «*верность*

(чего, кого, чья) *a* самому себе». Wa – «внутренняя противоречивость (чего, кого) *a*». Qa – «внутренняя непротиворечивость (чего, кого) *a*». Za – «пра-материя, т.е. первая материя, (чего, кого) *a*». $\odot a$ – «формально-аксиологическое противоречие (что) *a*». Sa – «самопротиворечие (чего, кого) *a*». Ta – «разрушение, уничтожение, исчезновение, аннигиляция (чего, кого) *a*». Ca – «саморазрушение, самоуничтожение, самоубийство (чего, кого) *a*». Ja – «защита, сохранение, спасение (чего, кого) *a*». Ψa – «самозащита, самосохранение (чего, кого) *a*». Ra – «родной, дорогой, близкий, свой для (чего, кого) *a*». Ua – «несогласие с (чем, кем) *a*» или «отказ, отречение, отделение, отдаление, отталкивание от (чего, кого) *a*». Одноместные ценностные функции, с помощью которых «вычисляются» аксиологические значения упомянутых выше результатов унарных алгебраических операций (определенных на Φ), точно определяются табл. 1 и 2.

Для исключения возможных недоразумений целесообразно сделать следующее разъяснение к таблицам. Чисто ценностные функции в них применяются не к элементам из Φ , а к *ценностным значениям* элементов из Φ , т.е. к значениям функций от Φ к $\{x, p\}$. Если обозначить функции от Φ к $\{x, p\}$ символом \surd , то, например, $\surd a, \surd b, \surd Pa, \surd Ob, \surd K_2ab, \surd A_2ab, \surd U_2ab$ суть элементы множества $\{x, p\}$, в то время как $a, b, Pa, Ob, K_2ab, A_2ab, U_2ab$ суть элементы множества Φ . Иначе говоря, символ \surd обозначает функцию $f: \Phi \rightarrow \{x, p\}$. Поэтому, например, $\surd Ra$ есть значение композиции функций \surd и R .

Таблица 1. Одноместные ценностные функции

$\surd a$	$\surd Ra$	$\surd Va$	$\surd Ca$	$\surd Na$	$\surd Ba$	$\surd Aa$	$\surd Ya$	$\surd Oa$	$\surd Pa$	$\surd Ma$	$\surd Da$	$\surd Ia$
х	п	п	х	п	х	х	н	п	х	п	х	п
п	х	х	п	х	п	х	н	х	п	х	п	х

Таблица 2. Унарные ценностные функции

$\surd a$	$\surd Ja$	$\surd Xa$	$\surd Ya$	$\surd Wa$	$\surd Qa$	$\surd Za$	$\surd \odot a$	$\surd Sa$	$\surd Ta$	$\surd Ca$	$\surd \Psi a$	$\surd Pa$	$\surd Ua$
х	х	п	х	п	х	п	п	п	п	п	х	х	п
п	п	п	х	х	п	п	п	п	х	п	х	п	х

Глоссарий для следующей ниже табл. 3. La – «любовь к (чему, кому) *a*». Na – «ненависть к (чему, кому) *a*». Ea – «неверность, измена (чему, кому) *a*», или «предательство (чего, кого) *a*». Ca – «оппозиция, противоположность, противоречие (чему, кому) *a*» или «конфликт, противоречие с (чем, кем) *a*». Ga – «Бог (чего, кого) *a* во вселенской (универсальной) монотеистической религии». Da – «Дьявол, т.е. анти-Бог или враг Бога (чего, кого) *a* во вселенской (универсальной) монотеистической религии». Fa – «свобода от (чего, кого) *a*». La – «свобода для (чего, кого) *a*» или «свобода (чего, кого, чья) *a*». $\textcircled{F}a$ – «абсолютно неограниченная свобода, т.е. произвол, в отношении (чего, кого) *a*». $\textcircled{C}a$ – «свобода морального выбора (чего, кого) *a*». Ea – «разрешение, позволение, дозволенность, допустимость, право (чего, кого) *a*». $\textcircled{V}a$ – «вера в (кого, или во что) *a*», или «уверенность в (чем, ком) *a*».

Таблица 3. Ценностные функции, детерминированные одним аргументом

\sqrt{a}	\sqrt{La}	\sqrt{Ha}	$\sqrt{Эa}$	$\sqrt{Цa}$	\sqrt{Ga}	\sqrt{Da}	\sqrt{Fa}	\sqrt{La}	$\sqrt{°Fa}$	$\sqrt{°Ca}$	\sqrt{Ea}	\sqrt{Qa}
х	х	п	п	п	х	п	п	х	п	х	х	х
п	п	х	х	х	х	п	х	п	п	х	п	п

Глоссарий для следующей ниже табл. 4. Ga – «государство позитивное (чего, кого, чье) a ». Ja – «общество гражданское (чего, кого, чье) a ». Ta – «власть (чего, кого, чья) a ». Ba – «власть, господство, доминирование над (чем, кем) a ». $\oint a$ – «позитивный закон, норма, приказ для (чего, кого) a ». $\otimes a$ – «создание, творение, производство (чего, кого) a ». $\#a$ – «ограничение, определение (чего, кого) a ». *a – «исполнение, осуществление, реализация (чего, кого) a ». Ya – «суд над (чем, кем) a ». Ca – «собственность на (что, кого) a ». $Эa$ – «собственность (чего, кого, чья) a ». Ka – «принадлежность (чего, кого) a ». Ea – «принадлежность (чему, кому) a ».

Таблица 4. Ценностные функции, зависящие от одного аргумента

\sqrt{a}	\sqrt{Ga}	\sqrt{Ja}	\sqrt{Ta}	\sqrt{Ba}	$\sqrt{\oint a}$	$\sqrt{\otimes a}$	$\sqrt{\#a}$	$\sqrt{^*a}$	\sqrt{Ya}	\sqrt{Ca}	$\sqrt{Эa}$	\sqrt{Ka}	\sqrt{Ea}
х	х	х	х	п	п	х	п	х	п	п	х	п	х
п	п	п	п	х	х	п	х	п	х	х	п	х	п

В связи с данным выше (в табл. 4) определением ценностного значения унарной операции «производство», обозначенной в настоящей статье символом \otimes , мы должны обратить внимание на досадную смысловую *опечатку*, допущенную в табличном определении ценностного значения операции «производство» в статье [Лобовиков, 2023б, с. 10]. Эта операция обозначена в указанной статье другим символом, а именно «П». Согласно *адекватному* определению, ценностное значение функции «производство, создание (чего, кого) a » и ценностное значение ее аргумента совпадают. Верное (адекватное) определение ценностного значения унарной операции «производство (творение, создание, построение, генерирование)» было неоднократно опубликовано автором ранее, например, в [Лобовиков, 2015б, с. 132; Lobovikov, 2012, p. 179; 2016, p. 548; 2023а, p. 63].

Для исключения возможных недоразумений целесообразно обратить внимание на то, что помещенные выше табл. 1–4 не являются *чисто* ценностными (иначе «столбиков» было бы значительно меньше). В этих («смешанных») таблицах одновременно представлены, во-первых, функции $\Phi^n \rightarrow \Phi$, во-вторых, функции от Φ к $\{x, p\}$ (обозначаемые символом « $\sqrt{}$ ») и, в-третьих, ценностные функции $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$, с помощью которых «вычисляются» ценностные значения упомянутых (в первой сверху строке) результатов унарных алгебраических операций (определенных на Φ). Иначе говоря, n -арная (алгебраическая) операция, определенная на множестве Φ , т.е. n -местная функция $f: \Phi^n \rightarrow \Phi$ и ценностная функция $\{x, p\} \rightarrow \{x, p\}$ суть две качественно различные функции. Они связаны друг с другом и поэтому представлены в одной («смешанной») таблице (разными строками), но их неосторожное отождествление ведет к противоречиям.

Так, например, некоторые из рецензентов обычно писали по поводу таблиц, определяющих ценностные значения результатов определенных на Φ *унарных алгебраических операций*, что вызывает недоумение тот факт, что число «столбиков» в этих таблицах у автора значительно больше, чем 4, в то время как в *двузначной алгебре ценностей* существует *точно* 4 математически различные *ценностные функции* (не больше и не меньше). Уважаемые рецензенты совершенно правы: с точки зрения *чистой математики*, в алгебре формальной аксиологии, рассматривающей два и только два ценностных значения (элементов из Φ), а именно x и p , имеется ровно 4 *математически различные ценностные функции*: две из них представляют *положительные* или *отрицательные* ценностные функции-*константы*, являющиеся инверсиями друг друга; две другие из них представляют ценностные функции, являющиеся инверсиями друг друга, но не являющиеся константами.

Число «столбиков» в табл. 1–4 больше четырех потому, что в них наряду с чисто ценностными функциями (которых ровно 4) в первой (сверху) строке упоминаются еще и n -арные (*алгебраические*) операции, т.е. n -местные функции $f: \Phi^n \rightarrow \Phi$. Поскольку число элементов непустого множества Φ (а также и непустого множества O) конечно, но потенциально бесконечно, постольку количество «столбиков» в табл. 1–4 можно изменять как угодно в соответствии с изменением области приложения математического аппарата (двузначной алгебраической системы метафизики как формальной аксиологии).

Данная статья посвящена *не чистой математике, а прикладной*. Областью приложения аппарата дискретной математики является в настоящей статье метафизика как формальная аксиология. Такое психологически неожиданное *приложение* математики является *качественно новым*, почти не исследованным, но представляющим теоретический интерес для метафизики, аксиологии, этики, эстетики, теории естественного права, а также для других собственно *ценностных* дисциплин, могущих стать областями *приложения* математики. Но бесспорно, что с точки зрения *чистой математики* в *двузначной булевой алгебре* метафизики как формальной аксиологии нет ничего нового: *двузначная булева алгебра* как *абстрактная математическая структура* известна с середины XIX века.

Вообще говоря, алгебра Буля как *собственно математическая* структура, т.е. дистрибутивная решетка с дополнениями, имеет потенциально бесконечное множество *качественно различных интерпретаций* – областей *приложения* (освобожденного от каких бы то ни было конкретных интерпретаций, т.е. *чисто математического аппарата*) этой алгебры; в частности, наряду с алгеброй классической логики, это еще и алгебра *множеств*, и алгебра *событий* в теории вероятностей [Владимиров, 1969], и алгебра *электротехнических устройств*. Впервые осознанная П. Эренфестом в самом начале XX века удивительная *аналогия* между собственно логическими (мыслительными) и электротехническими (материальными) системами была, как это часто бывает, проигнорирована его современниками и длительное время оставалась без должного внимания. Однако ни опубликованная в 1910 году пророческая догадка П. Эренфеста, ни последующие электротехнические интерпретации булевой алгебры В.И. Шестаковым, К. Шенноном и А. Накашимой [Бирюков, Борисова, Левин, 2009] не представляли

никакой научной новизны в *чистой* математике, но зато они отличались психологически неожиданной и стратегически важной для человечества *научной новизной* для математики *прикладной*. В отличие от упомянутых выше широко известных и очень важных *качественно различных интерпретаций* – областей приложения (свободного от любых интерпретаций) *собственно математического аппарата* булевой алгебры, предложенная несколько десятилетий назад двузначная булева алгебра *формальной аксиологии* (булева алгебра *ценностей*) почти неизвестна, поэтому вышеупомянутые критические замечания рецензентов и читателей возникают вполне естественно.

В связи с этим для разъяснения представленных в данной статье абстрактных дефиниций целесообразно обратить особое внимание на следующее: исследуя в течение нескольких десятилетий *качественно различные приложения* двузначной булевой алгебры *формальной аксиологии*, автор рассмотрел уже *несколько сотен* качественно различных (с точки зрения областей приложения) унарных формально-аксиологических операций этой алгебры (принадлежащих множеству O). Но ценностное значение (x или π) результата каждой из этих многочисленных алгебраических операций (являющихся элементами множества O) однозначно детерминировано с помощью какой-то одной и только одной из *четырех* вышеупомянутых *математически различных ценностных функций*, могущих быть определенными таблично. Каким бы большим не оказалось *обусловленное областью приложения* множество рассматриваемых алгебраических операций, все они разделяются на ровно четыре (непересекающихся) *класса формально-аксиологической эквивалентности* (в их отношении к ценностным функциям, с помощью которых определяется ценностное значение результатов этих алгебраических операций).

Аналогичное разъяснение целесообразно сделать и в отношении к функциям, зависящим от двух аргументов. В двузначной булевой алгебре *формальной аксиологии* существует ровно 16 *чисто математически различных двуместных ценностных функций*. Однако с точки зрения некоей *конкретной области приложения* может быть целесообразно рассмотреть некое более мощное множество (принадлежащих множеству O) качественно различных (с точки зрения этой конкретной области) *двуместных формально-аксиологических (алгебраических) операций*, т.е. функций, определенных на множестве Φ и имеющих в качестве своих значений какие-то элементы Φ . Поскольку понятия «*n*-местная ценностная функция» и «*n*-местная функция, являющаяся принадлежащей множеству O формально-аксиологической (алгебраической) операцией над элементами множества Φ », качественно различны, постольку, вообще говоря, множества, являющиеся объемами указанных двух различных понятий не являются равнозначными. Это естественным образом объясняет кажущееся странным, но вполне закономерное несовпадение числа 4 и суммы чисел «столбцов» приведенных выше табл. 1–4. Аналогичным образом объясняется и тот кажущийся странным факт, что во многих наших публикациях по двузначной булевой алгебре метафизики как *формальной аксиологии* сумма чисел «столбцов» тех ценностных таблиц, которые точно определяют ценностно-функциональный аспект *бинарных формально-аксиологических операций* двузначной алгебры метафизики (принадлежащих множеству O),

часто оказывается или меньше, или значительно больше 16. Именно такой случай и имеет место в представленной ниже таблице, точно определяющей соответствующие функции, детерминированные двумя аргументами.

Глоссарий для помещенной ниже табл. 5. Символ B_2ab обозначает (принадлежащую множеству O) бинарную формально-аксиологическую операцию «бытие (чего, кого) b без (чего, кого) a ». D_2ab обозначает (принадлежащую множеству O) бинарную формально-аксиологическую операцию «разделение (чего, кого) a и (чего, кого) b , т.е. их бытие порознь». N_2ab – «объединение небытия (чего, кого) a и небытия (чего, кого) b ». K_2ab – «объединение (чего, кого) a и (чего, кого) b , т.е. их бытие вместе» или «бытие (чего, кого) b (вместе) с (чем, кем) a ». C_2ab – «бытие (чего, кого) b в (чем, ком) a », т.е. «существование (чего, кого) b внутри (чего, кого) a ». \check{C}_2ab – «противоречие, противоположность, оппозиция, сопротивление (чего, кого) b (чему, кому) a ». T_2ab – «разрушение, уничтожение, убийство (чего, кого) a (чем, кем) b ». X_2ab – «спасение, сохранение, защита (чего, кого) a (чем, кем) b ». W_2ab – «война (чего, кого) b с (чем, кем) a ». Те из вышеперечисленных двуместных ценностных функций, которые устанавливают соответствие каждой упорядоченной паре ценностных значений элементов a и b из Φ , одного и только одного ценностного значения результата применения некой алгебраической операции (из O) к элементам a и b (из Φ), определяются в табл. 5.

Таблица 5. Функции, детерминированные двумя аргументами

\sqrt{a}	\sqrt{b}	$\sqrt{B_2ab}$	$\sqrt{D_2ab}$	$\sqrt{N_2ab}$	$\sqrt{K_2ab}$	$\sqrt{C_2ab}$	$\sqrt{\check{C}_2ab}$	$\sqrt{T_2ab}$	$\sqrt{X_2ab}$	$\sqrt{W_2ab}$
х	х	п	п	п	х	х	п	п	х	п
х	п	п	х	п	п	п	п	п	х	п
п	х	х	х	п	п	х	х	х	п	х
п	п	п	х	х	п	х	п	п	х	п

Глоссарий для помещенной ниже табл. 6. Φ_2ab – «война всех против всех (bellum omnium contra omnes), т.е. объединение (войны всякого a со всяким b) и войны (всякого b со всяким a)». (Именно Φ_2ab имел в виду автор «Левиафана», когда рассуждал об «естественном состоянии войны всех против всех», представляющем собой «естественное право всех на все» [Гоббс, 1965а, с. 292, 293, 307; 1965б, с. 152, 154, 156].) L_2ab – «любовь (чего, кого, чья) b к (чему, кому) a ». H_2ab – «ненависть, враждебность (чего, кого, чья) b к (чему, кому) a ». R_2ab – «реализация (чего, кого) b в ответ на a », например, «совершение поступка b в ответ на совершение поступка a ». V_2ab – «верность (чего, кого) b (чему, кому) a ». I_2ab – «измена, т.е. неверность, (чего, кого) b (чему, кому) a » или «предательство (чего, кого) a (чем, кем) b ». O_2ab – «отделение, отпадение, отказ (чего, кого) b от (чего, кого) a ». B_2ab – «бытие (чего, кого) b без (чего, кого) a ». D_2ab – «осуществление (чего, кого) b ради (или для) a ».

Таблица 6. Функции, зависящие от двух аргументов

\sqrt{a}	\sqrt{b}	$\sqrt{\Phi_2 ab}$	$\sqrt{L_2 ab}$	$\sqrt{H_2 ab}$	$R_2 ab$	$\sqrt{B_2 ab}$	$\sqrt{I_2 ab}$	$\sqrt{O_2 ab}$	$\sqrt{B_2 ab}$	$\sqrt{D_2 ab}$
х	х	п	х	п	х	х	п	п	п	х
х	п	п	х	п	п	х	п	п	п	п
п	х	п	п	х	х	п	х	х	х	х
п	п	п	х	п	х	х	п	п	п	х

Глоссарий для помещенной ниже табл. 7. $F_2 ab$ – «свобода (чего, кого) b от (чего, кого) a ». $\epsilon_2 ab$ – «принадлежность (чего, кого) a (чему, кому) b ». $P_2 ab$ – «власть, господство, доминирование (чего, кого) b над (чем, кем) a ». $\mathcal{E}_2 ab$ – «собственность (чего, кого, чья) b на (что, кого) a ». Uab – «суд над (чем, кем) a (чего, кого, чей) b ». $\mathcal{J}_2 ab$ – «позитивный закон, норма, приказ (чего, кого, чей) b для (чего, кого) a ». $E_2 ab$ – «отождествление, эквивалентность, совпадение, неразличимость моральной ценности (чего, кого) a и (чего, кого) b ». $U_2 ab$ – «исключающий моральный выбор между (чем, кем) a и (чем, кем) b », т.е. (1) реализация хорошего и воздержание от плохого, если a и b имеют противоположные моральные значения; (2) реализация более хорошего и воздержание от менее хорошего, если и a и b имеют моральное значение «хороший»; (3) реализация менее плохого и воздержание от более плохого, если и a и b имеют моральное значение «плохой»; (4) реализация любого одного и только одного произвольно выбранного либо a либо b , если количественного различия их одинакового морального значения нет». $A_2 ab$ – «не-исключающий моральный выбор между (чем, кем) a и (чем, кем) b ». Точнее говоря, $A_2 ab$ есть: (1) реализация $K_2 ab$, т.е. реализация (чего, кого) b вместе с реализацией (чего, кого) a , если и a и b , имеют моральное значение «хороший»; (2) реализация $U_2 ab$, если a и b имеют качественно различные моральные значения; (3) реализация $U_2 ab$, если и a и b имеют моральное значение «плохой».

Таблица 7. Функции от двух переменных

\sqrt{a}	\sqrt{b}	$\sqrt{F_2 ab}$	$\sqrt{\epsilon_2 ab}$	$\sqrt{P_2 ab}$	$\sqrt{\mathcal{E}_2 ab}$	$\sqrt{U_2 ab}$	$\sqrt{\mathcal{J}_2 ab}$	$\sqrt{E_2 ab}$	$\sqrt{U_2 ab}$	$\sqrt{A_2 ab}$
х	х	п	п	п	п	п	п	х	п	х
х	п	п	п	п	п	п	п	п	х	х
п	х	х	х	х	х	х	х	п	х	х
п	п	п	п	п	п	п	п	х	п	п

Определение DF-1 отношения эквивалентности на множестве Φ (объектов метафизики): результаты принадлежащих множеству O (определенных на множестве Φ) алгебраических операций Ω и Δ (являющихся функциями $\Phi^n \rightarrow \Phi$) называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (результаты операций Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества $\{x$ (хорошо); p (плохо) $\}$ при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) тех переменных объектов из Φ , от которых зависят

результаты операций Ω и Δ . Иначе говоря, результат операции Ω *формально-аксиологически эквивалентен* результату операции Δ , если и только если для любых a_1, \dots, a_n , $\sqrt{\Omega(a_1, \dots, a_n)} = \sqrt{\Delta(a_1, \dots, a_n)}$, т.е. ценностное значение принадлежащего множеству Φ результату операции $\Omega(a_1, \dots, a_n)$ тождественно ценностному значению принадлежащего множеству Φ результату операции $\Delta(a_1, \dots, a_n)$. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* результатов операций Ω и Δ обозначается символом « $=+=$ ».

Определенное на множестве Φ отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ($=+=$) разбивает множество Φ на *непересекающиеся* подмножества, называемые « $(=+=)$ -классами эквивалентности». Например, сколь угодно большое (потенциально бесконечное) непустое множество результатов определенных на Φ *унарных* операций (принадлежащих множеству O) разбивается в двузначной алгебраической системе $\langle \Phi, O, R \rangle$ на четыре « $(=+=)$ -класса эквивалентности», а сколь угодно большое (потенциально бесконечное) непустое множество результатов определенных на Φ *бинарных* операций (принадлежащих множеству O) разбивается в двузначной алгебраической системе $\langle \Phi, O, R \rangle$ на 16 « $(=+=)$ -классов эквивалентности». Например, определенные в табл. 1 результаты *унарных* алгебраических операций $Чa, Va, Pa$ принадлежат одному и тому же « $(=+=)$ -классу эквивалентности». В свою очередь, определенные в табл. 5 результаты *бинарных* алгебраических операций $B_2ab, W_2ab, Ч_2ab, T_2ab$ принадлежат тоже одному и тому же « $(=+=)$ -классу эквивалентности». Каким бы большим (например, насчитывающим несколько десятков или даже сотен элементов) ни был некий « $(=+=)$ -класс эквивалентности, все его элементы *формально-аксиологически эквивалентны* друг другу.

Определение DF-2: законом (алгебры) формальной аксиологии является любой такой и только такой результат принадлежащей множеству O (определенной на множестве Φ) алгебраической операции Ω (являющейся функцией $\Phi^n \rightarrow \Phi$), который принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) тех переменных, от которых зависит результат операции Ω . Иначе говоря, закон метафизики или, что то же самое, закон формальной аксиологии есть такой и только такой (формально-аксиологический) *объект метафизики* (элемент множества Φ), ценностное значение которого есть значение ценностной функции-константы, неизменно принимающей значение «хорошо». Будем обозначать закон двузначной алгебры формальной аксиологии (метафизики) символом @.

Определение DF-3: формально-аксиологическим противоречием в двузначной алгебре формальной аксиологии является любой такой, и только такой результат принадлежащей множеству O (определенной на множестве Φ) алгебраической операции Ω (являющейся функцией $\Phi^n \rightarrow \Phi$), который принимает значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) тех переменных, от которых зависит результат операции Ω . Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть такой и только такой (формально-аксиологический) *объект метафизики* (элемент множества Φ), ценностное значение которого есть значение ценностной функции-константы, неизменно принимающей значение «плохо». Будем обозначать *формально-аксиологическое противоречие* (в двузначной алгебре метафизики) символом ©.

Определение DF-4 отношения (формально-аксиологического) следования на множестве Φ (объектов метафизики). Для любых принадлежащих множеству O (определенных на множестве Φ) алгебраических операций Ω и Δ (являющихся функциями $\Phi^n \rightarrow \Phi$) верно по определению, что принадлежащий множеству Φ результат операции Δ есть *формально-аксиологическое следствие* принадлежащего множеству Φ результата операции Ω , если и только если $C_2\Omega(a_1, \dots, a_n)\Delta(a_1, \dots, a_n)=+=@$. (Ценностно-функциональное значение символа « C_2 » определено в табл. 5.)

Определению *отношения (формально-аксиологического) следования* уделяется в данной работе особое внимание: дефиниция DF-4 рассматривается (иллюстрируется) на конкретных содержательных примерах. Поскольку число букв в алфавитах русского и английского языков конечно, и они в данной статье уже использованы, постольку для увеличения выразительных возможностей нашего искусственного языка добавим в его алфавит буквы с верхним числовым индексом 1 и договоримся, что буква с таким индексом и та же самая буква без верхнего числового индекса 1 суть разные буквы.

Пусть символ L^1a обозначает «безнадежно несчастную половую любовь (кого) a »; символ Γ^1a – «чрезмерно большую непоправимую неудачу в исполнении долга, например, честного воина или честного финансиста a »; символ U^1a – «унизительно беспомощное, жалкое состояние, например крайнюю нищету, лишаящую (кого) a человеческого достоинства»; символ J^1a – «абсолютно безнадежное состояние тела больного a , сопровождающееся непрерывной нестерпимой болью»; B^1a – «бесчестие, дурная слава и позор изнасилованной девушки, например, в традиционных юго-восточных социокультурных системах»; \exists^1a – «абсолютная бессмысленность бытия (кого) a ».

Поскольку $C_2R_2L^1aT_2aaOL^1a=+=@$, постольку *метафизика* половой любви свидетельствует (на языке своей дискретной математической модели) о том, что нередкое совершение суицида «влюбленными истинно, но абсолютно безнадежно» – отнюдь не чистый вымысел поэтов, а печальная реальность отчетов полиции. Напомним, что здесь T_2aa обозначает самоубийство человека a ; в свою очередь, $R_2L^1aT_2aa$ обозначает совершение (кем) a самоубийства *в ответ на* свою безнадежно несчастную половую любовь (значение T_2aa определяется по табл. 5). Принадлежащим множеству Φ *формально-аксиологическим следствием* принадлежащего множеству Φ результата определенной на Φ бинарной операции $R_2L^1aT_2aa$ (*самоубийство a в ответ на L^1a*), является принадлежащий множеству Φ результат определенной на Φ унарной операции OL^1a – «отрицательная оценка, осуждение, отвержение, неприятие, отречение, отказ от (чего) L^1a ».

Поскольку Γ^1a , U^1a , J^1a , B^1a , \exists^1a *формально-аксиологически эквивалентны* L^1a , то, подставляя их по очереди вместо L^1a в $C_2R_2L^1aT_2aaOL^1a=+=@$ и опираясь на свое собственное знание жизни (личный опыт), образование и фантазию, читатель может самостоятельно сгенерировать дополнительные конкретные примеры из истории реальной человеческой жизни разных культур и слоев общества, убедительно демонстрирующие, что отношение формально-аксиологического следования одних (необходимо имеющих ценностный аспект) объектов метафизики из других действительно существует (в рамках собственно метафизического

аспекта реальности), и даже не зная о его существовании (и не веря в него), люди *подсознательно* принимают его во внимание и систематически используют в своей обычной повседневной жизни, о чем неумолимо свидетельствует печальная статистика самоубийств. В нормальном социуме доведенные до конца акты суицида – исключение из статистического правила (большинство до этого не доходит), но незавершенных попыток суицида значительно больше, а более или менее серьезных размышлений о проблеме «быть или не быть?», становящихся более или менее актуальными в особенно трудные (тяжелые) периоды или критические моменты жизни, субъект свободной моральной деятельности вряд ли может избежать.

Почему для *собственно теоретической* этики, которая, по мнению некоторых позитивистов, *трансцендентальна, сверхъестественна, трансцендентна* [Витгенштейн, 1958, с. 95; 2009, с. 131, 133, 135], являются экзистенциально важными такие абстрактные объекты как «самоубийство» и «запрет самоубийства» [Витгенштейн, 2009, с. 149], а для *собственно теоретической* философии вообще – *отрицательная метафизическая константа* «самоуничтожение»? На уровне *чисто эмпирического* познания изучаются отношения между чувственно воспринимаемыми объектами реального мира (например, *чисто эмпирический* уровень этики систематически обсуждают Д. Юм, М. Шлик, А. Айер, К. Поппер и их единомышленники), а на уровне *собственно теоретического* познания изучаются *отношения между абстрактными объектами*. Если *абстрактных объектов* теории нет, как нет и ее *собственных законов*, то нет и теории (например, этической теории) как таковой, а есть лишь ее иллюзия. Именно это послужило, на наш взгляд, глубинным основанием серьезного концептуального конфликта, описанного в [Эдмондс, Айдиноу, 2004], внешне выглядевшего как психологически странная личная ссора между эксцентричным Л. Витгенштейном и язвительно критичным К. Поппером в связи с обсуждением одного из принципиально важных вопросов этики, которая для первого, согласно «Трактату», есть *трансцендентальная* собственно теоретическая дисциплина (если она есть), а для второго – *чисто эмпирическая*.

В (достаточно развитых) теориях *необходимо* существуют некие *константы*. В математике это, например, число π и число e . В теоретической физике это, например, c (скорость света) и h (постоянная Планка). В теоретической логике это – «тождественно истинно (=закон формальной логики)» и «тождественно ложно (=формально-логическое противоречие)». А каковы константы *собственно теоретической* этики и *собственно теоретической* философии (=метафизики)? По нашему мнению, константами для *собственно теоретической* этики являются «тождественно хорошо (=закон формальной этики)» и «тождественно плохо (=формально-аксиологическое противоречие)». Рассмотрим конкретный пример. Согласно глоссарию для табл. 6, символ V_2ab обозначает «верность (чего, кого) b (чему, кому) a ». В том *частном* случае, когда a и b совпадают, согласно табл. 6, V_2bb (верность b самому себе) есть закон формальной этики, а NV_2bb – (неверность b самому себе, т.е. измена b самому себе) есть формально-аксиологическое противоречие [Лобовиков, 1984, с. 113–119].

В свете вышесказанного очевидно, что отнюдь не случайно в «Гамлете» Шекспира во время нравоучительной беседы с Лаэртом Полоний провозглашает *вер-*

ность самому себе в качестве наивысшего нравственного императива – универсального принципа метафизики морали, а именно:

«... Всего превыше: верен будь себе.
Тогда, как утро следует за ночью,
Последует за этим верность всем»¹.

О каком следовании говорит здесь Полоний? Следование утра за ночью есть следование одного физического события за другим в пространстве и времени. Но «верность себе» и «верность всем» не являются физическими явлениями: здесь нет причинно-следственной связи. Использованное Полонием слово «как» указывает на то, что он *уподобляет* одно следование другому, но *подобие (сходство) есть не тождество, а аналогия*. Назовем следование утра за ночью «следованием № 1», а следование верности всем из верности себе – «следованием № 2». Очевидно, что слово «следование» используется Полонием в двух качественно различных значениях, между которыми есть некоторое *сходство* (подобие). Для естественного языка это отнюдь не новость. Прецедент уже существует: следование одних мыслей из других в логике тоже не является следованием одних физических событий за другими в пространстве и времени. Логическое следование не является причинно-следственным отношением.

Допустить в качестве гипотезы, что, говоря о «следовании № 2», Полоний имел в виду собственно логическое следование (назовем его «следованием № 3»), тоже нельзя, так как представители логического позитивизма (например, М. Шлик, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, А. Дж. Айер) отреагируют на такую гипотезу решительным протестом, заявив, что выражения «верен будь себе» и «верность всем» бессмысленны, т.е. не имеют семантического значения (в мире *опыта*); они не выражают истинные или ложные высказывания о мире как тотальности фактов и только фактов, поэтому применять к таким выражениям логику, строго говоря, неуместно. Но тогда о каком «следовании» говорил Полоний? По нашему мнению, сам того не осознавая, Полоний говорил о *формально-аксиологическом следовании*² одних *ценностных* объектов (в данном конкретном случае *поступков*) из других. В сущности, «следование № 2» есть не что иное как *метафизическое следование* одних *аксиологических объектов метафизики* из других. В конкретном частном случае Полония, «следование № 2» есть *формально-этическое следование* одних (морально-правовых) *поступков* из других, а именно, по мнению Полония, из верности самому себе *формально-этически следует* верность всем. Но что значит «верность всем»? Если имеется в виду верность абсолютно всем, включая врагов и даже дьявола, то это абсурд (формально-аксиологическое противоречие). Судя по контексту, под «верностью всем» Полоний подразумевал «верность всем *своим* (включая *своего* Бога)». Если так, то, согласно обсуждаемой алгебраической системе формальной этики, Полоний совершенно прав, так как: $C_2B_2aaB_2Paa=+=@$; $C_2B_2aaB_2Gaa=+=@$.

¹ Шекспир У. Гамлет, принц Датский. Ижевск: Удмуртия, 1981. С. 29.

² Точная дефиниция *формально-аксиологического следования* дана выше в настоящей статье с помощью определения DF-4.

Согласно вышесказанному, мудрый Полоний, сам того не осознавая, вполне адекватно выразил в естественном языке некий основополагающий закон *двузначной алгебры формальной этики*, а именно, «закон верности себе» – *формально-этический аналог «собственно логического закона тождества»*, или «закон небытия формально-аксиологического самопротиворечия поведения» – *формально-этический аналог «собственно логического закона непротиворечия»* [Лобовиков, 1984, с. 113–119].

Согласно данным выше определениям, $Ca=+=T_2aa=+=Xa=+=NB_2aa=+=\odot$: *самоубийство есть измена (неверность) самому себе*, являющаяся *отрицательной константой* для *собственно теоретической этики*. Более того, поскольку $Pa=+=a$, постольку (1) $V_2aa=+=V_2Paa$: *верность самому себе эквивалентна верности своим* (родным, дорогим, близким, друзьям, и вообще всем являющимся *своими*) для a ; (2) $X_2aa=+=X_2Paa$: – «*самосохранение, самозащита* (чего, кого) a эквивалентна спасению, сохранению, защите своих (родных, дорогих, близких, друзей и вообще всех являющихся *своими*) для a . Поэтому, будучи изменой (неверностью) самому себе, самоубийство есть также еще и акт совершаемого самоубийцей *предательства* всех его родных (детей, родителей и др.), друзей и вообще *всех своих* для a . (Во многих морально-правовых культурах существует кредо «своих не бросаем»; а самоубийца это кредо нарушает.) В реальной практической деятельности медицинских, полицейских и педагогических учреждений, а также в рамках социального института семьи, такого типа рассуждения систематически используются в профилактических беседах с потенциальными самоубийцами или лицами, пытавшимися совершить суицид, но по каким-то причинам не доведшими дело до конца. Любопытно, что сформулированная выше *алгебраическая система формальной этики* удивительно хорошо соответствует фактически широко используемым морально-психологическим средствам реальной практической деятельности субъектов (как индивидуальных, так и коллективных), занимающихся профилактикой самоубийств.

Одним из институтов, занимающихся такой деятельностью, является церковь, ведущая разъяснительную работу среди верующих [Augustine, 1994, p. 176–184], стремящаяся убедить их в том, что:

«Каждый отвечает за свою жизнь перед Богом, давшим ее. Бог остается ее абсолютным Владыкой. Мы должны с благодарностью принимать ее и защищать ее в честь Бога и ради спасения наших душ. Мы – только управляющие, но не хозяева жизни, которую Бог доверил нам. Мы не можем распоряжаться ею. Самоубийство противоречит естественной склонности человека сохранять и продолжать свою жизнь. Оно глубоко противоречит законной любви к себе. Оно оскорбляет любовь к ближнему, ибо несправедливо разрывает связи солидарности с семейным, национальным и человеческим обществом, по отношению к которому у всех нас есть обязательства. Самоубийство противоречит любви к Богу ...»³.

С точки зрения тех позитивистов, которые уважают, знают и систематически используют логику, но уверены в семантической бессмысленности этических,

³ Катехизис Католической Церкви, Глава 2, 2280–2281 // Католическая Община Покрова Пресвятой Богородицы Царицы Святого Розария [Электронный ресурс] URL: <https://catholic.tomsk.ru/catechism/0322.htm#s5p1a6> (дата обращения: 29.05.2024)

метафизических и богословских текстов, предложение «Самоубийство есть противоречие любви к Богу» не имеет значения: оно ничего не утверждает, не является истинной или ложной пропозицией. По нашему мнению, эти позитивисты упускают из виду то, что наряду с формально-логической (дескриптивно-индикативной) семантикой естественный язык обладает еще и формально-аксиологической семантикой: слова и словосочетания естественного языка могут иметь *ценностно-функциональные значения*. Некоторые ценностно-функциональные значения суть ценностные функции-константы. Ценностным значением слова «самоубийство» является *отрицательная* ценностная функция-константа, а ценностным значением слова «Бог» является *положительная* ценностная функция-константа. Ценностное значение словосочетания «любовь к...» есть такая (не являющаяся константой) одноместная ценностная функция, аксиологическое значение которой тождественно аксиологическому значению ее аргумента. Поэтому та композиция ценностных функций, которая является формально-аксиологическим значением словосочетания «любовь к Богу», есть *положительная* ценностная функция-константа. Ценностное значение (рассматриваемого в соответствующем падеже) слова «противоречие (чему, кому)...» есть такая (не являющаяся константой) одноместная ценностная функция, аксиологическое значение которой *противоположно* аксиологическому значению ее аргумента. Вот почему та композиция ценностных функций, которая является формально-аксиологическим значением словосочетания «противоречие (чему) любви к Богу», есть *отрицательная* ценностная функция-константа. Итак, получается, что «самоубийство» находится в отношении « $=+$ » с «противоречием (чему) любви к Богу».

Если принять во внимание, что слово «есть» имеет в естественном языке не одно, а много *качественно разных* значений и, в частности, может обозначать отношение « $=+$ », то следствием вышесказанного является предложение «Самоубийство есть противоречие (чему) любви к Богу». Вопреки позитивистам, это предложение выражает семантически осмысленную пропозицию: оно истинно. Истинность этой пропозиции обосновывается в обычной (традиционной) *позитивной* теологии очень трудоемкими и сложными содержательными рассуждениями и многочисленными ссылками на священные тексты и канонизированные комментарии к ним. А в современной *естественной* теологии, систематически использующей двузначную алгебраическую систему метафизики как формальной аксиологии, истинность (легко и быстро получаемой «на кончике пера») пропозиции «Самоубийство есть противоречие (чему) любви к Богу» ($Ca=+=ЦЛGa$) устанавливается аккуратным «вычислением» соответствующих ценностных функций и их композиций.

Очень важно, что аккуратность такого «вычисления» может легко и быстро проверить любой человек, свободно владеющий указанным математическим аппаратом. Аналогичным образом, на уровне предложенной дискретной математической модели естественной теологии, путем аккуратного «вычисления» соответствующих композиций ценностных функций демонстрируется (и при желании тщательно перепроверяется кем угодно), что: ($C_2ECaEb=+=@$) – «Если самоубийство дозволено, тогда все дозволено»; ($C_2NEbNECa=+=@$) – «Если что-то не дозволено, тогда самоубийство не дозволено» [Витгенштейн, 1958, с. 149]; ($Ca=+=ЭGa$):

самоубийство есть измена Богу, неверность Ему, предательство Его. Для того чтобы убедиться в сказанном, *нет необходимости* в многочисленных ссылках на религиозные авторитеты и священные тексты, а также в обращении к «религиозному опыту» и «мистической интуиции»; вполне достаточно применить метод, который можно было бы назвать «вычислительной теологией». Г. В. Лейбниц любил говорить в таких удивительных случаях: “*Calculemus!*” т.е. «*Давайте посчитаем!*» [1984, с. 496–497].

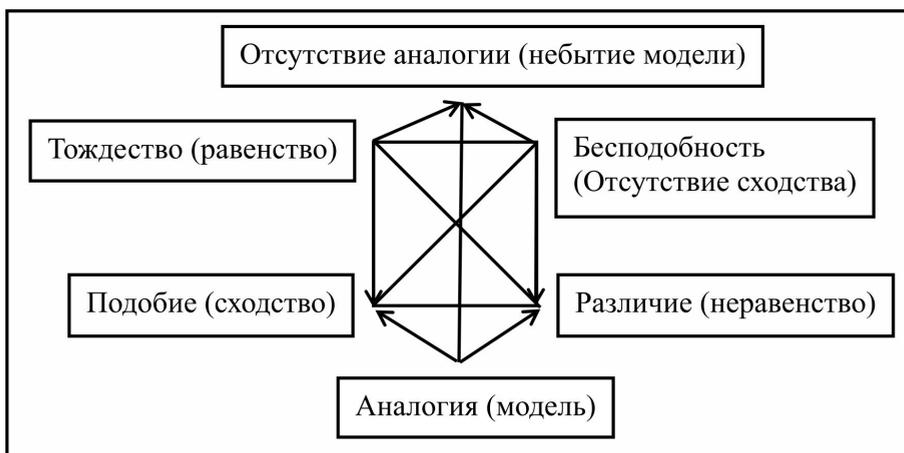
По нашему мнению, *формальная этика, естественное право, естественная теология, а также метафизика как абстрактная формальная аксиология вообще* представляют собой *качественно новую* нетривиальную интерпретацию булевой алгебры по сравнению с ее *собственно логической* интерпретацией. Иногда нежелание признать *нетривиальную научную новизну* результатов приложения *собственно (чисто) математического* аппарата булевой алгебры к *формальной этике* (и к *метафизике как абстрактной формальной аксиологии вообще*) аргументируется тем, что якобы имеет место просто приложение давно известной булевой алгебры *формальной логики* к *этике* (или к *метафизике*), а ничего качественно нового при этом не создается.

По нашему мнению, *существенно аналогичная* ситуация имела место в первой половине XX века в связи с булевой алгеброй *формальной логики* и электротехникой: подавляющее большинство исследователей говорило и писало о «*приложении булевой алгебры формальной логики к электротехническим системам*»: речь шла о «логическом анализе релейно-контактных схем», но, строго говоря, *собственно логический* анализ применим лишь по отношению к адекватно выраженным в языке истинным или ложным мыслям (высказываниям) и отношениям между ними. Строго говоря, вполне *материальные* релейно-контактные электросхемы истинными или ложными *мыслями* (высказываниями) не являются, следовательно, «формально-логический анализ и синтез релейно-контактных схем» – не более чем красивая *метафора*, которую *нельзя понимать буквально*, но которая является вполне адекватным выражением некоей удивительной (эвристически очень важной) и в практическом отношении стратегически значимой для человечества *анalogии*. Лишь некоторые ученые (например, С.А. Яновская) вполне осознавали (и намекали или робко замечали), что, строго говоря, речь идет не о непосредственном применении *собственно логики*, а о непосредственном применении *собственно математики*, а именно – аппарата *чистой* булевой алгебры, свободной от какой бы то ни было конкретной интерпретации (в том числе и от *собственно логической*) к *техническим* системам, которые (в отличие от истинных или ложных *мыслей*) не идеальны, а материальны.

Подобно тому как впервые гениально замеченная в 1910 г. П. Эренфестом *аналогия* между формально-логическими и электротехническими системами, независимо переоткрытая и развитая в дальнейшем В.И. Шестаковым, К. Шенноном и А. Накашимой, была первоначально рассмотрена и длительное время воспринималась как не более чем особая разновидность логики, или ее (логики) практически значимых непосредственных приложений, впервые предложенная несколько десятилетий назад (в самом начале 70-х годов прошлого века) булева *алгебра формальной этики* (хороших или плохих *поступков*) и затем ее фунда-

ментальное обобщение – булева алгебра *метафизики как абстрактной формальной аксиологии вообще* были восприняты и, к сожалению, продолжают восприниматься подавляющим большинством как не более чем особая разновидность логики или ее (логики) практически значимых непосредственных приложений.

В основе такого, строго говоря, ошибочного, восприятия лежит впечатляющая *аналогия* между булевой алгеброй формальной логики и булевой алгеброй формальной этики – двумя *качественно различными* интерпретациями (областями приложения) *чисто (собственно) математического* аппарата булевой алгебры (свободного от каких бы то ни было конкретных интерпретаций). Допустимо ли утверждать, что эти две интерпретации (формально-логическая и формально-этическая) суть одно и то же (что во второй нет ничего нового по сравнению с первой), т.е. *по аналогии* переходить от признания удивительного *сходства* к утверждению *тождества*? Насколько правомерен такой *перенос по аналогии* с точки зрения *общей методологии и логики науки*? Не является ли он грубой логико-методологической ошибкой? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прояснить взаимоотношения между следующими понятиями: «тождество»; «различие»; «сходство (подобие)»; «аналогия (аналогичность)»; «модель (аналог)». Для наглядного представления системы логических отношений между упомянутыми понятиями можно с успехом использовать впервые предложенный (изобретенный) Ж.-И. Безье [Béziau, 2015] квадрат (и включающий его в себя гексагон) концептуальной оппозиции, помещенный ниже на рисунке.

Изобретенные Ж.-И. Безье логические квадрат и гексагон, моделирующие систему логических отношений между понятиями «тождество», «различие», «сходство (подобие)», «модель (аналог)»

J.-Y. Béziau's interpretation of the logical square and hexagon that models the system of logical relations between the concepts of "identity", "difference", "similarity", "model (analogue)"

Напомним, что линии, пересекающие квадрат, моделируют отношение контрдикторности, верхняя горизонтальная линия моделирует отношение контрапности, а нижняя горизонтальная линия – отношение субконтрарности. Стрелки

моделируют отношение подчинения (логического следования). Все общеизвестные (из курса традиционной формальной логики) логические правила для отношений контрадикторности, контрарности, субконтрарности и подчинения имеют силу и для представленного на рисунке гексагона Ж.-И. Безье, удачно, на наш взгляд, визуализирующего логический аспект абстрактного понятия «аналогия (модель)». То, что из тождества логически следует сходство (подобие), но из подобия (сходства) логически не следует тождество, объясняется тем, что отношение тождества рефлексивно, симметрично и транзитивно, т.е. является отношением эквивалентности, а сходство (подобие) отношением эквивалентности не является, так как рефлексивно, симметрично, но не транзитивно.

Представленная на рисунке графическая модель является эффективным средством прояснения, уточнения и разрешения проблемы, обсуждаемой в данной статье. Проблема возникает потому, что без достаточных на то оснований, обнаружив удивительное *подобие (сходство)* двузначной формальной логики и двузначной формальной аксиологии, переходят к утверждению, что они *идентичны (тождественны)*, совершая тем самым грубую логическую ошибку. Этот логически некорректный дискурс, напоминая жульническую «игру в наперстки», нарушает то правило логического квадрата, которое регламентирует логические отношения между подчиняющим и подчиненным суждениями, а именно, если есть *тождество*, то есть *сходство (подобие)*, но из того, что есть *сходство (подобие)*, не следует логически, что есть *тождество*.

Согласно рисунку, удивительная *аналогия (модель)* есть конъюнкция (1) удивительного *сходства (подобия)* и (2) качественного *различия*. Если существенного различия модели от оригинала нет, то это уже не модель. В обсуждаемом нами конкретном случае качественное *различие* аналогов проявляется, например, в том, что формально-логически противоречивое осуществить невозможно, а формально-аксиологически противоречивое осуществить возможно. Печальные акты самоуничтожения формально-аксиологически противоречивы, но реализуемы, в то время как исполнение формально-аксиологических законов (например, закона самосохранения или закона верности самому себе) нередко требует значительных ресурсов и усилий, а не осуществляется само собой автоматически (как тавтология в логике).

В настоящей статье для предотвращения логико-лингвистических недоразумений, в частности для разрушения парадоксов, могущих возникнуть в процессе применения обсуждаемой алгебраической системы к конкретному материалу, необходимо сформулировать следующий логико-лингвистический *принцип разделения суждений о сущем и суждений о ценности*, именуемый правилом A&B:

(A) из $(\alpha \neq \omega)$ не следует логически, что $([\alpha] \leftrightarrow [\omega])$;

(B) из $([\alpha] \leftrightarrow [\omega])$ не следует логически, что $(\alpha \neq \omega)$.

В данной формулировке правила A&B, символы α и ω обозначают некие (любые) элементы того множества Φ , на котором построена обсуждаемая алгебраическая система. В отличие от элементов множества Φ , т.е. или хороших, или плохих объектов метафизики, обозначенных в правиле A&B символами α и ω , символы $[\alpha]$ и $[\omega]$ в этом правиле обозначают или истинные, или ложные высказывания *о сущем*, утверждающие, соответственно, что «метафизический объект α суще-

существует (реализован)» и «метафизический объект ω существует (реализован)». Вот почему объединение высказываний $[\alpha]$ и $[\omega]$ с помощью логической операции « \leftrightarrow » вполне осмысленно.

Теперь целесообразно проиллюстрировать абстрактную формулировку правила A&V какими-нибудь конкретными примерами и продемонстрировать на них способность правила A&V эффективно разрушать психологические иллюзии логико-лингвистических парадоксов. Для перехода к конкретным примерам перейдем от A&V к A*&V* путем (1) подстановки NB_2bb (неверность b самому себе) вместо α и (2) подстановки T_2bb (суицид b) вместо ω .

Выше уже было замечено, что суицид и измена себе (а также всем своим) формально-этически эквивалентны (они принадлежат одному и тому же классу $=+=-$ -эквивалентности). Но из суждения, фиксирующего факт совершенной субъектом b измены себе (а также всем своим), логически не следует суждение, фиксирующее факт самоубийства субъекта b . Рассмотрим конкретный пример: в чрезвычайной обстановке военного времени гражданин b совершил измену своему государству в форме шпионажа и был казнен за это по решению суда, установившего факт измены, но факта суицида гражданина b в таком случае нет: самоубийство субъекта b не существует, так как его умерщвление было исполнено не им самим (и весьма вероятно, вопреки его желанию). Еще один конкретный пример такого рода – личная история Иосифа Флавия, имевшая место во времена описанных им войн Рима с Иудеями.

Итак, может быть истинно, что $NB_2bb=+=T_2bb$, но ложно условное суждение $([NB_2bb] \supset [T_2bb])$: «Если существует неверность (измена) субъекта b себе, то существует самоубийство субъекта b ». Кроме того, может быть истинно, что $NB_2bb=+=T_2bb$, но ложно условное суждение $([T_2bb] \supset [NB_2bb])$: «Если имеет место факт самоубийства субъекта b , то имеет место факт совершенной субъектом b измены себе». В некотором конкретном случае может быть так, что факт самоубийства субъекта b есть, но факта измены себе нет. В некоторых житиях христианских мучениц утверждение факта их самоубийства истинно, а утверждение факта неверности (измены) упомянутых христианских мучениц самим себе и своему Богу ложно: фактически совершив суицид, эти мученицы фактически сохранили свою верность себе, Церкви и Богу.

С другой стороны, некоторые правочерные иудеи считают, что, фактически воздержавшись от самоубийства (в той конкретно-исторической ситуации), Иосиф Флавий – автор произведения «Иудейская война» – фактически совершил акт предательства самого себя, всех своих единоверцев и своего Бога; поэтому отношение к нему иудеев весьма неоднозначно.

Согласно Флавию, он вполне осознанно не присоединился к покончившим жизнь самоубийством многочисленным иудеям – защитникам крепости, в конце концов захваченной римлянами. Обдумав ситуацию, «взвесив все за и против», Иосиф сдался в плен и остался жив, следовательно, то, что самоубийства Флавия не было, – факт. Но из этого факта логически не следует, что Флавий сохранил верность своему народу и Богу. Итак, может быть истинно, что $NT_2bb=+=B_2bb$, но ложно условное суждение $([NT_2bb] \supset [B_2bb])$: «Если существует небытие самоубийства субъекта b , то существует верность субъекта b себе (и всем своим)».

Даже в наше время, хорошо зная историю, многие принципиальные иудеи относятся к Флавию как к изменнику. Это очень сложный и остро дискуссионный вопрос, существуют и иные (даже прямо противоположные) оценки поступка Флавия (использующие понятие «разумный компромисс»), но для прояснения содержательных оснований для принятия вышеупомянутого формального правила А&В важно то, что существуют такие принципиальные иудеи, которые вопреки многим своим соплеменникам искренне убеждены в том, что Флавий совершил морально-правовой акт *неверности* самому себе, своему народу и своему Богу. Таким образом, сформулированное выше правило А&В проиллюстрировано конкретными примерами из жизни, и его способность эффективно разрушать (или предотвращать) иллюзии парадоксов продемонстрирована.

«В Талмуде попытка самоубийства рассматривалась как преступление, подлежащее суду и наказанию. ...Из этого правила допускались исключения, например, при принуждении к идолопоклонству, инцесту или убийству. К этой же исторической эпохе относятся случаи массовых самоубийств среди иудеев (73 н.э.) перед лицом угрозы обращения в другую веру: защитники крепостей Масада и Йотапата предпочли смерть сдаче римлянам. Через тысячу лет (1190) аналогично поступила иудейская община в Йорке, которой грозило насильственное крещение» [Суицидология, 2001, с. 14]. В такого рода исключительных ситуациях именно самоубийство считалось проявлением верности себе, всем действительно своим и своему Богу, а самосохранение Иосифа Флавия (его попадание в плен и мирное сосуществование с римлянами, даже сотрудничество с ними) считалось чудовищной изменой (предательством своего народа и Бога).

Разнообразные (нередко логически взаимоисключающие) религиозно-философские, атеистические и скептические рассуждения о суициде развивались с древних времен от Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля [1984, с. 169–171], Сенеки [1977], Августина Блаженного [Augustine, 1994, р. 176–184], Св. Фомы [Аквинский, 2012, с. 325, 326; 2013] и М. Монтеня до наших дней [Суицидология, 2001, с. 11, 12, 17, 18].

Аристотель рассматривал самоубийство как измену не столько самому себе, сколько своему государству. Например, в «Никомаховой этике» он писал: «...Кто в гневе поражает себя по своей воле, совершает это вопреки верному суждению, закон же этого не разрешает. Следовательно, [такой человек] поступает неправомерно. Но с кем? Может быть с государством, а не с самим собой? В самом деле, он страдает не по своей воле, а никто не терпит неправомерности по своей воле. Вот почему государство даже налагает взыскание на самоубийцу и своего рода бесчестие преследует его как человека, который неправомерно поступил по отношению к государству» [Аристотель, 1984, с. 169]. Отрицательное отношение Аристотеля к *самоубийству как к измене своему государству*, моделируется в обсуждаемой алгебраической системе уравнением $T_2aa=+=I_2Ga=+=\odot$.

В своем фундаментальном труде «Сумма теологии» Фома Аквинский представил всесторонний морально-правовой (естественно-правовой), абстрактно-философский (собственно метафизический) и богословский (собственно теологический) анализ проблемы самоубийства. В связи с этим создается впечатление, что, рассуждая о нарушении самоубийцей естественного закона (или закона При-

роды), Св. Фома определяет понятие «естественный закон» точно так же, как Аристотель и знаменитые древнеримские юристы Ульпиан и Павел [Дигесты Юстиниана, 1984, с. 23, 25]. Однако, внимательно читая основополагающий труд Фомы Аквинского, можно заметить, что наряду с рецепцией древнеримской аксиологической трактовки *естественного права как того, чему Природа научила все живое, создав инстинкт (общебиологический закон-императив) самосохранения жизни* (в любой ее форме), Фома Аквинский смело *идет существенно дальше*, а именно, начиная с констатации общебиологического закона самосохранения, доходит затем до утверждения *значительно более общего* и абстрактного *собственно метафизического закона* (абсолютной ценности) *самосохранения любых субстанций*. Св. Фома пишет по этому поводу:

«Итак, порядок заповедей естественного закона соответствует порядку естественных склонностей. В самом деле, первая склонность человека к благу имеет место согласно той природе, в которой человек схож со всеми субстанциями, т.е. постольку, поскольку любая субстанция стремится сохранить свое бытие согласно своей природе. И согласно этой склонности, к естественному закону относится все то, что связано с сохранением человеческой жизни и препятствованием противоположному. – Во-вторых, человеку присуща склонность к кое-чему менее общему – в соответствии с природой, в которой он схож с другими животными. И согласно этому говорится, что к естественному закону относится *то, чему природа научила всех животных*, например, совокупление мужских и женских особей, обучение потомства и т.п. – В-третьих, человеку присуща особая склонность к благу сообразно природе его разума. Так, человек обладает естественной склонностью к познанию истины о Боге и к жизни в обществе. И согласно этому, к естественному закону относится все то, что связано с данной склонностью» [Аквинский, 2012, с. 325–326].

Основываясь на абстрактном *собственно метафизическом законе* (абсолютной ценности) *самосохранения любых субстанций*, в разделе 5 вопроса 64 во второй части второй части «Суммы теологии», отвечая на вопрос «Законно ли убить самого себя?», Фома Аквинский пишет:

«... В целом самоубийство является незаконным, и на то есть три причины. Первая – та, что все по природе любит себя, вследствие чего все по природе желает сохранить свое бытие и, насколько может, противится уничтожению. Поэтому самоубийство противно естественной склонности и той любви к Богу, посредством которой каждый человек должен любить самого себя. Следовательно, самоубийство, будучи противно естественному закону и любви к Богу, всегда является смертным грехом. Вторая – та, что любая часть как таковая принадлежит целому. Но любой человек является частью общества и как таковой принадлежит обществу. Поэтому, как говорит Философ, убивающий себя человек совершает неправомерный поступок по отношению к обществу. Третья – та, что жизнь – это Божий дар человеку и подчинена власти Того, Кто умерщвляет и оживляет. Следовательно, всякий, кто отнимает жизнь у самого себя, грешит против Бога (как грешит против хозяина раба тот, кто убивает чужого раба, и [как грешит] тот, кто судит о том, о чем он судить не вправе). В самом деле, одному только Богу дано ре-

шать, кому умереть, а кому – жить, согласно сказанному [в Писании]: «Я умерщвляю и оживляю» (Вт. 32, 39)» [Аквинский, 2013].

В указанном выше разделе «Суммы теологии» Фома Аквинский подробно анализирует всевозможные возражения против абсолютности отрицательной ценности самоубийства и абсолютности положительной ценности самосохранения. Против каждого из этих возможных возражений он формулирует свои возражения и подкрепляет их аргументами. Например, Св. Фома обращает внимание на следующее возможное: «*Возражение 2.* Далее, тот, кому доверена власть в обществе, вправе убивать преступников. Но тот, кому доверена власть в обществе, подчас сам бывает преступником. Следовательно, он может законно убить самого себя» [Аквинский, 2013]. Опровержение этого возражения осуществляется Св. Фомой так: «*Ответ на возражение 2.* Тот, кому доверена власть в обществе, вправе приговаривать преступника к смерти постольку, поскольку ему доверено производить суд. Но никто не может производить суд над самим собой. Поэтому власть предержавший не вправе приговаривать к смерти самого себя за грех, каким бы этот грех ни был, хотя он вправе предоставить себя на суд других» [Аквинский, 2013].

Удивительно, что в этом опровержении Св. Фома явно сформулировал *естественно-правовой принцип разделения судебной и исполнительной властей* задолго до знаменитых философов и юристов нового времени (Гоббс, 1965а, с. 334; 1965б, с. 182; Монтескье, 1999, с. 138–148]. Например, Т. Гоббс писал: «... указание естественного закона гласит: *никто не может быть судьей, или арбитром, в своем собственном деле*» [1965а, с. 334]. Но еще более удивительно, что этот *естественно-правовой принцип* (ставший впоследствии одним из важнейших принципов *позитивного конституционного права* во многих развитых странах) является *формально-аксиологическим законом* (положительной ценностной функцией-константой) в двузначной алгебре формальной аксиологии. На искусственном языке обсуждаемой алгебраической системы этот принцип представлен выражением $D_2 B^* a B U a = + = @$: разделение (власти исполнения a) и (власти суда над a) есть *формально-аксиологический закон*. Более того, согласно исследуемой алгебраической системе, $S a = + = U_2 a a = + = N D_2 B^* a B U a = + = ©$: самоубийство *формально-аксиологически равноценно* нарушению этого фундаментального закона *естественного права*. Кроме того,

$N U_2 a a = + = @$: для любого a , *небытие самосуда над* (чем, кем) a есть один из основополагающих принципов естественного права.

Выше в настоящей статье дефиниция отношения *формально-этического (формально-аксиологического) следования* одних поступков из других была рассмотрена на конкретном примере из «Гамлета». К этому можно добавить рассмотрение *формально-аксиологического следования* одних массовых действий (объектов метафизики морали) из других на конкретном примере учения Т. Гоббса о естественном (до-общественном) состоянии как войне всех против всех. Согласно Гоббсу, из войны всякого со всяким *следует*, что (в естественном состоянии) всем все дозволено (по отношению ко всем творится произвол); и обратное утверждение тоже верно, а именно, из того, что (в естественном состоянии) всем все дозволено, *следует* война всех против всех, так как все свободны от всех, всем принадлежит

всё, что угодно, и все всех ненавидят [19656, с. 305, 306]. На уровне обсуждаемой алгебраической системы это демонстрируется следующими уравнениями:

$$\begin{aligned} C_2K_2W_2abW_2baK_2^{\circ}Fa^{\circ}Fb=+=@; & C_2K_2^{\circ}Fa^{\circ}FbK_2W_2abW_2ba=+=@; \\ C_2K_2F_2abF_2baW_2abW_2ba=+=@; & C_2K_2F_2abF_2ba\epsilon_2ab\epsilon_2ba=+=@; \\ C_2K_2F_2abF_2baH_2abH_2ba=+=@. & \end{aligned}$$

Еще одним ярким конкретным примером *формально-аксиологического следования* одних массовых морально-правовых действий (объектов метафизики морали) из других является учение Ш.Л. де Монтескье о разделении законодательной, исполнительной и судебной властей [1999, с. 138–148].

Согласно данным выше определениям, уравнение $C_2ND_2\Upsilon Ya\Upsilon^{\circ}a^{\circ}Fa=+=@$ означает, что из отсутствия разделения судебной и исполнительной *властей формально-аксиологически следует* произвол, т.е. (согласно $^{\circ}Fa=+=N^{\circ}Ca$) отсутствие свободы морального выбора [Монтескье, 1999, с. 138].

Поскольку $K_2\Upsilon^{\circ}a^{\circ}Fa=+=N^{\circ}Ca$, постольку из соединения законодательной и исполнительной властей *формально-аксиологически следует* произвол, т.е. небытие свободы морального выбора [Монтескье, 1999, с. 138; Локк, 1988, с. 339–361]. Именно поэтому «...законодательную и исполнительную власть надо разделять» (Локк, 1988, с. 247), что моделируется в алгебраической системе естественного права *формально-аксиологическим законом* $D_2\Upsilon^{\circ}a^{\circ}Fa=+=@$.

Поскольку $ND_2\Upsilon Ya\Upsilon^{\circ}a^{\circ}Fa=+=N^{\circ}Ca$, постольку из отсутствия разделения судебной и законодательной властей *формально-аксиологически следует* произвол, т.е. отсутствие свободы морального выбора [Монтескье, 1999, с. 138].

Уравнение $C_2K_2\Upsilon Ya\Upsilon^{\circ}a^{\circ}N^{\circ}Ca=+=@$: означает, что из объединения судебной и исполнительной *властей формально-аксиологически следует* небытие свободы морального выбора, т.е. (согласно $N^{\circ}Ca=+=^{\circ}Fa$) произвол [Монтескье, 1999, с. 139].

Осознать и точно определить *формально-аксиологическую* сущность того *особого* (не логического) отношения *следования*, о котором идет речь в естественно-правовых сочинениях Гоббса и Монтескье, их авторы не могли, так как в то время еще не было ни булевой алгебры логики, ни осознания того, что математика как таковая абстрагируется от конкретной природы элементов тех множеств, которые она исследует и, значит, в принципе носителем некой алгебраической системы может быть и такое множество, конкретная природа элементов которого является *ценностной*. Если «книга *природы* написана на языке математики» (эта фраза обычно ассоциируется с Г. Галилеем), то теория естественного права (т.е. права *природы*) должна быть необходимо математизированной. В настоящее время она математизированной не является. Более того, в настоящее время *теории* естественного права (как именно *теории*) просто нет, поэтому нет и ее преподавания (как именно *теории*). Эта отрасль знания, когда-то (например, во времена Г.В. Лейбница — дипломированного и остепененного юриста) считавшаяся интеллектуально respectable научной и учебной дисциплиной, находится сегодня в жалком состоянии, рассматривается как некий исторический курьез, поэтому только историки всерьез его и обсуждают.

Но ни историки права, ни юристы-позитивисты не могут создать современную (необходимо математизированную) *теорию* естественного права. Для такой

научной революции (смены парадигмы) у них отсутствуют не только необходимые желание и смелость, но также еще и необходимые специальные знания из-за отсутствия соответствующего профессионального образования. В начале XX века О. Шпенглер писал о необходимости такой (ориентирующейся на развитие математики) научной революции (решительной смены парадигмы) в научных исследованиях *теории* права (как собственно *теории*) и в ее преподавании будущим юристам [Spengler, 1928, p. 67, 82, 83]. На это, по мнению Шпенглера, человечество должно было потратить приблизительно сто лет. Упомянутое время прошло, но «воз и ныне там». Или Шпенглера очень невнимательно читали и не поняли, или поняли, но проигнорировали; так или иначе, предложенное (или предсказанное) им парадигмально значимое (гипотетическое) *качественное изменение* в теории права зашло в безнадежный тупик. Нетривиальная гипотеза Шпенглера (о необходимости приведения истории развития теории права в соответствие с историей развития математики) «зависла» в начале XX века и продолжает находиться в «подвешенном состоянии», так как в наше время выдающиеся юристы (всех стран и народов на этой планете) научными исследованиями, нацеленными на создание современной (математизированной) *теории* естественного права (как именно *теории*), не занимаются [Lobovikov, 2022a].

Ошибочно абсолютизируя пресловутое разделение наук на «науки о природе» и «науки о культуре», юристы последнего времени считают право «наукой о культуре», т.е. *чисто гуманитарной* дисциплиной (the humanities), которая принципиально несовместима с математикой как таковой; математика, по их мнению, уместна и плодотворна лишь в науках о природе. Но, по определению, естественное право есть право природы, следовательно, оно должно считаться «наукой о природе» и, следовательно, его математизация в принципе возможна и весьма перспективна. На это современные юристы-позитивисты, как правило, отвечают замечанием, что если так называемое «естественное право» и является «наукой о природе», то лишь по названию, а не по сути, так как *право есть вид культуры, а культура есть система норм и ценностей*; в природе же никаких норм и ценностей нет: природа аксиологически и деонтически нейтральна, безразлична. Однако такая позиция представителей юридического позитивизма противоречит классическому римскому праву; определяя понятие «естественное право», выдающийся древнеримский юрист Ульпиан писал:

«Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово «право» (ius). Право получило свое название от “правосудия” (iustitia), ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом. По заслугам нас называют жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, <...> Естественное право (ius naturale) – это то, которому природа научила все живое...» [Дигесты Юстиниана, 1984, с. 23].

Другой выдающийся юрист древней Римской империи – Павел утверждал: «Слово “право” употребляется в нескольких смыслах: во-первых, “право” означает то, что всегда является справедливым и добрым – каково естественное право» [Дигесты Юстиниана, 1984, с. 25]. Современные юристы убеждены, что, поскольку «добро (хорошо)» и «зло (плохо)» суть *оценочные* понятия естественного пра-

ва (=метафизики морали), постольку математизация естественного права невозможна, так как «математика» и «добро» несовместимы в принципе. Убедительное опровержение этого, к сожалению, до сих пор господствующего *предрассудка* содержится в статье выдающегося англо-американского философа, логика и математика А. Н. Уайтхеда «Математика и добро» [Whitehead, 1941].

Возможность существования строго универсальных неизменных законов этики (как метафизики морали), и естественного права, представляющих собой некое «абсолютное добро», всегда была и остается в позитивизме под вопросом (риторическим): подразумевается, что таких законов нет и быть не может в принципе [Шлик, 2008; Витгенштейн, 1958; 2009; Айер, 2010, с. 147–172; Russell, 1986]. Но если никакой системы более или менее ясно сформулированных на многозначном естественном языке (и претендующих на универсальность и неизменность) законов естественного права нет, то что в таком случае уточнять и математически моделировать? Необходимым условием успешности (плодотворности) приложения математики к некоторой конкретной отрасли знания является достаточная зрелость (развитость) конкретного содержания этой отрасли знания: к моменту начала применения математических методов в ней должны уже существовать какие-то конкретные примеры хоть как-то сформулированных на многозначном естественном языке достаточно общих законов этой конкретной предметной области. В течение последнего времени на этой планете ученые проблемами естественного права, объявленного позитивистами метафизической химерой, не занимались. О какой достаточной зрелости (развитости) конкретного содержания отрасли знания, подлежащей математизации, может в таком случае идти речь?

Да, действительно, в последнее время научные исследования *естественного права как системы формально определенных законов* (именно *этого* права) не велись: во всех странах доминировал юридический позитивизм. Однако в так называемое «Новое Время» исследованием принципов *естественного права* занимались очень многие выдающиеся мыслители, в частности, Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо, считавшие, что *самосохранение — основной закон естественного права* [Гоббс, 1965а, с. 279, 289, 298, 304–308; 1965б, с. 150, 151, 155; Локк, 1988, с. 36, 180, 206, 267, 276, 340, 341, 349, 361, 389; Руссо, 1998, с. 199–224]. В этом отношении взгляды Гоббса, Локка и Руссо были очень близки *естественно-правовым* воззрениям древнеримских юристов (Ульпиана и Павла), а также учению Фомы Аквинского о *самосохранении любых субстанций как основополагающем принципе метафизики природы вообще* (и природы человека, в частности). Локк считал *самосохранение* «основным священным и неизменным» естественным законом, ради исполнения которого люди вступили в общество [1988, с. 347]. Он писал:

«...свыше человеческих сил в такой степени покориться другому, чтобы дать ему свободу уничтожить себя; бог и природа никогда не разрешали человеку забывать в такой степени, чтобы пренебрегать самосохранением, и поскольку он не может сам лишиться себя жизни, то он не может дать такое право и другому» [Локк, 1988, с. 361].

В другом месте того же сочинения утверждается: «Обязательства закона природы не перестают существовать в обществе, но только во многих случаях они бо-

лее четко выражены, и в соответствии с человеческими законами им сопутствуют известные наказания, для того чтобы принуждать их соблюдать. Таким образом, закон природы выступает как вечное руководство для всех людей, для законодателей в такой же степени, как и для других. Те законы, которые они создают для направления действий других людей, должны, так же как и их собственные действия и действия других людей, соответствовать закону природы, т.е. божьей воле, проявлением которой он является; и так как *основным законом природы* является *сохранение человечества*, то никакая человеческая санкция не может быть благодетельной или обоснованной, если она тому противоречит» [Локк, 1988, с. 341].

Ж.-Ж. Руссо писал об основополагающем (самом главном) законе естественного права – законе самосохранения:

«Эта общая свобода есть следствие природы человека. Первый ее закон – самоохранение, ее первые заботы – те, которыми человек обязан самому себе, и как только он вступает в пору зрелости, он уже только сам должен судить о том, какие средства пригодны для его самосохранения, и так он становится сам себе хозяином» [Руссо, 1998, с. 199].

«Если Государство или Гражданская община – это не что иное, как условная личность, жизнь которой заключается в союзе ее членов, и если самой важной из забот ее является забота о самосохранении, то ей нужна сила всеобщая и побудительная, дабы двигать и управлять каждой частью наиболее удобным для целого способом» [Руссо, 1998, с. 220].

«Общественный договор имеет своей целью сохранение договаривающихся» [Руссо, 1998, с. 224].

За долгий период, начиная с античности и заканчивая так называемой «Золотой Эрой Естественного Права» (XVII и XVIII века), человечество накопило большое количество как «чисто научных» (схоластических) трактатов по праву природы и метафизике морали, так и учебников по курсам лекций о естественном праве для студентов юридических факультетов университетов. Все они (без исключения) были выполнены на известном своими недостатками чисто естественном языке, но нередко авторы предлагали в своих работах какие-то более или менее ясные формулировки каких-то более или менее общих принципов или законов естественного права или метафизики нравственности. И в дошедших до нас фрагментах сочинений языческих философов, и в религиозно-философских трудах средневековья, и в светской философской литературе нового времени накопилось большое количество «афоризмов», выражающих именно *ценностный* аспект морально-правовой культуры в виде неких достаточно общих принципов, претендующих на универсальность.

Вот почему, на наш взгляд, в настоящее время нельзя сказать, что система знаний об обсуждаемой конкретной предметной области пока еще недостаточно развита («не созрела») для того, чтобы стать объектом удачной (плодотворной) математизации. По нашему мнению, уже к концу так называемой «Золотой Эры Естественного Права» (XVII и XVIII века) метафизическая доктрина права природы уже «дозрела» для того, чтобы стать объектом успешной математизации; но, к сожалению, еще «недозревшей» для этого в ту эпоху была математика;

не было ни алгебры Буля, ни ее общеизвестных сегодня практически значимых нетривиальных интерпретаций, ни общего учения о *математике как системе абстрактных математических структур*, свободных (отвлеченных) от любой конкретной природы элементов исследуемых ею множеств. Поскольку в настоящее время математика уже вполне «созрела» для того, чтобы стать адекватным языком для написания и чтения «книги природы» права, а также эффективным методом для систематического развития *теории* естественного права (как *собственно теории*), ориентированного на возможные стратегически значимые практические приложения, то начать работу по систематическому уточнению и математизации естественного права как системы *формально определенных* универсальных законов можно (а по нашему мнению, даже нужно) уже сейчас.

На наш взгляд, дискретное математическое моделирование сформулированных на естественном языке систем морально-правовых ценностей можно начать с того, что уже есть в культурном наследии человечества, систематически используя гипотетико-дедуктивный метод и постепенно накапливая опыт конструирования дискретной математической модели системы формально определенных законов естественного права методом проб и ошибок. В настоящей статье эта установка реализуется на конкретном материале метафизики самоуничтожения вообще и морально-правовых проблем самоубийства в особенности. Взаимоотношение *ценностно-функциональных значений* слов «самоубийство», «свобода» и «общество» моделируется в исследуемой алгебраической системе следующими формально-аксиологическими «уравнениями». Справа от каждой из этих двух эквивалентностей (непосредственно после знака «двоеточие») даны их переводы на естественный язык.

$Ca=+=T_2aa=+=F_2Жаа=+=\odot$: самоубийство (чье) *a* есть освобождение (свобода) *a* от (общества *a*).

$C_2Жаа=+=NF_2Жаа=+=\@$: [бытие (чего, кого) *a* в обществе (чьем) *a*] есть небытие свободы (чьей) *a* от общества *a*.

Итак, общее категорически отрицательное отношение Аристотеля, Августина и Фомы Аквинского к самоубийству как неверности самому себе и всем своим (включая свое гражданское общество, свое позитивное государство и своего Бога) моделируется в обсуждаемой алгебраической системе следующими уравнениями.

$$L_2ab=+=B_2ab.$$

$$H_2ab=+=I_2ab.$$

$$Яb=+=L_2bb=+=L_2Pbb=+=L_2Жbb=+=L_2Гbb=+=L_2Gbb=+=\@.$$

$$Cb=+=Xb=+=I_2bb=+=I_2Pbb=+=I_2Жbb=+=I_2Гbb=+=I_2Gbb=+=\odot.$$

$$ГGb=+=D_2\Phi_2abГGb=+=E_2X_2aaX_2bb=+=\@.$$

$$\Phi_2ab=+=K_2W_2abW_2ba=+=K_2^{\circ}Fa^{\circ}Fb=+=\odot.$$

$$\epsilon_2bb=+=K_2LbFb=+=^{\circ}Fb=+=Cb=+=\odot.$$

$$^{\circ}Cb=+=F^{\circ}Fb=+=N^{\circ}Fb=+=N\epsilon_2bb=+=NCb=+=\@.$$

Однако в истории философии существует также и *качественно иное* отношение к самоубийству, тоже возникшее в античности: в ту эпоху особенно отличились в указанном отношении эпикурейцы и стоики [Сенека, 1977; Суицидология, 2001]. С их точки зрения (хорошо согласующейся с предложенной ценностно-функциональной моделью учения Гоббса о естественном состоянии как «вой-

не всех против всех»), самоубийство есть вполне *естественное* (т.е. не социальное, а выходящее за пределы социума, расторгающее так называемый «общественный договор») состояние: если война любого a с любым b есть *естественное* состояние, а для любых a и b , $W_2ab = + = T_2ab$, то в том частном («вырожденном») случае, когда a совпадает с b , Φ_2ab – «война всех против всех, т.е. объединение (войны всякого a со всяким b) и войны (всякого b со всяким a)», превращается в Φ_2bb , т.е. просто в «войну всех против самих себя», что эквивалентно всеобщему самоубийству, согласно следующей эквивалентности $\Phi_2bb = + = W_2bb = + = T_2bb = + = F_2Jbb$.

В новое время всесторонний собственно философский анализ религиозно-нравственных проблем самоубийства с точки зрения *эмпиризма* и *скептицизма* был осуществлен в эссе Д. Юма «О самоубийстве» [1996, с. 697–706]. Великий представитель эмпиризма и скептицизма писал:

«...Принадлежит ли самоубийство к такого рода поступкам и является ли оно нарушением нашего долга по отношению к нашим *ближним* и *обществу*. ...Я не обязан делать незначительное добро обществу за счет большого вреда для себя самого; почему же в таком случае следует мне продолжать жалкое существование из-за какой-то пустячной выгоды, которую общество могло бы, пожалуй, получить от меня? Если на основании преклонного возраста и болезненного состояния я могу с полным правом отказаться от какой-нибудь должности и посвятить все свое время борьбе с этими бедствиями, а также облегчению по мере возможности несчастий своей дальнейшей жизни, то почему же я не мог бы разом пресечь такие несчастья посредством поступка, который столь же безвреден для общества?»

Но предположите, что не в моих силах более служить интересам общества; предположите, что я ему в тягость; предположите, что моя жизнь мешает каким-нибудь лицам принести обществу гораздо большую пользу. В таких случаях мой отказ от жизни должен быть не только безвинным, но и похвальным. <...>

Некто замешан в заговоре во имя общего блага; он схвачен по подозрению; ему грозит пытка; и он знает, что из-за его слабости тайна будет исторгнута от него. Может ли такой человек лучше послужить общим интересам, чем поскорее покончив со своей несчастной жизнью? Так обстояло дело со славным и мужественным Строцци из Флоренции» [Юм, 1996, с. 704–705].

«Что самоубийство часто можно совместить с нашим интересом и нашим долгом по отношению к нам самим, в этом не может быть сомнения для кого-либо, кто признает, что возраст, болезнь или невзгоды могут превратить жизнь в бремя и сделать ее даже чем-то худшим, нежели самоуничтожение. Я убежден, что никто никогда не отказывался от жизни, пока ее стоит сохранять. Ибо так велик наш естественный ужас перед смертью, что незначительные мотивы никогда не будут в силах примирить нас с ней...» [Юм, 1996, с. 705–706].

По нашему мнению, согласно представленной выше системе *уточненных* определений основных понятий двузначной алгебраической модели метафизики как формальной аксиологии, эта математическая модель вполне адекватна тому интеллектуальному капиталу, который философия накопила за тысячелетия, как в отношении к абстрактной метафизике самосохранения и самоуничтожения

любых субстанций вообще, так и в отношении к конкретной проблеме этики самоубийства и воздержания от него в особенности.

Итак, согласно вышесказанному, из «суицида b в ответ на a » *формально-аксиологически* следует («вытекает») принципиальное несогласие b с (чем, кем) a и решительный протест b против a , т.е. сопротивление b (чему, кому) a . Это – «дедуктивный дискурс» на уровне практической деятельности («дедуктивная аргументация» на «языке практических действий»), использующий метод обоснования от противного путем формально-аксиологически последовательного сведения формально-аксиологически противного к формально-аксиологическому абсурду (самоуничтожению), т.е. формально-аксиологическому противоречию. Очевидно, что, строго говоря, речь здесь идет не о логике как таковой, а об ее удивительном *формально-этическом аналоге*, заслуживающем, на наш взгляд, внимания и систематического научного исследования *наряду* с формальной логикой, и в какой-то разумной (ограниченной) мере, *по аналогии* с ней.

Список литературы

- Айер А.** Язык, истина и логика. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.
- Аквинский Ф.** Сумма теологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. Т. IV: Первая часть второй части. Вопросы 68–114.
- Аквинский Ф.** Сумма теологии. Киев: Ника-Центр; Эльга, 2013. Т. VIII: Вторая часть второй части. Вопросы 47–122.
- Аристотель.** Никомахова этика. Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 53–293.
- Бирюков Б. В., Борисова О. А., Левин В. И.** О вкладе В. И. Шестакова в создание логической теории релейных схем // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 83–92.
- Витгенштейн Л.** Дневники 1914–1916. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009.
- Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
- Владимиров Д. А.** Булевы алгебры. М.: Наука, 1969.
- Гоббс Т.** О гражданине // Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах. М.: Мысль, 1965а. Т. 1. С. 277–409.
- Гоббс Т.** Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах. М.: Мысль, 1965б. Т. 2. С. 45–678.
- Дигесты Юстиниана.** Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского. М.: Наука, 1984.
- Лейбниц Г.** Об универсальной науке, или философском исчислении // Г. Лейбниц. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 494–500.
- Лобовиков В. О.** Модальная логика оценок и норм с точки зрения содержательной этики и права. Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета, 1984.
- Лобовиков В. О.** Принцип композициональности в формально-аксиологической семантике естественного языка. Ценностные функции от конечного числа ценностных переменных в двузначной алгебраической системе формаль-

ной аксиологии как денотаты слов и сложных словосочетаний естественного языка культуры // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015а. Т. 140, № 2. С. 84–97.

Лобовиков В. О. «Оцифровка» марксистской философии – новый метод постижения разрушительной сущности марксизма (дискретная математическая модель формально-аксиологического аспекта марксистского политико-экономического идеала и его равноценности самоуничтожению социума) // Социум и власть. 2015б. Т. 53, № 3. С. 130–134.

Лобовиков В. О. Логические противоречия и морально-правовые парадоксы на стыке наукометрии и этики научных публикаций (оксюмороны «самограбеж» и «самокража» в искусственной интеллектуальной системе, именуемой «Антиплагиат») // Сибирский философский журнал. 2023б. Т. 21, № 3. С. 5–19.

Локк Дж. Сочинения в трех томах. М.: Мысль, 1988. Т. 3.

Мальцев А. И. Алгебраические системы. М.: Наука, 1970.

Монтескье Ш. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998.

Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.

Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах / Сост. А.Н. Моховиков. М.: Когито-Центр, 2001.

Шлик М. Вопросы этики. Логос. 2008. Т. 64, № 1. С. 188–206.

Эдмондс Д., Айдиноу Д. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Юм Д. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1996. Т. 2.

Aquinas T. Summa Theologica: In 3 Vols. Benziger Brothers, 1947.

Augustine. The City of God // Great Books of the Western World. Vol. 16: Augustine / Ed. by Mortimer J. Adler. Encyclopedia Britannica, 1994. P. 165–696.

Béziau J.-Y. The Logical Hexagon of Analogy: Structuring the Relations between Difference, Identity and Similarity // Handbook of the First World Congress on Analogy (Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, Puebla, Mexico, November 4–6, 2015) / Eds. by K. Gan-Krzywoszyńska, M. Leśniewska, P. Krzywoszyński, P. Leśniewski. Poznań: Publishing House KONTEXT, 2015. P. 12–13.

Lobovikov V. O. Formal Ethics and Non-Monotonic Politics. Of Public Power and Private Property // Ethics – Society – Politics. Papers of the 35th International Wittgenstein Symposium (August 5–11, 2012, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria) / Eds. by Martin G. Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2012. P. 179–181.

Lobovikov V. O. Leibniz's Motto "Calculemus!" and Its Significance for Developing the Natural Law Theory as a Consistent System of Universal Values Uniting All Possible Rational Persons // "Für unser Glück oder das Glück anderer" Volträge des X. Internationalen Leibniz-Kongresses (Hannover, 18–23 Juli 2016) / Heraus-

- gegeben von Wencho Li und andere. Zürich: Georg Olms Verlag, 2016. Band I. P. 541–550.
- Lobovikov V. O.** A Wonderful Analogy between Augustine's Definition of Moral-Value-Functional Sense of Response-Action and Philo's Definition of Truth-Functional Sense of Implication in Logic // CIENCIA ergo-sum. 2020. Vol. 27, № 3. P. 1–14.
- Lobovikov V. O.** Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions "Freedom" and Four Ones "Slavery" Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence) // Antinomies. 2022a. Vol. 22, № 1. P. 65–90.
- Lobovikov V. O.** Artificial Intelligence and an almost Unknown Aspect of Mathematical Linguistics // Discourse-P. 2022b. Vol. 19, № 3. P. 170–184.
- Lobovikov V. O.** Analytic philosophy of natural language of jurisprudence, ethics, and theology (Four mathematically different formal-axiological meanings of "law" and four ones of "power") // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023a. Vol. 71, № 1. P. 59–67.
- Russell B.** Is there an Absolute Good? // Russel: The Journal of Bertrand Russell Studies. 1986. Vol. 6, № 2. P. 144–149.
- Spengler O.** The Decline of the West. Vol. 2: Perspectives of the World History. New York: Alfred A. Knopf. Inc., 1928.
- Whitehead A.** Mathematics and the Good // The philosophy of Alfred North Whitehead / Ed. by Paul Arthur Schilpp. Chicago: Northwestern University Press, 1941. P. 666–681.

References

- Aquinas T.** Summa Theologica: In 3 Vols. Benziger Brothers, 1947.
- Aquinas T.** Summa Theologica. Moscow: Publishing house "LIBROCOM", 2012. Vol. IV: The First Part of the Second Part. Questions 68–114. (In Russian)
- Aquinas T.** Summa Theologica. Kiev: Nika-Centr; El'ga, 2013. Vol. VIII: The Second Part of the Second Part. Questions 47–122. (In Russian)
- Aristotle.** Nicomachean Ethics // Aristotle Writings in Four Volumes. Moscow: Mysl', 1984. Vol. 4. P. 53–293. (In Russian)
- Augustine.** The City of God // Great Books of the Western World. Vol. 16: Augustine / Ed. by Mortimer J. Adler. Encyclopedia Britannica, 1994. P. 165–696.
- Ayer A.** Language, Truth, and Logic. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2010. (In Russian)
- Béziau J.-Y.** The Logical Hexagon of Analogy: Structuring the Relations between Difference, Identity and Similarity // Handbook of the First World Congress on Analogy (Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, Puebla, Mexico, November 4–6, 2015) / Eds. by K. Gan-Krzywoszyńska, M. Leśniewska, P. Krzywoszyński, P. Leśniewski. Poznań: Publishing House KONTEXT, 2015. P. 12–13.
- Biryukov B. V., Borisova O. A., Levin V. I.** About V. I. Shestakov's Contribution to the Creation of the Logic Theory of Relay Circuits // Philosophy Questions. 2009. No. 3. P. 83–92. (In Russian)
- Edmonds D., Eidinow J.** Wittgenstein's poker: the story of a ten-minute argument between two great philosophers. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. (In Russian)

- Hobbes T.** On the Citizen // T. Hobbes. Selected Works in Two Volumes. Moscow: Mysl', 1965a. Vol. 1. P. 277–409. (In Russian)
- Hobbes T.** Leviathan, or the Matter, Form, and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civil // T. Hobbes. Selected Works in Two Volumes. Moscow: Mysl', 1965b. Vol. 2. P. 45–678. (In Russian)
- Hume D.** Writings in two volumes. Moscow: Mysl', 1996. Vol. 2. (In Russian)
- Justinian's Digests.** Selected Fragments / Translated and commented by I.S. Peretersky. Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
- Leibniz G.** Of Universal Science, or Philosophy Calculus // G.W. Leibniz. Writings in Four Volumes. Moscow: Mysl', 1984. Vol. 3. P. 494–500. (In Russian)
- Lobovikov V. O.** Modal Logic of Evaluations and of Norms from the Viewpoint of Content Ethics and Law. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta, 1984. (In Russian)
- Lobovikov V. O.** Formal Ethics and Non-Monotonic Politics. Of Public Power and Private Property // Ethics–Society–Politics. Papers of the 35th International Wittgenstein Symposium (August 5–11, 2012, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria) / Eds. by Martin G. Weiss, Hajo Greif. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2012. P. 179–181.
- Lobovikov V. O.** The Principle of Compositionality in a Formal-Axiological Semantics of Natural Language (Evaluation-Functions Determined by a Finite Number of Evaluation-Variables as Meanings of Words and Complex Word-Combinations in Natural Language of Culture) // Izvestiya of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences. 2015a. Vol. 140. No. 2. P. 84–97. (In Russian).
- Lobovikov V. O.** “Digitalizing” Marxist Philosophy – a New Method of Understanding the Destructive Essence of Marxism (a Discrete Mathematical Model of Formal-Axiological Aspect of Marxist Political-Economy Ideal and of Its Equivalence to Self-Annihilation of Socium) // Socium and Power. 20156. Vol. 53. No. 3. P. 130–134. (In Russian)
- Lobovikov V. O.** Leibniz's Motto “Calculus!” and Its Significance for Developing the Natural Law Theory as a Consistent System of Universal Values Uniting All Possible Rational Persons // “Für unser Glück oder das Glück anderer” Volträge des X. Internationalen Leibniz-Kongresses (Hannover, 18–23 Juli 2016) / Herausgegeben von Wenchao Li und ander. Zürich: Georg Olms Verlag, 2016. Band I. P. 541–550.
- Lobovikov V. O.** A Wonderful Analogy between Augustine's Definition of Moral-Value-Functional Sense of Response-Action and Philo's Definition of Truth-Functional Sense of Implication in Logic // CIENCIA ergo-sum. 2020. Vol. 27. No. 3. P. 1–14.
- Lobovikov V. O.** Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions “Freedom” and Four Ones “Slavery” Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence) // Antinomies. 2022a. Vol. 22. No. 1. P. 65–90.
- Lobovikov V. O.** Artificial Intelligence and an almost Unknown Aspect of Mathematical Linguistics // Discourse-P. 2022b. Vol. 19. No. 3. P. 170–184.
- Lobovikov V. O.** Analytic philosophy of natural language of jurisprudence, ethics, and theology (Four mathematically different formal-axiological meanings of “law” and

- four ones of “power”) // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023a. Vol. 71. No. 1. P. 59–67.
- Lobovikov V. O.** Logical Contradictions and Moral-legal Paradoxes at the Intersection of Scientometrics and Ethics of Scientific Publications (Oxymorons “Self-Pillage” and “Self-Theft” in the AI-System Called “Anti-Plagiarism”) // Siberian Journal of Philosophy. 2023b. Vol. 21. No. 3. P. 5–19. (In Russian)
- Locke J.** Writings in three volumes. Moscow: Mysl', 1988. Vol. 3. (In Russian)
- Maltsev A. I.** Algebraic Systems. Moscow: Nauka, 1970. (In Russian)
- Montesquieu C.** The Spirit of Laws. Moscow: Mysl', 1999. (In Russian)
- Moore G.** Principia Ethica. Moscow: Progress, 1984. (In Russian)
- Popper K.** Logic and Growth of Scientific Knowledge. Moscow: Progress, 1983. (In Russian)
- Rousseau J.-J.** On the Social Contract. Treatises. Moscow: KANON-press; Kuchkovo pole, 1998. (In Russian)
- Russell B.** Is there an Absolute Good? // Russel: The Journal of Bertrand Russell Studies. 1986. Vol. 6. No. 2. P. 144–149.
- Schlick M.** Problems of Ethics // Logos. 2008. Vol. 64. No. 1. P. 188–206. (In Russian)
- Seneca L.** Epistulae Morales ad Lucilium. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)
- Spengler O.** The Decline of the West. Vol. 2: Perspectives of the World History. New York: Alfred A. Knopf. Inc., 1928.
- Suicidology:** Past and Present: Suicide Problem in Writings by Philosophers, Sociologists, Psychotherapists, and in Fiction Texts / Ed. by A.N. Mokhovikov. Moscow: Kogito-Centr, 2001. (In Russian).
- Vladimirov D. A.** Boolean Algebras. Moscow: Nauka, 1969. (In Russian)
- Whitehead A. N.** Mathematics and the Good // The philosophy of Alfred North Whitehead / Ed. by Paul Arthur Schilpp. Chicago: Northwestern University Press, 1941. P. 666–681.
- Wittgenstein L.** Diaries 1914–1916. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2009. (In Russian)
- Wittgenstein L.** Tractatus Logico-Philosophicus. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1958. (In Russian)

Информация об авторе

Владимир Олегович Лобовиков, доктор философских наук, профессор
главный научный сотрудник отдела права Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Information about the author

Vladimir O. Lobovikov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Principal Researcher of the Department of Law of the Institute of Philosophy and
Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 08.07.2024;
одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 29.07.2024*

*The article was submitted 08.07.2024;
approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 29.07.2024*

Научная статья

УДК 1.14 + 130.31

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-39-56

Холистический потенциал теории нарративной идентичности

Владимир Владимирович Бабич

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

v.v.babich@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8537-9782>

Аннотация

Анализируется типология теорий тождества личностей. Выделяются критерии, являющиеся основаниями концептуализации теорий тождества: психологический, биологический, субстанциальный и нарративный. Представлены основные аргументы в пользу применения каждого критерия. Обозначены направления современной критики анализируемых теорий. Исследуется холистический потенциал теории нарративной идентичности в контексте совместного применения психологического, биологического и нарративного критерия для решения проблемы тождества личности. Утверждается, что теория нарративной идентичности допускает использование трех обозначенных критериев при конструировании холистической модели личной идентичности через ряд диалектических оппозиций: Я/Другой; личное/социальное; субъективное/объективное; интенциональность/пассивность; интеллигибельное/физическое.

Ключевые слова

тождество личности, биологический подход, психологический подход, субстанциальный подход, нарративная идентичность, холизм

Для цитирования

Бабич В. В. Холистический потенциал теории нарративной идентичности // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 3. С. 39–56. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-39-56

The holistic potential of narrative identity theory

Vladimir V. Babich

*Tomsk State University
Tomsk, Russia*

v.v.babich@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8537-9782>

Abstract

The paper analyzes the typology of personal identity theories. It identifies the criteria that form the basis for conceptualizing identity theories: psychological, biological, substantial and narrative. The main

© Бабич В. В., 2024

arguments in favor of using each criterion are presented and the directions of modern criticism of these theories are outlined. The holistic potential of the theory of narrative identity is studied in the context of the joint application of the psychological, biological and narrative criteria used to solve the problem of personal identity. It is argued that the theory of narrative identity allows the use of the three designated criteria in constructing a holistic model of personal identity through a number of dialectical oppositions: Self/Other; personal/social; subjective/objective; intentionality/passivity; intelligible/physical.

Keywords

personal identity, biological approach, psychological approach, substantial approach, narrative identity, holism

For citation

Babich V.V. The holistic potential of narrative identity theory. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 39–56. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-39-56

Проблема тождества личности является традиционной для философской антропологии. Еще в досократовской античности вопрос тождества поднимался пифагорейцами. Древнейшим примером, дошедшим до нас, является отрывок из Эпихарма: «Вот так смотри теперь и на людей: один растёт, другой чахнет, все всё время в изменении, но то, что изменяется по [своей] природе и никогда не остается тем же, уже отлично от пережившегося. Так и ты, и я: вчера одни, а ныне другие, [завтра же] опять иные, и никогда не одни и те же, по одному и тому же счёту» [Эпихарм, 1989, с. 260].

Современные дебаты о личной идентичности имеют долгую предысторию, берущую свое начало с классической главы «О тождестве и различии» в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка. Как известно, в этой главе философ фокусируется на «вопросе о постоянстве», связывая тождество личности с самосознанием и рефлексией. Локк утверждал, что личностное существование предполагает способность «рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах» [Локк, 1985, с. 387]. Размышления философа во многом определили последующую постановку вопроса о тождестве личности. После Дж. Локка обсуждение проблемы часто ограничивалось вопросом: каковы необходимые и достаточные условия для того, чтобы человек в момент времени t_1 был таким же, как человек в момент времени t_2 (числовая идентичность)? Следующий основополагающий вопрос о личной самоидентичности касается индивидуальных характеристик человека (качественная идентичность). Когда мы интересуемся тем, «кто есть кто», мы не просто пытаемся подтвердить числовую идентичность человека во времени, но интересуемся характерными чертами, которые делают кого-то конкретной личностью, которой он является.

Проблема тождества личности в современных дискуссиях обнаруживается в разных модальностях, отражающих ответ на вопрос «кто я?» как вопрос, касающийся моей самоидентичности. Этот вопрос можно рассматривать как вопрос повторной идентификации («должен ли я быть отождествлен с собой на старой фотографии?»), характеристики («каковы основные характеристики меня самого?»), принадлежности («членом какой группы или сообщества я являюсь/с кем я себя отождествляю и почему?») и, наконец, индивидуализации («действительно

ли я уникален или такой же, как все остальные?»). Ответы на эти вопросы зависят от критерия, на основании которого происходила концептуализация той или иной объясняющей теории тождества личности, и от того, какие аспекты нашего существования мы принимаем во внимание (темпоральность, воплощение, социальность, нормативность, интеллигибельность, нарративность и т.д.).

Типология теорий тождества личности: критерии, подходы, критика

Современная философская антропология содержит множество глобальных и локальных теорий тождества личности. Данные теории выстраиваются вокруг поиска критериев, позволяющих определять сохранение личности во времени (см., например: [Секацкая, 2018]). Устоявшаяся классификация содержит четыре критерия, выступающих основаниями для концептуализации теорий тождества личности: психологический, биологический (физический), субстанциальный и нарративный.

1. В современной интерпретации *психологический критерий* был сформулирован еще Дж. Локком. Философ определял личность как то, что имеет самосознание, память и способность к рефлексии. Согласно психологическому критерию, необходимым и достаточным основанием тождества личности является тождество состояния сознания, что подразумевает сохранение психологической континуальности. Какие-либо телесные изменения здесь не имеют значения.

Теории тождества, основанные на психологическом критерии, пытаются разграничить личностное и животное существование вида *Homo sapiens*, утверждают, что условия продолжения существования личности и человеческого животного разные. Это приводит к заключению, что биологическое и личностное существование численно различны, несмотря на то что пространственно они находятся в одном и том же месте (см.: [Чирва, 2012, с. 62]). Дж. Локк писал: «Насколько разумное существо может повторять идею прошлого действия с тем же самым сознанием о нём, настолько оно и есть одна и та же личность. Благодаря осознанию своих теперешних мыслей и действий разумное существо бывает для себя личностью теперь; она останется той же самой личностью и в будущем, поскольку может простирает то же самое сознание на действия, прошедшие или будущие, и не превратиться в две личности вследствие интервала во времени или переменны субстанции, как человек не превращается в двух людей оттого, что он сегодня носит не то платье, чем вчера, или оттого, что в промежутке у него был долгий или короткий сон. Одно и то же сознание объединяет в одну и ту же личность эти отдалённые действия, какие бы субстанции ни содействовали их совершению» [Локк, 1985, с. 392–393].

Психологическая континуальность подразумевает две способности личности. Способность накапливать, связывать и сохранять воспоминания о прошлом пережитом опыте и способность сохранять связь ментальных состояний во времени (убеждения, ценности, установки, характер и др.) (см.: [Мерцалов, 2023, с. 181–182]). Таким образом, согласно психологическому критерию, поддерживать тождество личности – это значит иметь способность наследовать и сохранять психологические характеристики: ценности, желания, убеждения, темперамент,

характер и воспоминания и т.п. С точки зрения психологического подхода вопрос о тождестве личности – это прежде всего вопрос о качественной идентичности.

Иллюстрируя свой тезис о том, что тождество личности основано не на телесности, а на постоянстве памяти и ментальных связей, Дж. Локк предлагал представить ситуацию, в которой сапожник и принц поменялись телами. Все воспоминания принца, его прожитый опыт и мысли теперь находятся в теле сапожника. Кто теперь из них кто, спрашивает философ. По мнению Дж. Локка, разумное большинство сочтет, что принц оказался в теле сапожника.

По мнению Д.Б. Волкова, косвенным доказательством «приоритетности психологических критериев также является особая озабоченность многих людей существованием после физической смерти... Пусть человеческое тело погибает, уничтожается, – считают они, – но личность все равно может быть сохранена. Интуитивно кажется, что для продолжения существования важно сохранение сознания, мышления, воспоминаний и других психологических характеристик» [Волков, 2017, с. 17]. Другие обыденные интуиции также согласуются с теорией Локка. «Интуитивно кажется, что пьяный человек не тот же самый человек, что человек трезвый. И критерий доступности в памяти это вполне оправдывает. Поступки, совершенные в состоянии невменяемости или опьянения, часто недоступны памяти человека. А значит, по психологическому критерию их нельзя приписывать к той же личности» [Там же, с. 17].

Психологический подход является наиболее распространённым при решении проблемы тождества личности (см.: [Кочнев, 2023, с. 115]). В современной аналитической философии продолжаются дебаты относительно аспектов психологического подхода, прежде всего связанных с проблемами цикличности и ошибками памяти, отсутствием транзитивности и наличием бессознательных состояний (когда наш психологический опыт прерывается или не осознается) (см., например: [Parfit, 1984; Гуревич, Спирина, 2016; Shoemaker, 2005; Винник, 2007; Noonan, 2019]). Отдельно развивается критика психологической теории в контексте неспособности объяснить особую заботу личности о себе, которую мы испытываем, говоря о своем будущем и моральной ответственности за прошлое (см., например: [Волков, 2016; Логинов, 2020; Schechtman, 2007]).

2. Концепции тождества, основанные на *биологическом критерии*, утверждают, что личностное существование определяется особенностями биологических процессов и является одним из этапов существования биологического организма вида *Homo sapiens*. Биологический критерий предполагает, что личность всегда казуально фундируется биологическими характеристиками организма, при этом биологическая связность выступает необходимым и достаточным условием сохранения человеческой личности во времени.

Биологический подход активно развивается со второй половины XX в. Исследователи рассматривали память как необходимое условие существования личности (подобно тому как это делали представители психологического подхода), однако онтологическим основанием психологических способностей выступал телесный компонент (см., например: [Wiggins, 1967; Williams, 1956; Ayers, 1974; Carter, 1988]). На рубеже веков произошло изменение в способе постановки вопроса о тождестве. С точки зрения биологического критерия Э.Н. Олсон и ряд

других исследователей предположили, что вопрос о тождестве личности – это вопрос прежде всего «о том, под какой субстанциальный сортальный термин мы с вами попадаем, иными словами: что мы такое?» [Логинов, 2018, с. 27].

Современный биологический подход, развиваемый Э.Н. Олсоном, рассматривает наше существование в качестве «человеческого животного» (human animals), которому не требуется сохранение психологической непрерывности для существования в качестве одного того же объекта во времени (см.: [Олсон, 2018, с. 111]). При этом под «животным» подразумевается нечто состоящее из материальных частей – живых клеток. В соответствии с биологической теорией тождества, личность может пониматься в качестве сознательной и временной части существования человеческого животного (см.: [Olson, 1997, p. 120–125]). Из этого следует, что любые наши высказывания о личности в качестве своего референта подразумевают организм. Таким образом, с точки зрения биологического подхода вопрос о тождестве личности – это прежде всего вопрос о числовой идентичности.

Подобно психологическому критерию, часть обыденных интуиций формируют представление о том, что тождество личности определяется тождеством тела. Человек с ретроградной амнезией признается другими той же самой личностью вне зависимости от того, что он утерял связь с прошлым собой. Человека в коме мы продолжаем считать тем же самым человеком, который существовал до коматозного состояния. Давно признанным фактом является и то, что кора головного мозга обеспечивает возможность иметь осознаваемый психологический опыт.

Критикуя тезис психологической теории тождества о том, что биологическое и личностное существование численно различны, Э.Н. Олсон защищает следующее утверждение: «Я – животное, привходящим свойством которого является быть личностью; условия продолжения моего существования – такие же, как у всякого животного вида *Homo sapiens*, они не связаны с психологическими способностями напрямую» [Olson, 2007, p. 55]. По Олсону, личность – это временная часть существования «человеческого животного», характеризующаяся особыми приобретёнными способностями, при этом животное существует до того, как сможет приобрести эти способности, а также может пережить их потерю. Д.В. Чирва, осмысляя аргументы Э.Н. Олсона, приходит к выводу: «Я прихожу в этот мир как человеческое животное и ухожу из этого мира как человеческое животное. Даже в случае, если все мои воспоминания и желания, хранящиеся в коре головного мозга, при угрозе гибели моего тела будут пересажены в мозг другого живого существа, я умру. При этом я продолжу существовать как тот же самый человек с практической точки зрения (это подтвердят все мои близкие), но исчезну с метафизической точки зрения, так как численного тождества моей сущности (быть одним и тем же человеческим животным) более не будет» [Чирва, 2012, с. 64].

Теоретические положения биологического подхода имеют несколько практических следствий в вопросах биоэтики. Э.Н. Олсон, утверждая необходимость сохранения числовой идентичности тела для тождества личности, постулирует проблему эмбриона. Каждый из нас был когда-то эмбрионом, у эмбриона нет психологических функций, следовательно, он находится за пределами психологиче-

ской континуальности «Я» и к нему невозможно иметь психологическую преемственность. Если исходить из того, что психологический критерий верен, то я и вы никогда не были эмбрионом, мы возникли в момент появления у нас когнитивных функций и памяти. Но в таком случае личность либо есть возникшая функция биологического организма, либо она является отдельной сущностью. При этом в обыденной жизни мы предполагаем, что эмбрион и возникший из эмбриона будущий взрослый человек сохраняют единую числовую идентичность. Однако, как пишет Э.Н. Олсон: «...многие философы так не думают. Во всяком случае, большая часть недавних размышлений о тождестве личности прямо предполагает, что человек никогда не был пятимесячным эмбрионом и что такой эмбрион не является личностью» [Olson, 1997, p. 95].

Возникает проблема асинхронности, которую можно представить в виде вопроса о способе соотношения во времени личности и организма *Homo sapiens*. Ответ на данный вопрос представлен в спектре различных теорий, использующих биологический критерий. *Дуалистическая теория* предполагает автономное существование личности и физического тела, она игнорирует натуралистические объяснения личности, свойственные психологическому и биологическому подходу (см., например: [Павлов, 2020]). *Теория конструирования* предполагает, что две сущности, личность и «человеческое животное», могут находиться одновременно в одном и тоже пространственном положении. Представители данной концепции утверждают, что различные виды существования могут быть объединены в единый онтологический род, обозначаемый как личность (см.: [Baker, 2000, p. 92]). *Теория телесно воплощенных частей* понимает личность в качестве сознания, идентичность которого определяется воплощением в конкретных частях головного мозга, ответственных за способность переживать сознательный опыт; животное не мыслит, мыслит его часть (см.: [McMahan, 2002, p. 67]). *Анимализм* как решение проблемы асинхронности предполагает отказ от рассмотрения личности и тела в качестве отдельных сущностей; постулируется одна сущность, организм, а личность лишь стадия развития организма (см.: [Чирва, 2021, с. 109–110]).

Современные критики биологического подхода обвиняют его в том, что он не учитывает аспект особой заботы о личном интересе и будущих состояниях, которые отличают нас от остальных животных (см., например: [Чирва, 2015; Schechtman, 2007]). Также, по мнению некоторых философов, он плохо решает вопросы этической ответственности, игнорируя аксиологический горизонт существования личности, а также ее способность к интенциональным актам (см., например: [Фауль, 2023; Blatti, 2016; Schechtman, 2014; Shoemaker, 2005]).

3. Если в психологическом и биологическом подходе личность рассматривается в качестве функционального понятия, то *субстанциальный критерий* тождества предполагает рассмотрение личности в качестве субстанциального начала человеческого существования. Данный подход в истории мысли представлен преимущественно в религиозной философии, связанной с авраамическими религиями. Известное определение личности Боэция как «индивидуальной субстанции разумной природы» является классическим пониманием субстанциального подхода, утверждающего, что то или иное представление о душе есть условие тождества личности.

Возникнув в древних культурах, субстанциальный подход концептуализировался в качестве идеалистической или дуалистической теории, разделяющей дух и материю, душу и тело. Современное применение субстанциального критерия при решении проблемы тождества личности можно обнаружить в двух направлениях философской мысли: гилеморфизме и субстанциальном дуализме, берущем свое начало с декартовских рассуждений о человеке.

Гилеморфизм – неоаристотелевское философское течение, объясняющее отношение души и тела как особый случай отношения формы и функции материи, которой она присуща (см., например: [Орлов, 2004]). Рецепция учения Аристотеля в христианскую доктрину произошла прежде всего через работы Фомы Аквинского, который видел тождество личности в постулировании тождества души (субстанциальной формы), а индивидуализацию человеческого существования понимал через соединение души и материи (см., например: Кимелев, 2024]). Современные гилеморфисты преимущественно связаны с философской медиовистикой или тем или иным богословским течением. Несколько упрощенный и обобщенный взгляд на проблему тождества личности с точки зрения гилеморфизма можно представить с помощью следующих тезисов.

(а) Человеческое существование описывается с помощью двух онтологических категорий «материи» и «души» (особой субстанциальной формы);

(б) мы существуем как воплощенные в тело существа;

(в) после смерти человеческое существование продолжается; его непрерывность обеспечивается божественным порядком;

(г) некоторые гилеморфисты допускают, что в момент смерти мы прекращаем свое существование, и только на Страшном суде Бог соединяет нашу субстанциальную форму с материей, продолжая наше существование (см., например: [Гаспаров, 2017]). По мнению гилеморфистов, применение субстанциального критерия способно преодолеть проблему противопоставления дуализма и материализма в философской антропологии, а также объяснить материальное конструирование человека.

Картезианский дуализм основывается на антропологическом аргументе Р. Декарта *Cogito ergo sum*, утверждавшем, что сознание и тело – это две различные субстанции (см., например: [Козырев, 2020]). Ряд современных философов, решая проблему тождества личности, обращается к традиции картезианских размышлений о человеке; постулирует утверждение декартовской философии об онтологическом разделении мышления и материи, души и тела (см., например: [Князев, 2018; Swinburne, 2018]). Религиозный философ Р. Суинберн, наиболее последовательно развивающий идеи картезианского дуализма, выстраивает свой апофатический метод экспликации тождества следующим образом:

(а) мы не можем наблюдать то, что обеспечивает в полной мере тождество личности, однако интуитивно обнаруживаем это тождество;

(б) это что-то должно быть тем, что наблюдать невозможно, следовательно, душа существует.

По мнению Р. Суинберна, субстанциальное различие физического и ментального в человеке объясняет феномен чувства единства сознания, так как данный нам в ощущениях опыт существования фундируется нередуцируемой ментальной субстанцией, то есть душой (см., например: [Swinburne, 2013]).

Основные аргументы критиков субстанционального подхода выстраиваются вокруг следующих утверждений. Философы, использующие субстанциональный критерий для решения проблемы тождества, игнорируют современные научные данные, вводят ряд необоснованных гипотез и используют средневековый терминологический аппарат, плохо применимый к современному теоретическому и практическому знанию (см., например: [Гарнцева, 2008; Волков, 2017; Разеев, 2020; Павлов, 2020]). Н. Лобковиц, рассматривая современное состояние неотолизма, писал: «Попытки [передать идеи Фомы в терминах современной естественной науки] были, с одной стороны, малочисленны и несистематичны, а с другой – слишком малоубедительны, так что большинство томистов стремилось ограничить свои штудии границами, в которых не затрагивались серьезные проблемы этого рода, прежде всего границами метафизики» [Лобковиц, 2007, с.128].

4. *Нарративный критерий* тождества основывается на утверждении, что «ощущение собственной самоидентичности и единства жизни связано с нашей способностью рассказать связную историю о себе» [Бабич, 2024, с. 74]. Нарративная идентичность является наиболее «молодой» теорией, объясняющей сохранение тождества личности с помощью особых функций автобиографического нарратива: наличием перспективы от первого лица, телеологичностью, холистичностью, интеллигибельностью, реалистичностью, аксиологичностью и темпоральностью (см., например: [Теребков, 2012; Макинтайр, 2000; Тюпа, 2022; Schechtman, 2007]). Как правило, нарративисты не рассматривают вопрос реидентификации, смещая свой интерес к вопросу характеристики личности, ответом на который является автобиографичный нарратив.

Нарративная идентичность подразумевает принятие трех фундаментальных характеристик, описывающих личностное существование: самосознание и рефлексия, субъектность (способность действовать исходя из собственных целей, ценностей и желаний), временный характер существования. Соответственно, отрицание одной или нескольких приведенных характеристик личности будет достаточным для опровержения нарративной теории тождества.

Другой важной особенностью нарративного подхода является утверждение невозможности картезианского, прямого доступа к себе; субъективность всегда опосредована культурой. Как утверждал П. Рикёр, «не бывает понимания себя, не опосредованного знаками, символами, текстами; понимание себя совпадает в конечном итоге с интерпретацией, примененной к этим последующим текстам» [Ricoeur, 1986 p. 29]. Это имплицитно подразумевает необходимость культурной непрерывности для сохранения тождества личности. Мы сами выстраиваем свою личность, создавая рассказ о себе, используя спектр возможных интерпретаций событий нашей жизни, содержащийся в культуре.

Холистичность нарративного подхода подразумевает, что именно с рассказа о нас начинается наша личность, и каждое событие нашей жизни есть часть этого рассказа. Возможность включения наших поступков и событий, связанных с нами, в последовательный и реалистичный рассказ о нас, выступает основой создания истории о той или иной личности, в которой становятся понятны ее опыт, убеждения, ценности и желания, а также временная связанность произошедших событий и намеченных планов.

Следующей важной особенностью нарративного подхода является то, что способность рассказывать истории о себе является приобретаемым навыком. Нарративная идентичность – это не данность (подобно той, которую допускают теории, опирающиеся на субстанциальный критерий), а достижение субъекта, она может быть изменена, нарушена или потерпеть неудачу при конструировании. Это может произойти по разным причинам физической или психиатрической патологии, социальной деформации или под воздействием социальной аномии, то есть всех тех факторов, которые мешают способности человека формировать представление о себе, выражать его и интегрировать в текущую социальную реальность.

Критики нарративного подхода доказывают, что нарративная идентичность является произвольной контингентной ментальной конструкцией, искажающей подлинный опыт существования личности, тем самым обвиняя ее в фальсификации опыта и антиреализме (см., например: [Strawson, 2004; Ćapek, 2015; Кочнев, 2020]). Утверждается, что нарративные теории игнорируют проблемы обмана или самообмана, изменчивости и непостоянства устных нарративов, а также высказывают опасение, что у нас слишком много творческой свободы в определении себя (см., например: [Захави, 2015]). Отдельным направлением критики является обсуждение слабой способности нарративной идентичности объяснить статус человека до появления (и после потери) возможности артикулировать целостный автобиографический нарратив; также озвучиваются обвинения в игнорировании оценки способности человека к саморефлексии и интроспекции, уровня ясности и стабильности в построении автобиографического нарратива, что, по мнению критиков, приводит к «лишению значительной части людей полноценной идентичности» (см., например: [Schechtman, 2014; Гаспаров, 2018]).

Холистический потенциал теории нарративной идентичности

Теория нарративной идентичности утверждает, что невозможно говорить о тождестве личности сепарированно от ее нарративов. «Нарративное единство» является необходимым центральным элементом структуры личности, обеспечивающие ее тождество. Под «нарративным единством» понимается переживание субъектом единства своего жизненного проекта во времени через конструирование автобиографического нарратива, что позволяет осознавать самотождественность собственного существования как чего-то длящегося и континуального. Такое понимание тождества личности позволяет выявить особые характеристики и необходимые условия существования автобиографического нарратива, обеспечивающего возникновение нарративного единства, а, следовательно, и личной идентичности. Обозначим их в контексте осмысления противоречий, возникающих при попытке соединения различных подходов в обосновании тождества личности.

В попытке найти точку схождения «нарративного единства» Д. Деннет вводит понятие «центра нарративной гравитации»: «Я полагаю, что она сродни центру гравитации – абстракции, которая, несмотря на свою абстрактность, тесно связана с физическим миром» [Деннет, 2003, с. 122]. В нарративной теории такой точкой схождения является перспектива от первого лица.

Перспектива от первого лица может присутствовать и у животных, также имеющих численно тождественное тело, что делает ее прежде всего биологическим феноменом (см.: [Левин, 2018, с. 184–185]). У животных также присутствует социальность и языковое общение, однако отсутствие второй сигнальной системы не позволяет, например, шимпанзе сформировать минимальный уровень самовыражения, учитывающего физическую, психологическую, телеологическую, аксиологическую и социальную связанность в едином темпоральном горизонте. Разделяя человеческое существование и существование других животных, Л.Р. Бейкер утверждал, что некоторые развитые млекопитающие, обладая определенной рациональностью, при этом не обладают осознанной заботой о себе и о своем будущем в качестве конечного существа (планирование, формирование представлений о норме, отложенное удовлетворение своих желаний, ценностные представления и пр.). По его мнению, подобную заботу может проявлять только развитая перспектива от первого лица, то есть человек (см.: [Baker, 2000, с. 59–88]). Таким образом, эмпирическим «центром нарративной гравитации» выступает воплощенный субъект, имеющий численно тождественное тело и обладающий минимальной способностью к самовыражению и рефлексии, ниже которого он становится неспособным управлять своими действиями и брать на себя ответственность за них (вменяемость). Нарративная идентичность в эмпирическом плане всегда предполагает наличие телесно воплощенного субъекта, чей опыт доступен для повествования. Осмысляя проблему самоидентификации личности как отношения эмпирического, объективного существования личности и самообозначающегося субъекта, П. Рикёр писал: «Само понятие индивидуальной перспективы имеет неизбежные онтологические коннотации. В самом деле, что является центром такой перспективы, как не мое собственное тело? Но мое телесное воплощение, – то есть тот факт, что я суть это тело, – не изолированный феномен, а часть более общей онтологической структуры... В этом понимании нам дан простой факт: мое тело как тело среди других тел – только фрагмент объективного мира, но как тело собственное, мне принадлежащее, оно разделяет с Ego его статус перспективной точки отсчета, задающей границы мировосприятия» [Рикёр, 1989, с. 44].

Требование наличия перспективы от первого лица в нарративной теории сближает ее с биологическим походом, утверждающим необходимость численного сохранения идентичного тела в качестве биологического критерия тождества личности.

Телесная природа сознания, основанная на численном тождестве тела, определяет сохранение единства перспективы от первого лица. Без соотнесения с «моим телом» перспектива, которую выражает «Я», сама по себе не могла бы быть идентифицирована, поскольку она не была бы закреплена ни в чем перцептивном. Благодаря этому мы можем проводить атрибуцию моральной ответственности и выявлять, какие события, цели и ценности определяли жизнь конкретного человека. Как выражение телесной индивидуальности перцептивное сознание всегда перспективно, особенности предметов и переживаний артикулируются на фоне сенсомоторных возможностей собственного тела. Принятие необходимости телесного воплощения в качестве необходимого условия тождества личности позволяет утверждать, что само существование нарратива, определя-

ющего личную идентичность, зависит от возможности его изложения протагонистом.

Условие наличия у воплощенного сознания минимальной способности к самовыражению, воплощающего физическую, логическую, телеологическую, аксиологическую и социальную связанность, подводит нас к пересечению нарративного подхода с требованием психологического критерия. Автобиографический нарратив немислим без рефлексивного сознания, обладающего памятью и осознающего себя «источником поступков». Нарративная теория утверждает, что осознание себя источником собственных действий невозможно вне автобиографического нарратива. Наши воспоминания о прошлых поступках и планы на будущее предполагают нашу «вменяемость», т.е. признание за нами способности управлять своими действиями и брать на себя ответственность за них. Это подразумевает, что личность может объяснить собственные действия, если же они остаются для нее непостижимыми, то они и не могут быть интегрированы в представление о себе. Говоря о тождестве личности, мы утверждаем, что ее действия, чтобы быть собственными, должны быть приписаны себе в качестве отрефлексированного опыта, выражающего собственные цели и желания. К. Корсгаард называет этот процесс «рефлексивным одобрением». Эта «способность к сознательной рефлексии по поводу наших собственных действий дает нам вид власти над самими собой, и эта власть придает нормативность нашим моральным требованиям» [Korsgaard, 1992, с. 25–26]. Таким образом, нарративная идентичность требует, чтобы автобиографический нарратив был чем-то большим, чем простая хроника (рассказ во временной последовательности фактов своего прошлого): он должен осознаваться как активный отрефлексированный проект. Данная установка сближает нарративный подход с психологическим критерием тождества личности.

Одним из самых критикуемых мест теории нарративной идентичности является непроясненность вопроса о статусе человека до формирования способности выстраивать связный автобиографический нарратив и после его потери. Отчасти этот вопрос снимается требованием культурной непрерывности, имплицитно содержащимся в теории нарративной идентичности. Нарративная идентичность – это не просто сообщение от первого лица о субъективном опыте и точке зрения индивида, это сложная модель, в которой субъективная точка зрения от первого лица переплетается с точкой зрения второго лица в общей коммуникативной ситуации, а также обобщаемая точка зрения или перспектива от третьего лица, предполагаемая горизонтом общедоступных символов и значений культуры. По П. Рикёру: «Интенциональное высказывание подразумевает самообозначение как говорящего, так и адресата. Но этот процесс самообозначения рождает не только «Я» и «Ты». Структура языка такова, что и третьему лицу – лицу, о котором мы говорим, – мы можем приписывать ту же самую способность обозначать себя как того, кто говорит, и обозначать своего адресата» [Рикёр, 1989, с. 43].

Именно наличие перспективы от второго и третьего лица в построении нарративной идентичности определяет культурную непрерывность существования личности. А. Макинтайр утверждал, что «каждый из нас, будучи главным актером своей собственной драмы, играет подчиненную роль в драме других, и каждая драма ограничивает этих других» [Макинтайр, 2000, с. 287]. Подобная культур-

ная непрерывность возникает у ребенка с момента рождения до возникновения у него речи, он уже интегрирован в культурное пространство и продолжает существовать в нем до своей физической смерти.

Выводы

Холистический потенциал теории нарративной идентичности опирается на признание необходимости сохранения трех непрерывностей существования человека: биологической (физической), психологической и культурной. С другой стороны, воплощение, вменяемость (способность помнить, понимать и контролировать свои желания и поступки), способность к рефлексивному одобрению представленных в культуре спектров интерпретаций, выступают, с точки зрения теории нарративной идентичности, необходимыми условиями сохранения тождества личности. Данные условия включают в себя как биологический, так и психологический критерий тождества.

Синтез биологического и психологического критерия в рамках нарративного подхода позволяет рассматривать личность в качестве воплощенного сознания (обладание телом и психикой) и существования, имеющего значение в символическом и ценностном пространстве культуры, которое определяется через отношения личности к другим личностям. Каждая непрерывность (биологическая, психологическая и культурная) в отдельности не является необходимым и достаточным условием сохранения тождества личности. Необходимо учитывать и то, что в противоположность множеству мыслительных экспериментов в эмпирическом плане все три непрерывности оказывают взаимное влияние друг на друга и не являются обособленными. Изменение физических параметров меняет психологические качества, исчезновение психической непрерывности предполагает физиологические патологии и нарушения, отсутствие культурной непрерывности влечет за собой психологические девиации.

Таким образом, теория нарративной идентичности использует биологический, психологический и нарративный критерий при решении вопроса о тождестве личности. Данный синтезирующий подход позволяет репрезентировать «Я» в качестве динамической ментально-телесной модели личной идентичности через ряд диалектических оппозиций: Я/Другой; личное/социальное; субъективное/объективное; интенциональность/пассивность; интеллигибельное/физическое. Несводимая полностью ни к одному компоненту личность (представленная с помощью нарративной концепции) понимается холистически как ментально-телесное динамическое существование, включающее в себя схождение перспективы от первого, второго и третьего лица.

Отличие нарративного подхода от биологических и психологических теорий в том, что он обеспечивает успешное решение проблемы тождества личности, объединяя в единой теории биологические, психологические и нарративные атрибуты «Я». Эмпирически данные атрибуты определяют функциональные возможности и характеристики субъекта и должны рассматриваться в совокупности при решении проблемы тождества.

Необходимость учета всех аспектов существования личности при решении проблемы тождества иллюстрирует случай, произошедший с Клайвом Уэрингом. Будучи уже признанным музыкантом, он перенес заболевание мозга, последствием которого была потеря способности формировать долгосрочные воспоминания и ретроградная амнезия. По свидетельствам его жены, «его способность воспринимать то, что он видел и слышал, не пострадала. Но он не мог удерживать никаких впечатлений дольше одного мгновения. Действительно, если он и моргал, его веки открывались, открывая новую сцену. То, что он видел и воспринимал до моргания, было совершенно забыто»¹.

Данный пример фокусирует наше внимание на том, каким образом потеря способности быть автором собственного повествования приводит к потере специфических человеческих способностей, образующих нашу личность, и как эта потеря связана с биологическими и психологическими критериями существования «Я».

Список литературы

- Бабич В. В.** В защиту нарративной идентичности // *Философская мысль*. 2024. № 7. С. 74–91.
- Винник Д. В.** Метафизические основания и эмпирические критерии тождества личности // *Философия науки*. 2007. № 2 (33). С. 108–123.
- Волков Д. Б.** Нарративный подход как решение проблемы тождества // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2016. № 4. С. 21–32.
- Волков Д. Б.** Современный субстанциональный подход к проблеме тождества личности // *Философия и культура*. 2017. № 1. С. 77–85.
- Волков Д. Б.** Психологический подход как решение проблемы тождества личности // *Философская мысль*. 2017. № 2. С. 13–25.
- Гарнцева Н. М.** Критика дуализма в современной аналитической философии // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2008. № 4. С. 39–50.
- Гаспаров И. Г.** Тождество личности и воскрешение мертвых // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение*. 2017. № 70. С. 47–62.
- Гаспаров И. Г.** Тождество личности и нарратив // *Философский журнал*. 2018. Т. 11. № 3. С. 180–183.
- Гуревич П. С., Спирова Э. М.** Идентичность и ее тень (социокультурные конфигурации самождественности) // *Человек*. 2016. № 5. С. 84–94.
- Деннет Д. С.** Почему каждый из нас является новеллистом // *Вопросы философии*. 2003. № 2. С. 121–130.
- Захави Д.** Я и Другой: от чистого я к совместно выстраиваемому мы // *Мысль: Журнал Петербургского философского общества*. 2015. Т. 18. С. 28–46.
- Кимелев Ю. А.** Неосхоластика во второй половине XX – начале XXI в. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия*. 2024. № 1. С. 7–27.

¹ См.: Sacks O. The Abyss: Music and Amnesia (September 24, 2007) // *The New Yorker*. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2007/09/24/the-abyss> (дата обращения: 30.09.2024)

- Князев В. Н.** Декартовский дуализм и психофизический параллелизм // V Декартовские чтения «Декартовский дуализм и современная картина мира»: Материалы международной научно-практической конференции (Зеленоград, МИЭТ, 15–16 ноября 2018) / Под общ. ред. А.И. Пирогова. М.: Изд-во МИЭТ, 2018. Т. 1. С. 111–117.
- Козырева О. А.** Субстанциальный дуализм и приватность ментального в философии Р. Декарта: критика поверхностной интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 79–87.
- Кочнев Р. Л.** Типы тождества и координаты личности: способы классификации современных теорий тождества личности // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 114–132.
- Кочнев Р. Л.** Повесть о ненастоящем человеке: тождество личности и экзистенциализм // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2020. № 1. С. 95–102.
- Левин С. М.** Нарративный подход: фикция и реальность // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 184–187.
- Лобковиц Н.** Вечная философия и современные размышления о ней. М.: Сигнум Веритатис, 2007.
- Логинов Е., Мерцалов А., Салин А. и др.** Прологомены к проблеме тождества личности // Финиковый компот. 2018. № 13. С. 6–40.
- Логинов Е. В.** Является ли тождество личности условием моральной ответственности? // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 2. С. 173–184.
- Локк Дж.** Сочинения в трех томах / Под ред. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1985. Т. 1.
- Макинтайр А.** После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект, 2000.
- Мерцалов А. В.** Преимущества психологической теории тождества личности в вопросе о моральной ответственности // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 1. С. 177–192.
- Олсон Э.** Мы – животные // Финиковый компот. 2018. № 13. С. 107–113.
- Орлов Е. В.** Аристотелевский гилеморфизм и аналитическая философия сознания // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 1. С. 29–33.
- Павлов А. С.** Субстанциальный дуализм Ричарда Суинбёрна: современное состояние и критика // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 3. С. 175–188.
- Разеев Д. Н.** Аргумент в защиту эмерджентного субстанциального дуализма (критические возражения Мартине Нида-Рюмелин) // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 3. С. 150–161.
- Рикёр П.** Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 41–50.
- Секацкая М. А.** Необходимые и достаточные критерии тождества личности // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 125–133.
- Теребков А. С.** К вопросу о трактовке феномена нарратива в современном гуманитарном знании. Сущность и истоки // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 114–117.
- Тюпа В. И.** Нарратология и этика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 1. С. 29–44.

- Фауль Б. В.** Модальная теория конституирования и онтология личности // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 1. С. 98–114.
- Чирва Д. В.** Одинокое животное. Биологический подход к тождеству личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 4. С. 60–64.
- Чирва Д. В.** Метафизика имеет значение. Анималистическая и конституционалистская концепции личности // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 18. С. 84–93.
- Чирва Д. В.** Ставит ли анимализм Олсона точку в дебатах о тождестве личности? // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 2. С. 107–112.
- Эпихарм.** Фрагменты ранних греческих философов. От этических теокосмогий до возникновения атомистики / Сост. и пер. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 257–267.
- Ayers M.** Individuals Without Sortals // Canadian Journal of Philosophy. 1974. Vol. 4. No. 1. P. 113–148.
- Baker L.** Persons and Bodies: A Constitution View. Cambridge University Press, 2000.
- Blatti S., Snowdon P.** (Eds.). Animalism: New Essays on Persons, Animals, and Identity. Oxford University Press, 2016.
- Čapek J.** Experience Beyond Storytelling: László Tengelyi on the Narrative Identity Debate // Acta Universitatis Carolinae Interpretationes. 2015. Vol. 5. No. 2. P. 95–113.
- Carter W.** Our Bodies, Our Selves // Australasian Journal of Philosophy. 1988. Vol. 66. No. 3. P. 308–319.
- Korsgaard C.** The Sources of Normativity. Cambridge University Press, 1992.
- McMahan J.** The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life. Oxford University Press, 2002.
- Noonan H.** Personal Identity. Routledge, 2019.
- Olson E.** The Human Animal: Personal Identity without Psychology. Oxford University Press, 1997.
- Olson E.** Was I Ever a Fetus? // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57, No. 1. P. 95–110.
- Olson E.** What are We // Journal of Consciousness Studies. 2007. No. 14. P. 37–55.
- Parfit D.** Reasons and Persons. Oxford University Press, 1984.
- Ricoeur P.** Du texte à l'action. P. Ricoeur-Essais d'herméneutique. Paris: Ed. du Seuil, 1986. Т. 2.
- Schechtman M.** Stories, Lives, and Basic Survival: A Refinement and Defense of The Narrative View // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2007. No. 60. P. 155–178.
- Schechtman M.** Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life. Oxford University Press, 2014.
- Shoemaker D.** Personal Identity and Ethics. Broadview Press, 2005.
- Strawson G.** Against Narrativity // Ratio. 2004. Vol. 17. № 4. P. 428–452.
- Swinburne R.** Mind, Brain, and Free Will. Oxford University Press, 2013.
- Swinburne R.** Cartesian substance dualism // The Blackwell Companion to Substance Dualism. 2018. P. 133–152.

- Wiggins D.** *Identity and Spatio-Temporal Continuity*. Oxford: Basil Blackwell, 1967.
- Williams B.** *Personal Identity and Individuation* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1956. Vol. 57. P. 229–252.

References

- Ayers M.** *Individuals Without Sortals* // *Canadian Journal of Philosophy*. 1974. Vol. 4. No. 1. P. 113–148.
- Babich V. V.** *In Defense of Narrative Identity* // *Philosophical Thought*. 2024. No. 7. P. 74–91. (in Russian)
- Baker L.** *Persons and Bodies: A Constitution View*. Cambridge University Press, 2000.
- Blatti S., Snowdon P.** (Eds.). *Animalism: New Essays on Persons, Animals, and Identity*. Oxford University Press, 2016.
- Čapek J.** *Experience beyond storytelling: László Tengelyi on the Narrative Identity Debate* // *Acta Universitatis Carolinae Interpretationes*. 2015. T. 5. No. 2. P. 95–113.
- Carter W.** *Our Bodies, Our Selves* // *Australasian Journal of Philosophy*. 1988. Vol. 66. No. 3. P. 308–319.
- Chirva D. V.** *The Lonely Animal. A Biological Approach to Personal Identity* // *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Law. International Relations*. 2012. No. 4. P. 60–64. (in Russian)
- Chirva D. V.** *Metaphysics Matters. Animalistic and Constitutionalist Concepts of Personality* // *Mysl: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society*. 2015. Vol. 18. P. 84–93. (in Russian)
- Chirva D. V.** *Does Olson's Animalism Put an End to the Debate on Personal Identity?* // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6. No. 2. P. 107–112. (in Russian)
- Dennett D. S.** *Why Each of Us Is a Novelist* // *Questions of Philosophy*. 2003. No. 2. P. 121–130. (in Russian)
- Epicharmus.** *Fragments of Early Greek Philosophers. From Epic Theocosmogonies to the Emergence of Atomism* / Trans. by A.V. Lebedev. M.: Nauka, 1989. Vol. 1. P. 257–267. (in Russian)
- Faul B. V.** *Modal Theory of Constitution and Ontology of Personality* // *Epistemology and Philosophy of Science*. 2023. Vol. 60. No. 1. P. 98–114. (in Russian)
- Garntseva N. M.** *Critique of Dualism in Contemporary Analytical Philosophy* // *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*. 2008. No. 4. P. 39–50. (in Russian)
- Gasparov I. G.** *Personal Identity and the Resurrection of the Dead* // *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 1. Theology. Philosophy. Religious Studies*. 2017. No. 70. P. 47–62. (in Russian)
- Gasparov I. G.** *Personal Identity and Narrative* // *Philosophical Journal*. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 180–183. (in Russian)
- Gurevich P. S., Spirova E. M.** *Identity and Its Shadow (Sociocultural Configurations of Self-Identity)* // *Chelovek*. 2016. No. 5. P. 84–94. (in Russian)
- Kimelev Yu. A.** *Neo-Scholasticism in the second half of the 20th – early 21st century* // *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3. Philosophy*. 2024. No. 1. P. 7–27. (in Russian)

- Knyazev V. N.** Cartesian Dualism and Psychophysical Parallelism // *V Cartesian Readings «Cartesian Dualism and the Modern Picture of the World»: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Zelenograd, MIET, November 15-16, 2018)* / Ed. by A. I. Pirogov. Moscow: MIET Publishing. 2018. Vol. 1. P. 111–117. (in Russian)
- Kochnev R. L.** The story of a fake person: personal identity and existentialism // *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*. 2020. No. 1. P. 95–102. (in Russian)
- Korsgaard C. M.** *The Sources of Normativity*. Cambridge University Press, 1992.
- Kozyreva O. A.** Substantial Dualism and the Privacy of the Mental in the Philosophy of R. Descartes: Critique of Superficial Interpretation // *Bulletin of Tomsk State University*. 2020. No. 452. P. 79–87. (in Russian)
- Levin S. M.** Narrative Approach: Fiction and Reality // *Philosophical Journal*. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 184–187. (in Russian)
- Lobkowitz N.** *Perennial Philosophy and Modern Reflections On It*. Moscow: Signum Veritatis, 2007. (in Russian)
- Locke J.** *Works* [in three volumes] / Ed. by I.S. Narsky. M.: Mysl, 1985. Vol. 1 (in Russian)
- Loginov E. V.** Prolegomena to the Problem of Personal Identity // *Date compote*. 2018. No. 13. P. 6–40. (in Russian)
- Loginov E. V.** Is Personal Identity a Condition of Moral Responsibility? // *Philosophical Journal*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 173–184. (in Russian)
- MacIntyre A.** *After Virtue: Studies in Moral Theory*. Moscow: Academicheskyy Proekt, 2000. (in Russian)
- McMahan J.** *The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life*. Oxford University Press, 2002.
- Mertsalov A. V.** Advantages of the Psychological Theory of Personal Identity in the Question of Moral Responsibility // *Philosophical Journal*. 2023. Vol. 16. No. 1. P. 177–192. (in Russian)
- Noonan H.** *Personal Identity*. Routledge, 2019.
- Olson E.** *The Human Animal: Personal Identity without Psychology*. Oxford University Press, 1997.
- Olson E.** Was I Ever a Fetus? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1997. Vol. 57. No. 1. P. 95–110.
- Olson E.** What Are We // *Journal of Consciousness Studies*. 2007. No. 14. P. 37–55.
- Olson E.** We are Animals // *Date Compote*. 2018. No. 13. P. 107–113.
- Orlov E. V.** Aristotle's Hylomorphism and Analytical Philosophy of Mind // *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2004. No. 1. P. 29–33. (in Russian)
- Pavlov A. S.** Richard Swinburne's Substantial Dualism: Current Status and Criticism // *Philosophical Journal*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 175–188. (in Russian)
- Parfit D.** *Reasons and Persons*. Oxford University Press, 1984.
- Razeev D. N.** An Argument in Defense of Emergent Substantial Dualism (Critical Objections of Martine Nida-Rümelin) // *Philosophical Journal*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 150–161. (in Russian)
- Ricoeur P.** *Du texte à l'action*. P. Ricoeur-Essais d'hermmeutique. Paris: Ed. du Seuil, 1986. T. 2.

- Ricoeur P.** Man as a Subject of Philosophy // Questions of Philosophy. 1989. No. 2. P. 41–50. (in Russian)
- Schechtman M.** Stories, Lives, and Basic Survival: A Refinement and Defense of The Narrative View // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2007. Vol. 60. P. 155–178.
- Schechtman M.** Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life. Oxford University Press, 2014.
- Sekatskaya M. A.** Necessary and Sufficient Criteria of Personal Identity // Questions of Philosophy. 2018. No. 5. P. 125–133. (in Russian)
- Shoemaker D.** Personal Identity and Ethics. Broadview Press, 2005.
- Strawson G.** Against Narrativity // Ratio. 2004. Vol. 17. No. 4. P. 428–452.
- Swinburne R.** Mind, Brain, and free Will. Oxford University Press, 2013.
- Swinburne R.** Cartesian substance dualism // The Blackwell Companion to Substance Dualism. 2018. P. 133–152.
- Terebkov A. S.** On the Interpretation of the Phenomenon of Narrative in Modern Humanitarian Knowledge. Essence and Origins // Omsk Scientific Bulletin. 2012. No. 3. P. 114–117. (in Russian)
- Туупа V. I.** Narratology and Ethics // Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. 2022. Vol. 19. No. 1. P. 29–44. (in Russian)
- Vinnik D. V.** Metaphysical Foundations and Empirical Criteria of Personal Identity // Philosophy of Science. 2007. No. 2. P. 108–123. (in Russian)
- Volkov D. B.** Narrative Approach as a Solution to the Problem of Identity // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology. 2016. No. 4. P. 21–32. (in Russian)
- Volkov D. B.** Modern Substantial Approach to the Problem of Personal Identity // Philosophy and Culture. 2017. No. 1. P. 77–85. (in Russian)
- Volkov D. B.** Psychological Approach as a Solution to the Problem of Personal Identity // Philosophical Thought. 2017. No. 2. P. 13–25. (in Russian)
- Wiggins D.** Identity and Spatio-Temporal Continuity. Oxford: Basil Blackwell, 1967.
- Williams B.** Personal Identity and Individuation // Proceedings of the Aristotelian society. 1956. Vol. 57. P. 229–252.
- Zahavi D.** I and the Other: from the Pure I to the Jointly Constructed We // Mysl: Journal of the Petersburg Philosophical Society. 2015. Vol. 18. P. 28–46. (in Russian)

Информация об авторе

Бабич Владимир Владимирович, кандидат философских наук
доцент кафедры истории философии и логики Томского государственного университета

Information about the Author

Vladimir V. Babich, Candidate of Sciences (Philosophy)
docent, Department of History of Philosophy and Logic, Tomsk State University

Статья поступила в редколлегию 08.07.2024;

одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 29.07.2024

The article was submitted 08.07.2024;

approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 29.07.2024

Научная статья

УДК 316.012; 930

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-57-71

Общество знания: проект, прогноз и реальность

Олег Константинович Трубицын

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

trubitsyn77@mail.ru

Аннотация

Грядущее формирование общества знания в ближайшем будущем уверенно прогнозировалось в середине XX века. Многие социальные исследователи, а вслед за ними и широкая публика, принимают свершившуюся реализацию этого прогноза как очевидную данность. Для этого есть некоторые основания. Данную модель действительно пытались воплотить как проект преодоления проблемы пределов индустриального роста. Но на практике результаты пока оказались не столь впечатляющими. И современные даже наиболее развитые страны не выглядят воплощением в жизнь модели общества знания.

Ключевые слова

премодерн, модерн, постмодерн, индустриальное общество, постиндустриальное общество, общество знаний, технологии

Для цитирования

Трубицын О. К. Общество знания: проект, прогноз и реальность // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 3. С. 57–71. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-57-71

Knowledge society: project, forecast and reality

Oleg K. Trubitsyn

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

trubitsyn77@mail.ru

Abstract

The forthcoming formation of the knowledge society in the near future was confidently predicted in the middle of the twentieth century. Many social researchers, and after them the general public, accept the accomplished realization of this forecast as an obvious reality. There are some reasons for this. This model

© Трубицын О. К., 2024

was really meant to be implemented to overcome the problem of the limits of industrial growth. But in practice, the results have not been so impressive so far. And today, even the most developed countries do not look like the embodiment of the model of the knowledge society.

Keywords

premodern, modern, postmodern, industrial society, post-industrial society, knowledge society, technology

For citation

Trubitsyn O. K. Knowledge society: project, forecast and reality. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 57–71. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-57-71

Деление истории на стадии преמודерна, модерна и постмодерна – один из популярных подходов к структуризации истории. В рамках парадигмы стадий технологического роста стадия преמודерна может быть отождествлена с эпохой доиндустриального общества, стадия модерна – с эпохой индустриального общества, а стадия постмодерна – с эпохой постиндустриального общества. Тем не менее мы будем исходить из того, что содержание понятий «преמודерн», «модерн», «постмодерн» шире содержания понятий «доиндустриальное общество», «индустриальное общество», «постиндустриальное общество», поскольку касается специфики не только технико-экономического базиса, но и всей общественной системы в целом. Первый ряд понятий относится и к целям (т.е. кругу решаемых проблем), ради которых формируются основные институты общества, и к средствам их достижения, а второй – только к средствам.

Многие социальные исследователи, а вслед за ними и широкая публика, принимают тезис о переходе общества (по крайней мере наиболее развитых стран) на постиндустриальный уровень как очевидную данность. Нет смысла приводить примеры, но во множестве работ встречаются сделанные мимоходом высказывания, наподобие «сейчас, в постиндустриальную эпоху...» или «современные постиндустриальные общества характеризуются...» и т.п. Тем не менее, как доказывают некоторые исследователи (например, [Уэбстер, 2004]) и в частности автор данной статьи (см.: [Трубицын, 2020а; 2020б]), утверждение о реализации прогноза о постиндустриальном переходе как свершившемся факте по крайней мере преждевременно. Такой вывод делался нами исходя из определенных технологических и экономических параметров современного общества, но теперь нужно обосновать его на более высоком, социально-философском уровне анализа. Иначе говоря, те факты, на основании которых была отвергнута постиндустриальная гипотеза, т.е. квалификация современных развитых стран как постиндустриальных, должны быть рассмотрены в рамках более общей философско-исторической схемы. Гипотеза постиндустриализма будет критически рассмотрена в концептуальных рамках парадигмы стадий технологического роста, т.е. исходя из ее собственных методологических предпосылок.

В данной работе нас будет преимущественно интересовать один из наиболее обоснованных вариантов концепции постиндустриального общества – концепция общества знания. Данное «позитивное» определение выгодно отличается указанием на основную специфическую особенность нового общества – роль

научного теоретического знания, что дает дополнительные возможности для верификации гипотезы о формировании общества знания на практике. Соответственно одной из задач работы является краткое описание модели общества знаний, предлагаемой ее авторами первоначально в качестве прогноза. Затем нужно рассмотреть ее в качестве проекта, т. е. в рамках схемы «наличная проблема» – «цель» – «средства реализации». Наконец, нужно оценить данный проект с точки зрения его реализации.

Модернизация как средство решения ключевой проблемы общества преמודерна

Проблемой общества преמודерна было то, что оно не могло с опорой на имеющийся технологический базис (аграрно-ремесленные технологии) вырваться из мальтузианской ловушки. Если благополучное развитие аграрного (доиндустриального) общества продолжалось достаточно долго, то рост численности населения приводил к аграрному перенаселению и социальному кризису. Это делало общую траекторию развития такого общества циклической¹. Отдельные технологические и социальные инновации не позволяли выйти за пределы этого порочного круга всеобщей бедности и периодических коллапсов: развитие аграрного общества – рост численности населения – кризис перенаселения и рост нищеты – социальный коллапс – падение численности населения – временное разрешение проблемы. Даже появление капитализма не стало само по себе эффективным решением проблемы, о чем писал еще Д. Рикардо, сформулировавший концепцию капиталистического пессимизма. Тем не менее, развитие капитализма в Европе Нового времени спровоцировало Промышленную революцию, которая позволила вырваться из мальтузианской ловушки. Развитие средств производства и в частности сельскохозяйственных машин и удобрений обеспечило как рост урожайности на площадь сельскохозяйственных земель, так и выработку на одного работника. Последнее позволило провести урбанизацию – переместить излишки рабочей силы в города, что способствовало дальнейшей индустриализации и росту производства промышленных товаров в совокупности и на душу населения.

Н. Розенберг и Л. Е. Бирдцелл [1995] характеризуют модернизацию как процесс перехода от бедного общества к богатому. И действительно важнейшая цель этого процесса – не просто выход из мальтузианской ловушки (этого можно было бы достичь и принудительным ограничением рождаемости, как, например, предлагал сам Т. Мальтус), а такой, который будет сопровождаться повышением уровня жизни и достижения всеобщего благосостояния. Индустриализация позволила действительно достичь всеобщего благосостояния, причем без ограничений рождаемости, – более того, процесс сопровождался демографическим взрывом.

Нужно заметить, что «бедность» доиндустриального общества и «богатство» индустриального – это объективные параметры, указывающие на факт того, что в современных обществах удовлетворены базисные физиологические

¹ Такие процессы анализируются современной структурной демографической теорией, в частности такими исследователями как П. В. Турчин и С. А. Нефедов.

потребности широких народных масс, так что они не умирают массово от голода и болезней бедности. Таким образом, богатство можно объективно измерить через наличие у абсолютного большинства жителей достаточно калорийной пищи с приемлемым количеством витаминов, теплого жилья и одежды, здоровых санитарно-гигиенических условий. Все, что сверх того, объективно говоря, является роскошью. В то время как с субъективной точки зрения это скорее традиционное общество было обществом достатка, поскольку население в своей массе готово было довольствоваться очень скромным привычным уровнем благосостояния, в то время как в обществе модерна чем дальше, тем больше разжигаются потребительские настроения, ведущие к чувству постоянной материальной неудовлетворенности.

Итак, модернизация – процесс перехода от общества преמודерна к обществу модерна – привела к такому росту сельскохозяйственной и промышленной производительности, когда ограничения, свойственные аграрным обществам преמודерна, перестали быть значимыми: выживание населения более не связано с сильными ограничениями в потреблении и размножении. Наоборот, рост населения и потребления способствуют дальнейшему индустриальному росту, выступают факторами экономического развития.

Вместе с тем нельзя приписывать этому процессу свойства упрощенно понимаемого «прогресса», поскольку это развитие не подразумевает обязательного роста максимального счастья для максимального количества людей, достижения всеобщей социальной гармонии, достижения идеалов развития личности и т. п. Более того, развитие общества модерна со временем все явнее ведет человечество в ловушку пределов индустриального роста, наиболее обоснованно сформулированную в работах Римского клуба [Медоуз, 1991]. В упрощенном виде это противоречие между бесконечным ростом потребления обществом невозобновляемых природных ресурсов и ограниченным количеством этих самых ресурсов на нашей планете. Причем нарастающий дефицит ресурсов в перспективе должен привести не просто к остановке экономического роста, но даже к кризису, связанному с уменьшением доступных благ на душу населения, вплоть до возвращения к уровню благосостояния раннеиндустриальной или даже доиндустриальной эпохи.

Концепция общества знания как вариант постиндустриальной теории

Предысторию концепции общества знаний можно обнаружить в работах Платона, Ф. Бэкона, Т. Веблена и других авторов. Но полноценно она формируется только с выходом работы Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» в 1973 году (см: [Белл, 1999]). В дальнейшем она развивалась такими исследователями как Дж. Гэлбрейт, Ф. Махлуп, Й. Масуда, Дж. Несбит, Э. Тоффлер, А. Турен и др. «На всех этапах развития представлений об обществе знаний сохранялась проблема демаркации между... теориями социальных трансформаций. Очевидно, что теории информационного общества, постиндустриального общества и общества знаний представляют собой родственные теоретические построения, основанные на уверенности в том, что качественные социальные трансформации

в современном мире неразрывно связаны с новой ролью информации и знания» [Ефременко, 2010, с. 53]. Действительно, Д. Белл фактически отождествляет эти модели: «Совершенно очевидно, что постиндустриальное общество представляет собой общество знания в двояком смысле: во-первых, источником инноваций во все большей мере становятся исследования и разработки (более того, возникают новые отношения между наукой и технологией ввиду центрального места теоретического знания); во-вторых, прогресс общества, измеряемый возрастающей долей ВВП и возрастающей частью занятой рабочей силы, все более однозначно определяется успехами в области знания» [Белл, 1999, с. 288]. Таким образом, концепция общества знания – это такой вариант концепции постиндустриального общества, где основной упор делается на роль науки, технологий и теоретического знания в новую эпоху.

Концепция постиндустриального общества предлагает технооптимистический вариант постмодерновой стадии развития общества, основанный на допущении дальнейшего качественного скачка в развитии научно-технической сферы и производительных сил в целом, так что новые (постиндустриальные) технологии позволят разрешить те проблемы, которые были порождены технологиями индустриальными. Иначе говоря, общество постмодерна – это такое, которое, сохранив или даже повысив уровень жизни, успешно достигло цели преодоления ловушки Римского клуба за счет постиндустриального перехода на качественно более высокий уровень развития технологий и производительных сил. Предполагается, что постиндустриальный переход расширит энергетическую и ресурсную базу экономики, превратив в ресурсы то, что ими прежде не являлось, одновременно сократит затраты ресурсов и энергии в расчете на единицу продукции за счет внедрения ресурсо- и энергосберегающих технологий.

Иными словами, главная предпосылка постиндустриального перехода – это новый этап НТР, качественный скачок в развитии научного познания и увеличения технологических компетенций. При этом знание становится важнейшим экономическим ресурсом, который вытесняет прочие факторы производства. По мнению П. Дракера, это уже произошло: «Знание является единственным значимым ресурсом сегодня. Традиционные факторы производства – земля (т. е. естественные ресурсы), труд и капитал – не исчезли. Но они стали второстепенными. Они могут быть получены, и получены легко, при условии наличия знания» [Drucker, 1993, p. 38]. Аналогично Г. Бехманн, отождествляющий понятия информационного общества и общества знаний, заявляет, что информатизация «вносит изменения в само ядро существовавшей до сих пор социальной структуры, иницируя новый способ производства. Труд и капитал, характерные для промышленного общества, заменяются здесь информацией и знанием как главными ценностями» [Бехманн, 2011, с. 134]. Иначе говоря, общество знания выглядит реализацией прогноза К. Маркса о превращении науки в непосредственную и даже основную производительную силу.

В аналогичном ключе Т. Стоуньер говорит об информации, которую «подобно капиталу, можно накапливать и хранить для будущего использования. В постиндустриальном обществе национальные информационные ресурсы суть его основная экономическая ценность, его самый большой потенциальный источник

богатства» [Стоуньер, 1986, с. 393]. В аграрной экономике, по его мнению, основной целью было производство продуктов питания, а основным лимитирующим фактором – доступность хорошей земли; в индустриальной экономике, соответственно, цель – производство товаров, главный лимитирующий фактор – капитал; в постиндустриальной экономике все строится вокруг информации (по существу, знания), которая дает возможность сделать более эффективными все другие ресурсы и формы производства и которая же является лимитирующим фактором. Так, Д. Белл пишет о том, почему природные ресурсы не являются более лимитирующим фактором: «Основной принцип – это технологическая замена. Мы уже не боимся, что запасы каких-либо нужных нам материалов истощатся. Мы всегда можем найти им замену» [Белл, 1999, с. сxxv].

Столкновение прогноза концепции общества знания с реальностью

С точки зрения большинства сторонников данного подхода все это не просто теоретически возможно, но уже в основном является свершившимся фактом. Они, как правило, присоединяются к оценке Д. Белла, который в своей работе 1973 г. уверенно говорил о постиндустриальном обществе как уже свершившемся факте: «Вполне можно считать, что 1945–1950 годы символически были годами рождения постиндустриального общества» [Белл, 1999, с. 466]. Впрочем, несколько позже его оценки стали более осторожными, но даже по этим осторожным прогнозам постиндустриальный переход уже должен был произойти к концу XX века, как минимум в США и Японии (Европа под сомнением) (см: [Белл, 1999, с. сxxix]).

Согласно прогнозам концепции постиндустриального общества, наиболее развитые страны, вышедшие на постиндустриальный уровень развития, должны демонстрировать опережающий рост эффективности в производстве сельскохозяйственной и промышленной продукции за счет высоких технологий и автоматизации производства. Их экономики должны быть наиболее конкурентоспособными, поскольку обладают наибольшим объемом ключевого ресурса – знания – по сравнению с экономиками прочих стран, обладающих преимуществом, быть может, только в дешевом труде и природных ресурсах. Таким образом, наиболее передовые страны (речь идет о США, Японии и странах ЕС) должны беспрепятственно и опережающими темпами развиваться, выйдя за пределы прежних ограничений индустриального общества, когда запасы капитала, объемы дешевой и квалифицированной рабочей силы и доступные природные ресурсы ставили пределы роста.

Посмотрим, насколько прогнозы реализовались. Если Китай сейчас находится на максимуме своей энерговооруженности, то предполагаемые постиндустриальные страны по показателю энерговооруженности на душу населения за последние десятилетия только деградировали. В США вырабатывается энергии на душу населения в 2023 г. только 80 % от того, что вырабатывалось в 1973, когда был достигнут пик ². (По иронии – это год выхода книги Белла о грядущем в бли-

² Statistical Review of World Energy 2024 (20 July 2024). The Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/home> (дата обращения 17.07.2024)

жайшее время успехе постиндустриализма). В других развитых странах, называемых обычно постиндустриальными, пик также давно пройден. То, что это связано не столько с повышением энергоэффективности, сколько со стагнацией промышленного роста, если не деиндустриализацией, также подтверждается статистикой: промышленного роста в большинстве так называемых постиндустриальных стран не наблюдается практически с начала текущего века. Что интересно, даже роботизация не способствовала росту, а лишь позволила частично компенсировать сокращение рабочей силы из-за старения населения. Утверждение Стоунье-ра о том, что природные ресурсы более не являются лимитирующим фактором, наглядно опровергается кризисом в экономике Германии, начавшемся как только она отказалась от российского газа.

Более пристально стоит рассмотреть пример Японии как страны, которую нередко полагают образцом воплощения проекта общества знания в жизнь. И действительно, еще с середины XX в. в Японии активно развивались различные наукоемкие отрасли. Так, она является одним из лидеров в области электроники, робототехники, некоторых других направлений. По доле расходов на науку и образование она долгое время занимала первое место в мире, да и сейчас остается в числе лидеров, хотя постепенно пропускает вперед все больше стран. (Скажем, в 2016 г. она занимала третье место в мире по абсолютным расходам на науку и шестое – по расходам на душу населения)³. По количеству роботов на душу населения она также постепенно теряет свое преимущество, но все еще остается одним из лидеров: четвертое место в мире в 2018 г., опережая, скажем, США (седьмое место)⁴. Негативные демографические тенденции в Японии ведут к сокращению объема квалифицированной рабочей силы. Это стало одной из причин устойчивой экономической стагнации, которая наблюдается в данной стране с начала 1990-х гг. Роботизация здесь, таким образом, демонстрирует, что знания плюс капитал не вытесняют живой труд, но лишь компенсируют его дефицит – и то не полностью. Об относительном упадке ее промышленного потенциала говорит в частности тот факт, что Япония в 2023 г. сохранила лишь 81 % по энергопотреблению на душу населения от 2000 г.⁵ Стагнация, вызванная главным образом проблемами с обеспечением дешевыми энергоносителями и старением населения, при сохранении высоких расходов на науку и образование и весьма высоком уровне образования населения является аномалией с точки зрения принципов концепции общества знания.

Стоит сопоставить ситуацию Японии с ситуацией соседнего Китая. К началу текущего века у «постиндустриальных» стран имелся козырь (с точки зрения теории постиндустриализма) – высокие технологии, т. е. преимущество в знаниях. У Китая имелись лишь плохие (с точки зрения данной теории) карты – дешевая, но квалифицированная и дисциплинированная рабочая сила. По итогам прошед-

³ Рейтинг ведущих стран мира по затратам на науку (24 июля 2018). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Институт статистических исследований и экономики знаний. URL: <https://issek.hse.ru/news/221864403.html> (дата обращения 06.02.2024)

⁴ Где больше всего роботов (14 ноября 2019) // Эконс. Сайт об исследованиях по экономике и финансам. URL: <https://econs.online/articles/details/gde-bolshe-vsego-robotov/> (дата обращения 06.02.2024)

⁵ Statistical Review of World Energy 2024 (20 July 2024). The Energy Institute. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/home> (дата обращения 17.07.2024)

ших 20 лет можно констатировать, что Китаю удалось привлечь в свою экономику капитал и обеспечить промышленный рост более, чем на порядок. Разительное отличие от стагнации предполагаемых «постиндустриалов»; это находится в полном противоречии с прогнозами, следующими из концепции общества знания. Получается, что труд, капитал и природные ресурсы все еще весьма значимы, и технологическое знание, при всей его очевидной значимости, не может компенсировать провалы по прочим позициям.

Реальные тенденции и факты, касающиеся положения отдельных стран, радикально противоречат прогнозам сторонников различных вариантов концепции постиндустриального общества в целом и концепции общества знания в частности потому, что реального постиндустриального перехода просто не произошло. Постиндустриальный переход предполагает выход на качественно более высокий уровень развития производительных сил общества по сравнению с индустриальным. Признаком его выступает сочетание принципиально нового технологического уклада, нового логистического уклада и нового энергетического уклада. Новый технологический уклад предполагает масштабную роботизацию и автоматизацию производства, замену живого труда машинным. Новый логистический уклад – качественное улучшение транспортной системы, способной перевозить грузы значительно быстрее и дешевле, чем это происходило в середине XX века. Новый энергетический уклад предполагает энергетический переход на более эффективные источники энергии, существенное повышение объемов доступной дешевой энергии.

Сейчас необходимые технологии для всего этого либо отсутствуют, либо не доведены до стадии массового применения. Для полноценной роботизации необходимы не только технологии робототехники (в которых большого успеха достигли Япония, США и некоторые другие страны), но и их сочетание с информационными технологиями (Интернет вещей, связь уровня 5 G – в чем наибольшего успеха добился Китай), искусственным интеллектом (здесь лидерство за США). Но также для масштабной роботизации требуется и усиление энергетического базиса производства. А здесь человечеству особо нечем похвалиться. Так называемая «зеленая энергетика» оказалась тупиковым направлением, а атомная энергетика развивается куда медленнее, чем это предполагали в середине XX века. В этой сфере наибольших успехов добилась Россия, но и у нас пока нет технологий управляемого термоядерного синтеза, на которые так рассчитывали еще в 1980-е гг. В сфере транспорта также вместо требуемой революции наблюдается лишь череда неудачных проектов (типа гиперлупа).

Еще одна важная так и не реализованная материальная предпосылка формирования общества знания – энергопереход на более высокий энергетический уклад с увеличением энерговооруженности на порядок. Почему так решительно утверждается, что именно это, а не роботизация или что-то еще является важнейшим необходимым материальным условием перехода? Для масштабной роботизации, как уже говорилось, требуется сочетание развития робототехники, искусственного интеллекта и эффективного Интернета вещей. Все эти компоненты нуждаются в энергетическом обеспечении, которого пока нет. В частности, функционирование инфосферы (интернета и сопутствующих технологий)

весьма энергоемко. По оценкам Б. Рагхавана и Дж. Ма, интернет потребляет от 84 до 143 гигаватт электроэнергии в год, что составляет от 3,6 до 6,2 % всей электроэнергии в мире ⁶. Согласно данным другого исследования, одни только центры обработки данных⁷ (важный элемент инфраструктуры цифровизации) в 2022 г. потребляли по 4 % электроэнергии в США и ЕС, а к 2026 г. эта цифра должна удвоиться. Вроде бы не так и много, но нужно учесть, что реализация программы построения общества знаний потребует существенного увеличения потребления энергии, избытка которой не наблюдается.

Нельзя сказать, что в данной сфере не делается ничего, что соответствовало бы модели решения проблемы ограниченности ресурсов через новые технологии, предлагаемой концепцией общества знания. Так, в России происходит строительство реакторной установки четвертого поколения БРЕСТ-ОД-300. Это как раз пример, соответствующий данной модели. «Новые типы реакторов... позволяют повторно использовать отработавшее ядерное топливо. А это, во-первых, снизит необходимость в добыче уже довольно дефицитного урана, а во-вторых – позволит пустить в оборот огромные накопленные человечеством ядерные отходы» ⁸. Тем не менее, поскольку атомная энергия составляет лишь относительно небольшую долю общего энергетического баланса человечества (более 80 % по-прежнему занимает углеродное топливо), в целом проблема далека от разрешения.

Проблема утраты технологических компетенций

Для концепции общества знания характерны тезисы, сформулированные Т. Стоуньером. Он утверждает, что «чем больше знаешь, тем легче познавать новое. Чем больше изобретено, тем больше изобретают. Вот почему ускоряется темп изменений» [Стоуньер, 1986, с. 400]. Такой кумулятивистский подход сомнителен (хотя и выглядит достаточно правдоподобным) даже в отношении фундаментальной науки. В отношении же технологий и тем более материальной техносферы этот принцип вообще не адекватен. Насчет техносферы это наиболее очевидно, поскольку объекты материальной инфраструктуры изнашиваются и нельзя ожидать, что, строя новые объекты, можно забыть о старых, как будто материальный капитал общества только кумулятивно возрастает. Максимум, на что можно надеяться, – это что строительство новых объектов и ремонт старых будет опережать выбытие.

Казалось бы, применительно к технологиям такая угроза утраты компетенций недействительна. Такое заблуждение проистекает из тенденций концепции общества знания рассматривать технологические знания как идеальные объекты,

⁶ Strickland J. How much energy does the Internet use? (10 December 2012). HowStuffWorks.com. URL: <https://computer.howstuffworks.com/internet/basics/how-much-energy-does-internet-use.htm> (дата обращения 24.01.2024)

⁷ Electricity 2024. Analysis and Forecast to 2026 (January 2024). International Energy Agency (www.iea.org). URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/6b2fd954-2017-408e-bf08-952fdd62118a/Electricity2024-Analysisandforecastto2026.pdf> (дата обращения 29.01.2024)

⁸ Супер Е. Россия запустила модель Реактора будущего, или «Секрет» поставок урана в США (22 января 2024) // КОИТ. Платформа для социальной журналистики. URL: <https://cont.ws/esuper/2720460> (дата обращения 23.01.2024)

наподобие платоновских идей, не подверженных порче или гибели. Так, как будто в отличие от материальной инфраструктуры для их сохранения не требуется материальных затрат. Основанием для подобного заблуждения является наблюдаемый факт научно-технического прогресса, на поверхностный взгляд выглядящего как кумулятивное накопление знаний. Действительно, в последние десятилетия на планете в целом количество имеющихся технологий постоянно увеличивалось, как и длина технологических цепочек.

На деле не только создание технологий, но и их сохранение – процесс достаточно ресурсоемкий. И в первую очередь требуется большой объем такого фактора производства как труд. Впрочем, понятие «труд» здесь может вводить в заблуждение, поскольку требуется не просто некоторый объем времени стандартного труда, а профессиональные усилия специалистов с крайне специфическими знаниями, умениями и навыками, которые могут быть получены только в ходе длительного обучения в вузе и непосредственно на производстве. Современные технологии, как правило, настолько сложны, что не существует людей, знающих их полностью. Так что требуется кооперация больших коллективов специалистов. Для длинных технологических цепочек сложность еще более возрастает, возникает угроза потери всей цепочки из-за утраты компетенций одного из элементов. Так что для простого сохранения технологии производства какой-либо высокотехнологичной и сложной продукции требуется, чтобы воспроизводились определенные научные и технические школы, непрерывно функционировали организации, в которых будет происходить постоянное возмещение выбывающих по возрасту и иным причинам квалифицированных (именно в данном конкретном проекте) кадров.

На практике мы сталкиваемся со случаями утраты технологических компетенций не так уж и редко. Это нельзя назвать исключительным случаем. Массовое прекращение воспроизводства научных и технических школ случилось у нас в стране с разрушением СССР, что означает потерю огромного числа технологий, в том числе крайне перспективных. Можно сказать, затонула целая технологическая Атлантида. Утрата технологических компетенций происходит и в странах с рыночной экономикой, но не так обвально, а постепенно и рутинно. Особенно страдают уникальные проекты, не связанные с регулярным производством постоянно востребованных потребительских товаров. Компетенции и технологии теряются ежегодно в связи с тем, что отдельные фирмы-субподрядчики крупных проектов закрываются или реорганизуются. При этом временно не востребованная технологическая документация утрачивается, уникальные специалисты уходят на пенсию, не передав свои знания новым поколениям инженеров. Как следствие, США, например, за последние десятилетия утратили целый ряд ключевых технологий⁹. В частности, американцы не имеют современных технологий по обогащению урана и остаются зависимыми в этом от российских компаний¹⁰. При этом они уже неоднократно пытались восстановить данные тех-

⁹ Брекогин С. Четыре технологии, которые США утратили (5 октября 2019) // Aftershock.news. Каким будет Завтра. URL: <https://aftershock.news/?q=node/794752> (дата обращения 24.01.2020)

¹⁰ Самофалова О. США объявили новую энергетическую войну России (24 апреля 2020) // Взгляд. Деловая газета. URL: <https://vz.ru/economy/2020/4/24/1036154.html> (дата обращения 21.06.2020)

нологии, для чего масштабно финансировались различные программы, но пока без толку. Например, это касается программы полетов на Луну, которая, в отличие от ситуации полувековой давности, в наши дни никак не может сдвинуться с мертвой точки. Таким образом, во многих секторах высокотехнологичного производства страна пытается догнать саму себя полувековой давности, причем по большей части безуспешно. Сходная ситуация существует и с российской программой освоения Луны, что говорит о том, что это не частная уникальная проблема отдельной страны.

При этом нужно заметить еще одну негативную тенденцию. Чем более сложными и уникальными становятся технологии, тем больше требуется уникальных специалистов с крайне специфическими знаниями, умениями и навыками, которые могут быть получены только при сочетании глубокого фундаментального и узкоспециализированного образования и опыта работы в успешных технологических коллективах – научных и технических школах.

Это требует увеличения общественных расходов на систему образования, что является проблемой в условиях нарастающего бюджетного дефицита большинства стран мира. Но также нужны человеческие таланты, причем во все увеличивающемся количестве. В условиях начавшейся депопуляции и видимого кризиса образования во многих развитых странах получить необходимое количество нужных специалистов будет затруднительно. Для развития техносферы нужны не только «умные головы», т. е. люди с высшим образованием и научно-технической специализацией, но и «умные руки», т.е. высококвалифицированные рабочие, чтобы воплотить технологическую разработку в материальном мире. Только одна новость для иллюстрации: в Великобритании не получается реализовать программу развития энергетики, так как не хватает квалифицированных рабочих и инженеров¹¹. Подобные новости постоянно приходят из разных развитых стран, в том числе и России¹².

Итак, для поддержания и дальнейшего развития технологической инфраструктуры и собственно технологий требуется все возрастающий объем разнообразных ресурсов – энергетических, финансовых, людских. Фактически современная индустриальная цивилизация сейчас находится на пороге кризиса развития и воспроизводства технологий. Многие высокие технологии и компетенции специалистов находятся на грани утраты. Это ведет к угрозе общего технико-экономического кризиса из-за лавинообразного разрушения существенной части стратегических технологических цепочек. Или по крайней мере к перспективе технологической стагнации: «Хюбнер называет две возможные причины замедления прогресса: а) определенные направления науки и техники не развиваются из-за того, что они экономически невыгодны; б) способность людей поглощать знания подходит к концу, и в результате делать новые открытия становится

¹¹ См., например: Ambrose J. We Are Facing a Critical Shortage: Why UK's Green Revolution Urgently Needs Skilled Workers (20 January 2024) // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2024/jan/20/were-facing-a-critical-shortage-why-uks-green-revolution-urgently-needs-skilled-workers> (дата обращения 21.01.2024). И это только один из множества аналогичных примеров.

¹² См., например: Лусине Баласян. Институт Гайдара: на нехватку кадров пожаловались 47 % предприятий (25 января 2024). Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6466971> (дата обращения 25.01.2024)

все труднее. Он подкрепляет свои суждения графиком количества патентов, где пиком изобретательства оказывается 1915 г.» [Розов, 2015, с. 152].

Альтернативные по отношению к формированию общества знания пути перехода на стадию постмодерна

Однако, похоже, многие представители мировой элиты устали ждать прорывных достижений науки и уже не надеются на НТР как средство решения проблемы. В последнее время в тренде оказываются другие пути постмодернизации, т. е. варианты выхода на стадию постмодерна, не связанные напрямую с постиндустриальным переходом как качественным скачком в развитии технологий и производительных сил и не связанные с развитием общества знания.

На международных конференциях в Рио-де-Жанейро (1992 г.) и Каире (1994 г.) предлагается программа преобразования мира в соответствии с рекомендациями Римского клуба, которая предполагает меры антинаталистского характера по сокращению рождаемости, а также меры по ограничению потребления. Сейчас такая повестка активно продвигается рядом политических движений, особенно экологических, которые пытаются формировать общественное мнение, поощряющее образ жизни, связанный с отказом от потребления многих уже привычных для жителей развитых стран благ. Это означает отказ от основной цели модернизации (и постмодернизации) – обеспечения условий для повышения уровня жизни и достижения всеобщего богатства без отказа от размножения. Ставится новая принципиальная цель – сохранение экологического баланса, основным средством чего признается не развитие технологий, а фертильное и потребительское самоограничение. В качестве идеологического обеспечения принимается радикальный экологизм в сочетании с этикой леволиберальных «воукистских» движений.

Несколько другой вариант, без явного антинатализма, предлагает, например, российский консервативный исследователь А. С. Панарин. «Если предположить, что путь от индустриального к постиндустриальному обществу лежит не через очередную НТР – новый этап инструментально-завоевательной стратегии прометея человека, а через новую реформу, неизбежную ввиду опасности окончательного разрушения и внешнего природного, внутреннего духовного миров, то черпать новую премудрость, касающуюся новых принципов жизнестроения, придется у великой индо-буддийской традиции» [Панарин, 2006, с. 877]. Под «постиндустриальным обществом» он подразумевает по сути то, что в данной статье обозначается как вариант общества постмодерна без постиндустриальной революции. В данном случае цель в основном та же, что и у адептов Римского клуба, но средством выступает не «прогрессивная» этика, а обращение к определенным домодерновым традициям. В любом случае формирование общества знания уже не провозглашается целью, и инструмент решения проблемы признается не НТР, а идеологическая перестройка.

Заключение

Итак, грядущее формирование общества знания в ближайшем будущем уверенно прогнозировалось в XX веке. Отчасти его даже пытались воплотить как проект преодоления проблемы пределов индустриального роста. Но на практике результаты пока оказались не столь впечатляющими, и современные даже наиболее развитые страны не выглядят воплощением в жизнь модели общества знания.

Нужно, правда, оговориться, что концепция общества знания включает в себя еще некоторые другие аспекты (социальные и политические), которые не анализировались в данной статье, такие как роль значимости научной экспертизы при принятии решений, увеличение значимости университетов как центров образования и получения нового знания и т. д. Однако если концепция общества знания неадекватна на уровне анализа экономического базиса, то уверенно можно предположить, что она не будет адекватна и в остальном.

Тем не менее, это не делает невозможным реализацию проекта в будущем. Свидетельством прогнозной успешности или неуспешности концепции общества знания станет относительное увеличение веса разных факторов производства и соответственно усиления положения наиболее обеспеченных ими стран в среднесрочной перспективе. Конечно, наилучшие перспективы на опережающее развитие и лидерство потенциально имеют те страны, которые соберут, условно говоря, «флеш-рояль», но на практике такое маловероятно, поскольку обычно наиболее обеспеченными разными видами экономических ресурсов являются разные страны.

Если модель общества знания все же реализуется на практике в перспективе ближайших десятилетий, то это будет наглядно проявляться в опережающем росте стран Запада, прежде всего ЕС. Почему именно успешное развитие ЕС выступает наиболее надежным маркером реализации модели общества знания? США обладают не меньшими технологическими, знаниевыми ресурсами, чем ЕС. Также и Китай уже добился лидерства по многим направлениям передовых технологий и может квалифицироваться как страна, обладающая большим объемом технологических компетенций. У России и некоторых других стран также имеются преимущества по некоторым направлениям развития технологий, а помимо этого достаточно большое количество передовых исследовательских центров, образованных и высококвалифицированных кадров. Однако США, КНР и Россия богаты и некоторыми другими ресурсами, поэтому их потенциальный успех нельзя будет столь уверенно отнести именно на счет данного фактора.

Если же эта модель так и останется оторванной от реальности абстракцией, то ключевыми факторами экономического успеха останутся накопленный капитал, квалифицированный труд и ресурсное изобилие. Если ключевым лимитирующим фактором развития останется капитал, то преимущество останется за теми же странами, но не столь явное, причем ЕС будет отставать от США. Если по мере истощения природных ресурсов и неспособности человечества преодолеть ловушку Римского клуба главным лимитирующим фактором станут природные ресурсы и особенно энергетические ресурсы, то наилучшие условия для превосходства будут у России и таких стран, как Канада и Австралия. Если же по мере

нарастающей депопуляции ключевым фактором станет наличие квалифицированной рабочей силы, то лидерство в ближайшей перспективе окажется за Китаем, но наибольшие темпы роста стоит ожидать скорее от Индии; также ускорится и развитие стран Африки, которые уже не будут восприниматься «отцепленным вагоном», хотя все же и не станут богатыми из-за относительно низкой квалификации работников.

В целом маркером реального перехода к обществу знаний будет нарастание проблемы массовой безработицы, прежде всего среди малообразованных слоев населения, вызванной вытеснением живого труда, снижение нормы прибыли на капитал и земельной ренты. О том же будет свидетельствовать нарастание дефицита квалифицированных кадров, вызванное существенным повышением спроса на творческих высокообразованных работников, существенное повышение зарплат научных работников и инженеров.

Список литературы

- Белл Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999.
- Бехманн Г.** Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2011.
- Ефременко Д. В.** Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 49–61.
- Медоуз Д.** Пределы роста. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Панарин А. С.** Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Академический проект, 2006.
- Розенберг Н., Бирдцелл Л.** Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск: Экор, 1995.
- Розов Н. С.** Ускорение истории: причинные механизмы и пределы // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 151–163.
- Стоуньер Т.** Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 392–409.
- Трубицын О. К.** Оценка сильной версии концепции постиндустриального общества // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020а. № 4 (30). С. 83–103.
- Трубицын О. К.** Критерии выхода общественного развития на стадию постмодерна // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020б. № 3 (29). С. 18–35.
- Уэбстер Ф.** Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Drucker P.** Post-capitalist Society. Butterworth Heineman, 1993.

References

- Behmann G.** Modern society: risk society, information society, knowledge society. Moscow: Logos, 2011. (in Russian)

- Bell D.** The coming post-industrial society. The experience of social forecasting. Moscow: Academy, 1999. (in Russian)
- Drucker P.** Post-capitalist Society. Butterworth Heineman, 1993.
- Efremenko D. V.** The concept of the knowledge society as a theory of social transformations: achievements and problems // Questions of Philosophy. 2010. No. 1. P. 49–61. (in Russian)
- Meadows D.** Limits of growth. Moscow: Moscow State University, 1991. (in Russian)
- Panarin A. S.** The revenge of history: the Russian Strategic Initiative in the XXI century. Moscow: Academic Project, 2006. (in Russian)
- Rosenberg N., Birdzell L.** How the West became rich. The economic transformation of the industrial world. Novosibirsk: Ekor, 1995. (in Russian)
- Rozov N. S.** Acceleration of history: causal mechanisms and limits // Social Sciences and modernity. 2015. No. 6. P. 151–163. (in Russian)
- Stonier T.** Information wealth: a profile of the post-industrial economy // P.S. Gurevich (Ed.) New Technocratic Wave In the West. Moscow: Progress, 1986. P. 392–409. (in Russian)
- Trubitsyn O. K.** Evaluation of a strong version of the concept of post-industrial society // Philosophy and Humanities in the Information Society. 2020a. No. 4 (30). P. 83–103. (in Russian)
- Trubitsyn O. K.** Criteria for the exit of social development to the postmodern stage // Philosophy and Humanities in the information Society. 2020b. No. 3 (29). P. 18–35. (in Russian)
- Webster F.** Theories of the Information Society. Moscow: Aspect Press, 2004. (in Russian)

Информация об авторе

Трубицын Олег Константинович, кандидат философских наук
доцент Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Oleg K. Trubitsyn, Candidate of Science (Philosophy)
Docent, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 11.06.2024;
одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 29.07.2024*
*The article was submitted 11.06.2024;
approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 29.07.2024*

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-72-82

Волна и камень. О взаимоотношениях Акима Волынского и Дмитрия Мережковского

Олег Анатольевич Матвейчев

Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия

matveyol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4568-2650>

Аннотация

В статье анализируется история взаимовлияния и сложных личных взаимоотношений литературного критика А. Л. Волынского и писателя Д. С. Мережковского. Знакомые еще по учебе в Петербургском университете, они на протяжении десяти лет сотрудничали в журнале «Северный вестник», ставшем форпостом борьбы против социологизма и позитивизма в системе художественной мысли, и стали предтечами русского религиозно-философского ренессанса конца XIX – начала XX в. Практически одновременно они переоткрывают читающей публике Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского и – каждый по-своему – ищут пути к новой религиозности. Непрочный союз литераторов рушится из-за их разногласий относительно философии Ницше: Волынский не приемлет ницшеанского имморализма, крайнего индивидуализма и безбожия. Принципиально различными оказываются и их трактовки Ренессанса: если Мережковский в ницшеанском ключе рассматривал его как период возрождения живого, светлого языческого начала, борящегося с сумрачным христианством, и жаждал наступления Третьего Ренессанса, то Волынский трактует Ренессанс как движение антихристианское, демоническое, реставрацию темных языческих начал.

Ключевые слова

история философии, русская философия, русская литература, Серебряный век, идеализм, Аким Волынский, Дмитрий Мережковский

Для цитирования

Матвейчев О. А. Волна и камень. О взаимоотношениях Акима Волынского и Дмитрия Мережковского // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 3. С. 72–82. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-72-82

© Матвейчев О. А., 2024

Wave and stone. About the relationship between Akim Volynsky and Dmitry Merezhkovsky

Oleg A. Matveychev

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia*

matveyol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4568-2650>

Abstract

The article treats the history of mutual influence and complex personal relationships between the literary critic A. L. Volynsky and the writer D. S. Merezhkovsky. Having known each other while studying at St. Petersburg University, they collaborated for ten years in the journal "Severny Vestnik," which became an outpost of the struggle against 'sociologism' and positivism in the system of artistic thought. Both of them became forerunners of the Russian religious and philosophical renaissance of the late 19th and early 20th centuries. Almost simultaneously they rediscovered Leo Tolstoy and Fedor Dostoevsky for the reading audience and, each in his own way, searched for ways to a new religiosity. The unstable alliance between the two writers collapses due to their disagreement over Nietzsche's philosophy. Volynsky does not accept Nietzschean immorality, extreme individualism and godlessness. Their interpretations of the Renaissance are also fundamentally different: while Merezhkovsky viewed it in the Nietzschean vein as a period of revival of the vivid light pagan force, struggling with the dusky Christianity, and longed for the coming of the Third Renaissance, Volynsky interprets the Renaissance as an anti-Christian, demonic movement, the restoration of dark pagan forces.

Keywords

history of philosophy, Russian philosophy, Russian literature, Silver Age of Russian culture, idealism, Akim Volynsky, Dmitry Merezhkovsky

For citations

Matveychev O. A. Wave and Stone. About the Relationship between Akim Volynsky and Dmitry Merezhkovsky. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 72–82. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-72-82

Знакомство А. Л. Волынского и Д. С. Мережковского состоялось благодаря их совместному участию в научно-литературном обществе при Петербургском университете под руководством О. Ф. Миллера. В 1887 г. студент юрфака Флексер (настоящая фамилия Волынского) по приглашению профессора-правоведа Н. Л. Дювернуа читает на собрании общества сообщение о споре Дж. Милля и Г. Спенсера. Сделанный экспромтом доклад, вспоминал впоследствии Волынский, «имел необычный успех. Всем тогда показалось, что во мне заключен эмбрион теоретического философа» [Волынский, 1994, с. 249].

Среди слушателей находится студент историко-филологического факультета Мережковский, в то время также интересовавшийся учениями английских позитивистов. Впечатленный докладом, он проводил нового знакомого до дома (как оказалось, они жили по соседству, на улице Знаменской), а через несколько дней представил его А. А. Давыдовой (впоследствии – издательницы «Мира Божьего»), в квартире которой собирался кружок народников, в т.ч. Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов, Г. И. Успенский. Именно здесь, в салоне Давыдовой, произойдет и знакомство Волынского с курсисткой Л. Я. Гуревич, будущей писательницей и издательницей «Северного вестника».

Летом 1888 г. Мережковский знакомится в Боржоме с З. Н. Гиппиус, и уже в ноябре он предлагает ей руку и сердце. После венчания, состоявшегося 8 января 1889 г. в тифлисской церкви архангела Михаила, Мережковский привозит молодую супругу в Петербург и на следующий же день собирает друзей на торжественный ужин. Волынский знакомится с Гиппиус и становится частым гостем в доме молодоженов.

Под влиянием Мережковского Волынский всерьез увлекается христианством. В марте 1889 г. в «Православном обозрении» выходит его большая статья «О свободе убеждений в христианстве». Ее главная мысль, что философия должна утвердиться на религиозных, христианских началах, без преувеличения шокировала тогдашнюю интеллигенцию, воспитанную на идеях позитивизма. Однако настоящую «борьбу за идеализм» (так будет назван один из сборников его статей) Волынский начнет уже на страницах журнала «Северный вестник», куда он попадет по протекции Мережковского.

Созданный в 1885 г. «Северный вестник» считался оплотом народничества; именно сюда перебралась после закрытия «Отечественных записок» группа Н. К. Михайловского. Здесь же фактически начиналась литературная карьера юного Мережковского, поначалу искренне увлеченного народнической проповедью Михайловского (он даже «идет в народ» – ходит пешком по волжским и камским деревням, беседует с простыми людьми и вынашивает планы стать сельским учителем). Журналом руководили А. А. Давыдова и А. М. Евреинова.

В «Северный вестник» Волынский пришел с совершенно крамольной для журнала мыслью о необходимости религиозного переустройства общественного бытия. В первой же статье, опубликованной в этом журнале, он провозгласил неизбежность «власти религиозной веры над всеми вопросами жизни» (см.: [Волынский, 1889]). Философия Канта, борющаяся с догматизмом в мышлении и одновременно устанавливающая незыблемые нравственные идеалы, стала мировоззренческой основой в борьбе Волынского с позитивизмом и атеизмом.

В 1890 г. финансовые неурядицы, вызванные уходом народнической группы, вынуждают Евреинову продать журнал с 2200 подписчиками группе университетской молодежи во главе с Б. Г. Глинским. В числе пайщиков попадает Л. Я. Гуревич, выпросившая у отца 5000 рублей как часть будущего наследства. В 1891 г. Гуревич становится единоличным издателем «Северного вестника» и передает его Волынскому в фактически безраздельное владение. Волынский полностью преобразует «народнический» журнал и делает его форпостом русского литературного модернизма. Он привлекает к сотрудничеству В. С. Соловьева и опального Н. С. Лескова, печатает молодых Н. М. Минского, К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба.

В журнале продолжает публиковаться и Мережковский, отнесшийся к «смене власти» в журнале, однако, с неодобрением. ««Северный Вестник» окончательно перешел в руки Гуревич, т.е. еврея Флексера, потому что Гуревич сама вся в руках Флексера, – жаловался он А. Н. Плещееву в письме от 24 сентября 1891 г. – Он необычайно сделался важен» (цит. по: [Холиков, 2010, с. 52]). Мережковский недоволен и атакой, предпринятой Волынским на почтенного публициста-народника Михайловского – его, как сотрудника (а стало быть, как считалось, – соратника) непримиримого редактора перестают печатать либеральные журналы. Но все

это – за спиной; внешне же кажется, что «Мережок» и «Флексераки-филосóf», как они приятельски называли друг друга, – друзья не разлей вода.

Еврей из Житомира и русский дворянин из Петербурга, въедливый критик и утонченный поэт – по всему антиподы, они, кажется, идут одними путями¹. Они – каждый по-своему – переоткрывают читающей публике Л. Н. Толстого, в противовес Михайловскому настаивая, что автор «Воскресения» велик не только как художник, но и как философ. Они учат читать Ф. М. Достоевского не как бытописателя, а как глубочайшего мыслителя и знатока человеческих душ, практически одновременно – и независимо друг от друга – выработав метод интерпретации его произведений через обращение к вопросам телесности, пластики, материальности². Они бунтуют против реалистической эстетики и социологизма своих предшественников-шестидесятников и – каждый по-своему – ищут пути к новой религиозности. Таким образом, по словам израильской исследовательницы Е. Д. Толстой, Волынский вместе с Мережковским «очертил площадку, на которой впоследствии будут происходить самые захватывающие события в русской интеллектуальной жизни надвигающегося века» [Толстая, 2013, с. 9].

Однако довольно скоро появляется причина для дальнейшего разлада – в России узнают Ницше. По свидетельству С. К. Маковского, идеи немецкого философа впервые попали в Россию благодаря П. Д. Боборыкину, в самом начале 1890-х привезшему из Висбадена «Утреннюю зарю», «По ту сторону добра и зла» и «Заратустру» (см.: [Маковский, 2000, с. 515]). Творчество Ницше становится самой обсуждаемой темой в интеллигентских салонах. Среди тех, кого, по выражению Маковского, «заразили парадоксы Ницше», был Д. С. Мережковский. Летом 1892 г. на загородной даче в Сиверской состоялась его дискуссия с Волынским, имевшая далеко идущие последствия. Накануне встречи идеолог «Северного вестника» познакомился с «Заратустрой», которого ему одолжил адвокат А. Я. Пассовер, и решил поделиться впечатлениями с друзьями. «Вышел большой, захвативший нас всех диспут, – вспоминал Волынский. – Мережковский гарцевал на нищенских (очевидно, опечатка, должно быть: «ницшевских»). – О. М.) афоризмах с большим великолепием. Голос его грохотал из холодной души. Мои указания на то, что в умствованиях Ницше, пусть и блистательных по своей форме, пусть даже в некотором роде и биологичных, нет имманентного морального зерна, заложенного в самой природе, Мережковский отбрасывал почти с негодованием. Он с жаром указывал на то, что во мне говорит еврей и что новейшее течение в литературе, в котором он плескался, разводя пену и брызги, мне просто не подсудно. Эту уничтожающую мысль он отстаивал с фанатическим упрямством»³.

¹ А. М. Ремизов впоследствии отметит, что Волынский «писал всегда на одну тему с Мережковским» (цит. по: [Пайман, 2000, с. 27]).

² «Понадобилась работа целого поколения, труды Д. С. Мережковского, А. Л. Волынского, чтобы научить нас видеть в Достоевском иное, чем бытописателя, а в каком-нибудь Раскольникове не просто представителя психологии “голодающего студенчества”, что видел в нем Писарев» [Карцевский, 1921, с. 118].

³ См.: Аким Волынский. Антон Павлович Чехов. Воспоминания критика о писателе. 1925 г. / Публикация, предисл., комм. А.Л. Евстигнеевой // Наше наследие. 2011. № 98. URL: <http://nasledie-rus.ru/podshivka/9812.php> (дата обращения: 15.05.2024).

Имморализм, крайний индивидуализм и безбожие были главными претензиями, которые Волынский предъявлял к Ницше и его последователям в России, замороженным лишь внешней привлекательностью ницшеанства. Само это время, прошедшее под знаком Ницше, Волынский вспоминал впоследствии, по его выражению, «с тоскою и горечью»: «Были слова, но слова эти, занесенные ветром в наши болота и равнины из очагов и пожаров Европы, звучали пустозвонно, занимая на миг, иногда даже пленяя, но никогда не волнуя по-настоящему. Никакой морали, ни явной, ни скрытой, в них не было ни следа»⁴.

Вскоре ницшеанство Мережковского выступило причиной разногласий между друзьями. К весне 1892 г. Мережковский закончил исторический роман «Юлиан Отступник», в котором явственно чувствовалось влияние Ницше: заглавный герой перед лицом наступающего христианства с его отвращением к чувственной красоте и плотской жизни пытается возродить в Византии культ богов-олимпийцев. Опубликовать роман предполагалось в «Северном вестнике», однако Волынский подверг текст нещадным правкам, вымарав из него все «ницшеанство». Разгорелся конфликт, в результате чего журнал был закрыт для Мережковского, а в апрельском номере Волынский еще и нелицеприятно прошелся по поэтическим способностям своего товарища, напечатав рецензию на его новый сборник «Символы». В ней он рассуждал о «таланте мелкого пошиба, с ничтожно-горделивыми мечтаниями, с вечным шатаньем справа налево и слева направо по всем путям возможного литературного успеха», разоблачал эпигонство Мережковского, в котором тот «фальшиво-тенденциозен, резонерски холоден, то вял и растянут, то несдержанно-криклив и несдержанно патетичен», и поучал «расчетливого» лирика: «Попроше, поменьше ломанья, побольше искренности!» [Волынский, 2001, с. 31, 34]. В общем, в своем неповторимом стиле «рубил правду-матку», не стесняясь хлестких выражений.

Лишенный трибуны в «Северном вестнике», Мережковский ответил устно, выступив 26 октября 1892 г. в Русском литературном обществе со знаменитой лекцией «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Среди причин падения российской словесности Мережковский указал литературную кружковщину, диктат «толстых» журналов и литературной критики, утрату популярными публицистами простоты и ясности речи в угоду нагужному остроумию и сатирическим ужимкам, возрастающее невежество и систему гонораров, заставляющую писателей угождать низшим потребностям толпы. Яркий симптом тяжелой болезни русской литературы, «признак последних дней целого поколения» – и тут Мережковский уже переходит на личности – это «когда в литературе начинают появляться молодые люди или, лучше сказать, молодые мертвецы, ... когда от самых юных, только что начинающих, веет уже холодом могилы, страшным запахом смерти и тлена ... уже тут, несомненно, быть худу!» [Мережковский, 2007, с. 452]. Слова эти – о Волынском, который, несмотря на все свои таланты и страстность ума, не более чем «зловещая карикатура на Спинозу», которая «своими мертвыми устами, своим деревянно-цветистым языком проповедует деревянно-мертвого талмудического Бога» [Мережковский, 2007, с. 452].

⁴ См.: Аким Волынский. ...

Впрочем, по мнению Мережковского, для русской литературы не все еще потеряно; и именно сейчас пробиваются на свет Божий тайные побегии нового искусства, которое характеризуют три элемента: глубокое мистическое содержание, язык философских символов и художественный импрессионизм. Все три основы идеальной литературы не создаются вновь – они обнаруживаются у великих русских писателей Толстого, Тургенева, Достоевского, Гончарова, творчеству которых и наследует современный символизм.

Лекция Мережковского получила оглушительный успех и была немедленно издана отдельной брошюрой. Как и сборник «Символы», столь искрометно отрецензированный Волынским в «Северном вестнике», она была воспринята современниками как манифест нового течения в искусстве – символизма. Далеко идущие последствия лекция имела и для самого Волынского.

В марте 1893 г. Волынский публикует в «Северном вестнике» рецензию на манифест Мережковского. Начав ее с дежурных филиппик в адрес «приторно-слащавого красноречия» своего друга с «бесцветным содержанием, с экстазом в приподнятых фразах, раздражающих слух, как вопли, крики и слезы поддельной истерики» [Волынский, 1893, с. 108], автор переходит к критике по существу, оспаривая тезис о том, что нынче нет литературы, достойной великой поэзии прошлого (есть! дело Пушкина продолжает проза Тургенева, Достоевского, Толстого). Но упадок литературного дела, тем не менее, налицо, и причину его Волынский видит в том, что отечественная литература «не имела своих настоящих истолкователей». Русским литературным критикам недоставало знания философии, да и элементарно образования, чтобы «разнести по всему необъятному пространству России свет, который хранится в созданиях ее поэзии» [Волынский, 1893, с. 121]. И все, что они делали, – это вели «ожесточенную войну против эстетики, законов искусства, напрягая детские силки и зывая к “наущным”, “практическим” потребностям русского общества. Умственное развитие России шло уродливым путем» [Волынский, 1893, с. 122].

С подачи Мережковского Волынский начинает свой поход против демократической критики, который сделает его одновременно знаменитым на всю страну и нерукопожатным среди либеральной интеллигенции. В октябре 1893 г. «Северный вестник» приступает к публикации очерков о В. Г. Белинском (1893, № 10–12), которые открывают цикл литературоведческих статей, направленных против социологизма и позитивизма в системе художественной мысли. Волынский требует от литераторов рассуждений о вечных истинах и фундирования на незыблемых основаниях. В этих статьях Волынский «подготовил почву для нового искусства, бросив вызов прославленному “сонму мучеников”, утверждавших традицию радикальной литературной критики, – Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву и их последователям в 80-х и 90-х годах. И все это он делал по-донкихотски, пренебрегая собственной литературной репутацией» [Пайман, 2000, с. 25].

Несмотря на очередной публичный обмен колкостями, в 1893 г. Волынский и Мережковский вновь сближаются, а З. Н. Гиппиус становится постоянным автором «Северного вестника» и заводит бурный роман с Волынским, который продлится более четырех лет. Об этой порочной связи с большим удовольствием судачил весь литературный Петербург и, кажется, не ведал о ней лишь один

Дмитрий Сергеевич, являвший собой, если уж называть вещи своими именами, «классический образец водевильного мужа-рогоносца» [Зобнин, 2008, с. 140]. Благодаря интрижке с Гиппиус был достигнут компромисс по поводу отложенной публикации давно завершенного романа о Юлиане Отступнике. В 1895 г. под журнальным заголовком «Отверженный» он все же был напечатан в «Северном вестнике», хотя и в урезанном и искаженном виде (Зинаида Николаевна вспоминала, как Волынский едва ли не кричал, работая над текстом: «Это – вон! Вот это тоже вон!» [Гиппиус, 2001, с. 257]).

Не в силах держать в себе свои чувства, Гиппиус пишет рассказ «Златоцвет», фабулой которого (и это был секрет Полишинеля) послужил ее роман с Волынским. Рассказ печатается в «Северном вестнике» (1896, № 2–4). Л. Я. Гуревич, сходя с ума от ревности, 19 марта 1896 г. пишет письмо своему возлюбленному, моля его объяснить за «Златоцвет». Волынский юлит и пытается все отрицать, а буквально через пару недель вероломно для своей многолетней подруги отправляется вместе с четой Мережковских в путешествие в европейскую экспедицию (Италия и Франция) по маршрутам Леонардо да Винчи.

Инициатором вояжа был Мережковский, готовящий материал для романа об итальянском гении – второго из трилогии «Христос и Антихрист». По его плану, вояжеры должны были посетить Флоренцию и Милан, а далее – воспроизвести путь Леонардо, сопровождавшего Франциска I – от Фаэнцы через Римини, Равенну, Мантую и т.д. до замка Амбуаз, места смерти художника. В отличие от своего однокашника, страстно увлеченного сбором материала для книги, Волынский всю поездку чувствовал себя как на гвоздях, тяготясь своим двусмысленным положением и желая, чтобы его возлюбленная, наконец, объяснилась с мужем. Итальянские древности его особо не трогали, в том числе и потому, что искусствоведение в то время не входило в круг его интересов и, по едкому замечанию Гиппиус, он даже еще не умел «отличать статую от картины» [Гиппиус, 2012, с. 527–528]). Чтобы чем-то занять скучающего друга, Мережковский рекомендует ему изучать Макиавелли, с томиком которого критик не расставался до самого окончания поездки.

В середине путешествия Волынский не выдержал и устроил Мережковским сцену, после чего уехал в Петербург. Роман с Гиппиус пережил еще несколько рецидивов (поэтесса даже уходила от мужа к Волынскому в его меблированные комнаты в гостинице «Пале-Рояль» на Пушкинской; в ней, к слову, находилась и редакция «Северного вестника») и бесславно закончился. В 1897 г. Зинаида Николаевна напишет в своем дневнике: «Разрыв с Флексером совершился, наконец, этой весной. ...Светлая ночь 17 мая. Еленинский сад. На душе – пыль и великое томленье. Мы говорили грубо и гадко. ...С тех пор я его больше не видала» [Гиппиус, 2003, с. 44–45].

В сентябре 1897 г. в «Северном вестнике» начинается публикация глав из будущей книги Волынского о Леонардо да Винчи (1897, № 9–12; 1898, № 1–4). В этой книге Волынский вновь полемизирует с Мережковским, в ницшеанском ключе рассматривавшим Ренессанс как период возрождения живого, светлого языческого начала, борящегося с сумрачным христианством, и жаждавшим на рубеже XX века наступления «нового Rinascimento, чей первый, смутный лепет называ-

ют Символизм» [Мережковский, 1914, с. 204]. Волынский трактует Ренессанс как движение антихристианское, демоническое, реставрацию темных языческих начал, а сам Леонардо да Винчи предстает у него в роли демона-искусителя, чье искусство (а скорее «кудесничество») ложно и безблагодатно.

Мережковский, рассчитывавший опубликовать в «Северном вестнике» после «Отверженного» вторую часть трилогии – роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», – получает от Волынского отказ. Затем следует и его увольнение из редакции журнала. В письме своему другу публицисту П. П. Перцову от 6 ноября 1897 г. Мережковский напишет: «Флексер... не предупредив, исключил мое имя и З. Н. <Гиппиус> из списка сотрудников... это после того, как он воспользовался всем моим материалом для статей о Леонардо да Винчи. Смердяковская у него сущность» [Письма, 1991, с. 172].

В конце января 1898 г. Дмитрий Сергеевич и Аким Львович обмениваются гневными письмами, после чего все отношения между ними разрываются навсегда. В конце того же года из-за финансовых неурядиц прекращает свое существование «Северный вестник»; Волынский лишится работы, а издательница Л. Я. Гуревич останется с 155 тысячами рублей долга.

Мережковские откажутся от нищезанятия и начнут строить свой путь во Христе, чем вызовут насмешки Волынского, уверенного, что «декаденты, подобно двойственным натурам Ренессанса, просто неспособны на глубокое и цельное религиозное чувство. Они и здесь “интересничают”, “едут к Богу на раут” (как Волынский писал о Гиппиус)» [Толстая, 2013, с. 206].

Косвенным образом, не называя фамилии, Волынский продолжит критиковать Мережковского и в новом веке. Так, в статье «Бог или боженька?» он выступает против религиозного модернизма своих современников с их попытками «социализации неба и Христа» и разными шаткими «богостройками» (здесь без труда угадывается «богостроительство» Мережковского). «Не к социализации Христа, не к арифметическому сложению двух правд мы должны стремиться, не о постройке инженерного сооружения, которое должно соединить два края пропасти, созданной ошибками человеческого мышления, мы должны заботиться, – пишет он, – а думать единственно о том, чтобы путем внутреннего усилия интеллектуального созерцания найти ту единую правду, из которой органически растет цельная жизнь, духовно-космическая жизнь, не знающая никаких пропастей между духом и природою, между волей и Богом, между человеком и Богом» [Волынский, 1910, с. 29]. Волынский призывает к «аполлонизации» христианства, возврату к его исходной чистоте – в противовес новым религиозным движениям, выражая надежду, что «родиной нового Аполлона» и «настоящим Вифлиемом» уже в обозримом будущем станет Россия [Там же, с. 32].

Судьба сведет Волынского и Мережковского уже после революции – оба будут работать в издательстве «Всемирная литература», основанном М. Горьким. Волынский примет новую власть и даже получит должность в Наркомпросе и возглавит Петроградское отделение Всероссийского союза писателей, став частью советской элиты. Он умрет в 1926 г. в окружении учеников и поклонников.

Мережковские тайно покинут Петроград в декабре 1919 г., так и не дождавшись свержения власти большевиков, на которое они так надеялись. За границей

они проживут довольно долгую жизнь, общаясь как с коллегами по литературному цеху, так и с весьма неоднозначными личностями – Савинковым, Пилсудским, Муссолини. Незадолго до смерти, летом 1941 г., Д. С. Мережковский выступит с радиоречью «Большевизм и человечество», в которой он воспоет «величие героического подвига, взятого на себя Германией в Святом Крестовом походе против большевизма» [Мережковский, 1993, с. 5]. Этот позорный факт сделает фамилию Мережковского в Советском Союзе непроизносимой вплоть до перестройки, открывшей творчество писателя сразу в полном объеме. В отличие от равновеликого, но до сих пор полузабытого Волынского, важнейшие произведения которого нашли свою дорогу к читателю лишь в последние годы (см., например: [Волынский, 2022; 2023]).

Список литературы

- Волынский А. Л.** Критические и догматические элементы в философии Канта // Северный вестник. 1889. № 7. С. 9–12.
- Волынский А. Л.** Литературные заметки // Северный вестник. 1893. № 3. С. 108–141.
- Волынский А. Л.** Бог или боженька // Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств: Сборник статей и ответов. М.: Заря, 1910. С. 25–32.
- Волынский А. Л.** Русские женщины // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб.: Феникс, 1994. С. 209–292.
- Волынский А. Л.** Символы (песни и поэмы) // Д. С. Мережковский: *pro et contra*. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 29–34.
- Волынский А. Л.** Гиперборейский Гимн. М.: Книжный мир, 2022. 236 с
- Волынский А. Л.** Рембрандт. М.: Книжный мир, 2023. 922 с
- Гиппиус З. Н.** Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 462 с.
- Гиппиус З. Н.** Собрание сочинений. М.: Русская книга, 2003. Т. 8. Дневники: 1893–1919. 576 с.
- Гиппиус З. Н.** «Интуристы» у фашистов // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 13. У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. С. 527–534.
- Зобнин Ю. В.** Дмитрий Мережковский. Жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. 436 с.
- Карцевский С. О.** Об эстетике Достоевского // Современные записки. Париж, 1921. Кн. III. С. 113–122.
- Маковский С. К.** Владимир Соловьев и Георг Брандес // Владимир Соловьев. *Pro et Contra*. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000. Т. I. С. 514–527.
- Мережковский Д. С.** О символизме «Дафниса и Хлои» // Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. М.: Типография И. Д. Сытина, 1914. Т. 19. Итальянские новеллы. С. 199–222.

- Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / Вступительная заметка, публикация и примечания М. Ю. Кореновой // Русская литература. 1991. № 2. С. 156–181.**
- Мережковский Д. С. Большевизм и человечество // Независимая газета. 1993. 23 июня. С. 5.**
- Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. С. 428–502.**
- Пайман А. История русского символизма. М.: Республика, 2000. 415 с.**
- Толстая Е. Д. Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.: Мосты культуры, 2013. 632 с.**
- Холиков А. А. Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб.: Алетейя, 2010. 152 с.**

References

- Gippius Z. N. “Foreign tourists” among the fascists // Gippius Z. N. Collected Works. Vol. 13. With us in Paris: Literary and political journalism of 1928–1939. Memories. Portraits. Moscow: Dmitry Sechin Publishing House, 2012. P. 527–534. (in Russian)**
- Gippius Z. N. Collected Works. Vol. 8. Diaries: 1893–1919. Moscow: Russkaya kniga, 2003. (in Russian)**
- Gippius Z. N. Memories. Moscow: Zakharov, 2001. (in Russian)**
- Kartsevsky S. O. On Dostoevsky’s aesthetics // Sovremennye zapiski. Vol. III. Paris: 1921. P. 113–122. (in Russian)**
- Kholikov A. A. Dmitry Merezhkovsky: From Life before Emigration: 1865–1919. Saint Petersburg: Aleteya, 2010. (in Russian)**
- Letters from D. S. Merezhkovsky to P. P. Pertsov / Introduction and notes by M. Koreneva // Russian Literature. 1991. No. 2. P. 156–181. (in Russian)**
- Makovsky S. K. Vladimir Solovyov and Georg Brandes // Vladimir Solovyov. Pro et Contra. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2000. Vol. I. P. 514–527. (in Russian)**
- Merezhkovsky D. S. Bolshevism and Humanity // Nezavisimaya Gazeta. 1993. June 23. P. 5. (in Russian)**
- Merezhkovsky D. S. On the Causes of Decline and New Currents in Contemporary Russian Literature // Merezhkovsky D. S. Eternal Companions. Portraits from World Literature. Saint Petersburg: Nauka, 2007. P. 428–502. (in Russian)**
- Merezhkovsky D. S. On the Symbolism of “Daphnis and Chloe” // Merezhkovsky D. S. Complete Works. Vol. 19. Italian Short Stories. Moscow: I. D. Sytin Typography, 1914. P. 199–222. (in Russian)**
- Payman A. History of Russian Symbolism. Moscow: Respublika, 2000. (in Russian)**
- Tolstaya E. D. Poor Knight. Intellectual Journey of Akim Volynsky. Moscow: Mosty kul’tury / Gesharim, 2013. (in Russian)**
- Volynsky A. L. Hyperborean Hymn. Moscow: Knizhny Mir, 2022. (in Russian)**
- Volynsky A. L. Rembrandt. Moscow: Knizhny Mir, 2023. (in Russian)**

- Volynsky A. L.** God or Little God // Where Are We Going? The Present and Future of the Russian Intelligentsia, Literature, Theater, and Arts. A Collection of Articles and Answers. Moscow: Zarya, 1910. P. 25–32. (in Russian)
- Volynsky A. L.** Critical and Dogmatic Elements in I. Kant's Philosophy // Severny Vestnik. 1889. №7. P. 9–12. (in Russian)
- Volynsky A. L.** Literary Notes // Severny Vestnik. 1893. No. 3. P. 108–141. (in Russian)
- Volynsky A. L.** Russian Women // Minushee. Historical Almanac. Vol. 17. Moscow–Saint Petersburg: Feniks, 1994. P. 209–292. (in Russian)
- Volynsky A. L.** Symbols (songs and poems) // D. S. Merezhkovsky: pro et contra. The Personality and Works of Dmitry Merezhkovsky in the Assessment of Contemporaries: Anthology. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. P. 29–34. (in Russian)
- Zobnin Yu. V.** Dmitry Merezhkovsky. Life and Deeds. Moscow: Molodaya gvardiya, 2008. (in Russian)

Информация об авторе

Матвейчев Олег Анатольевич, кандидат философских наук
профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Information about the Author

Oleg A. Matveychev, Candidate of Sciences (Philosophy)
Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

*Статья поступила в редколлегию 15.11.2023;
одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 29.07.2024*
*The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 29.07.2024*

Материалы для лекции

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-83-108

Объяснение как мета-обоснование*

Никита Владимирович Головкин

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Институт философии и права Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Россия*

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Цель работы – показать, что отдельные элементы манипулятивистской концепции причинности Дж. Вудварда способны играть роль «исключительных (salient) характеристик объяснения», которые могут ассоциироваться со значимыми характеристиками мета-обоснования тому, что «система эмпирических убеждений, которая обоснована в соответствии с принятыми стандартами, тем самым с большой вероятностью (likely to be) соответствует реальности», в ситуации, когда апелляция к более традиционным концепциям объяснения – унификационистской (Ф. Китчер) или причинностной (У. Сэлмон) – не принимается в силу «парадигмального конфликта», разделяющего данное научное сообщество. В качестве эвристики рассматривается рецепция концепции К. Ренфрю распространения индоевропейского языка по территории Европы в период неолитической революции, предложенная Э. Уайли с целью показать, что «обсуждение противоречивости объяснения явлений в концепции Ренфрю раскрывается в точности по линии, разделяющей интуиции Китчера и Сэлмона». Ключевым компонентом мета-обоснования будет понятие «инвариантности» или «сохранения» предполагаемого объяснения «перед лицом новых данных» (Л. Бонжур). Объяснение будет инвариантным «по Вудварду», когда его функционально значимые компоненты (как часть предлагаемого механизма объяснения) будут связаны отношением «конституирующего объяснения» (К. Крэйвер), характеризующегося от отношения причинности требованием «совместной манипулируемости экспланансов и экспланандума».

Ключевые слова

объяснение, унификационизм, причинность, схождение, инвариантность, мета-обоснование, манипулятивизм, конституирующее объяснение, Л. Бонжур, Дж. Вудвард, К. Крэйвер, К. Ренфрю

* Статья частично затрагивает материалы для подготовки нескольких лекций по темам: «Научное объяснение», «Философские проблемы археологии» и «Концепции причинности», читаемых в рамках курса «Философия науки» в бакалавриате по направлению «Философия» в Институте философии и права Новосибирского государственного университета. Большая часть подобранного материала и расставленные акценты являются прямым продолжением тематики исследований, поддержанных грантом РНФ № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования

Головко Н. В. Объяснение как мета-обоснование // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 3. С. 83–108. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-83-108

Explanation as meta-justification

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

The paper aims to show that some elements of J. Woodward's manipulative concept of causality are capable of playing the role of «salient characteristics of an explanation» that can be associated with the key characteristics of meta-justification that «a system of empirical beliefs that is justified according to accepted standards is thus likely to correspond to reality» in a situation where an appeal to more traditional concepts of explanation – unificationist (P. Kitcher) or causal (W. Salmon) – is not accepted due to the «paradigm conflict» dividing the given scientific community. As a heuristics we consider the reception of C. Renfrew's concept of the diffusion of Indo-European language across Europe during the Neolithic Revolution, proposed by A. Wiley aimed to show that «the discussion of the inconsistency of the explanation of phenomena within the Renfrew's concept is revealed precisely along the line dividing the intuitions of Kitcher and Salmon». The key component of meta-justification will be the notion of «invariance» or «stability» of the proposed explanation «in the face of new data» (L. Bonjour). An explanation will be invariant «in accordance with Woodward's concept» when its functionally significant components (as parts of the proposed explanatory mechanism) are connected by the relation of «constitutive explanation» (C. Craver), characterized and distinguished from the relation of causality by the requirement of «mutual manipulability».

Keywords

explanation, unificationism, causality, convergence, invariance, meta-justification, manipulability, constitutive explanation, L. Bonjour, J. Woodward, C. Craver, C. Renfrew

For citation

Golovko N. V. Explanation as meta-justification. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 83–108 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-83-108

Суть научного объяснения заключается в том, чтобы *показать, что предложенная гипотеза является корректной*, т.е. обоснованной в том смысле, что предполагаемое объясняемое явление действительно происходит так, как описывает гипотеза. Представим себе реальную ситуацию, с которой имеет дело философия науки. Мы сравниваем два объяснения причин мел-палеогенного вымирания (когда, в частности, исчезли нептичьи динозавры): есть гипотеза «космической катастрофы» (падение метеорита) и есть гипотеза «тектонической катастрофы» (вулканическая активность); есть разные и независимые вспомогательные «теории среднего уровня», которые интерпретируют имеющиеся сейчас данные: гипотеза о составе астероидов объясняет насыщенность иридием соответствующих

слоев породы (значимая часть «гипотезы Альвареса»), а вулканическая гипотеза апеллирует к тектонике литосферных плит, данным по инверсии магнитного поля Земли, которые также можно наблюдать в тех же самых слоях пород (и которую можно не связывать с «падением астероида»), сибирским (и аналогичным) траппам (которые являются свидетельством геологических процессов, успешно объясняющих более раннее пермо-триасовое вымирание) и т.д.¹ Теоретически мы можем акцентировать внимание и на других аспектах объяснения, например сказать, что объяснение – это описание, которое дает понимание явления, но главным в рассматриваемом случае будет именно то, что *объяснение может выступить в роли мета-обоснования*. У нас есть гипотеза, которая получена и обоснована в соответствии с современным (относительным) уровнем понимания необходимых норм и правил проведения соответствующих исследований и которая представлена для оценки соответствующему сообществу исследователей. А дальше мы говорим: «Данная гипотеза лучше, потому что получает подкрепление из разных независимых источников», «позволяет унифицировать имеющееся знание», «предлагает более детальный причинный механизм», «предсказывает ранее неизвестное явление, которое нам также удалось обнаружить» и т.д. Мы делаем именно то, что Лоуренс Бонжур, рассуждая об особенностях обоснования эмпирического, научного, а значит – контингентного знания, обозначает как «мета-обоснование»: «Одна задача – дать представление о стандартах эмпирического обоснования, другая – дать мета-обоснование этому представлению, показав, что предполагаемые стандарты обоснования действительно являются приводящими к истине (truth-conductive). Оно должно показать, что прибегать к этим стандартам рационально с точки зрения достижения поставленной когнитивной цели – достижения с большой вероятностью (likely to be) истинного знания» [Bonjour, 1985, p. 9]. Говоря о системе убеждений, он отмечает: «Альтернативы стандартному представлению об истинности как о соответствии независимой реальности нет. И это значит, что мета-обоснование должно показывать, что система эмпирических убеждений, которая обоснована в соответствии с принятыми стандартами, тем самым с большой вероятностью соответствует реальности» [Там же, p. 158]. Необходимость такой двухступенчатой схемы представления обоснования – мы обязаны отдельно говорить об обосновании и отдельно о мета-обосновании, – в том числе следует из классического представления о том, что «основания обоснования обязаны быть обоснованы». Проблема в том, что концепций научного объяснения, которые должны показать, что данное объяснение является хорошим и по-настоящему «приводящим к истине», много².

¹ См.: «Массовое вымирание» (19 апреля 2024). *Википедия – свободная энциклопедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_вымирание (дата обращения: 01.12.2024).

² См.: Woodward J., Ross L. «Scientific Explanation» (rev. 10 May 2021). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2021 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/scientific-explanation/> (дата обращения: 01.12.2024). В приведенном примере с оценкой качества объяснения, которое предлагают две конкурирующие гипотезы ключевым событиям, повлекшим за собой вымирание до 75% всех существовавших тогда видов живых организмов, и в том числе, не в последнюю очередь, поскольку речь идет об объяснении физических явлений, логично воспользоваться дедуктивно-номологической концепцией К. Гемпеля: объяснение включает указание на конкретные «начальные условия» и на «законы» (см.: [Hempel, 1942]). И если вы можете вывести объясняемое явление буквально, подставив эти «начальные условия» в данные «законы», то вы получаете крайне высокую

Ниже мы приведем в пример концепцию Колина Ренфрю распространения индоевропейского языка по территории Европы в период неолитической революции (см.: [Renfrew, 1987]). Примечательно то, что большинство критиков буквально оказываются представителями другой парадигмы, в которой К. Ренфрю не работает. Они отдают предпочтение той концепции объяснения, на которую изначально К. Ренфрю, скорее всего, не ориентировался, либо апеллируют к характеристикам, на которые, желая подчеркнуть сильные, с его точки зрения, стороны своей объясняющей модели, К. Ренфрю умышленно не обращал внимания³. И какое-то время ситуация интерпретировалась, и наверняка так и понимается

степень вероятности того, что рассматриваемая гипотеза действительно (с учетом известных ограничений) соответствует реальности. Если гипотеза, построенная на основании предполагаемых данных о составе астероидов, предсказывает то, что соответствующий пласт, находящийся на границе известняковых отложений мелового и палеогенного периодов, должен быть богат иридием и другими металлами платиновой группы (при том что обычно эти элементы редко встречаются на поверхностном слое и в основном концентрируются в мантии и ядре), и она подтверждается находками, обнаруженными во многих районах Земли, то можно считать, что гипотеза обоснована «по Гемпелю», а значит, как минимум она корректна. И если объяснение, которое предлагает гипотеза, «проще» (в том числе в плане обнаружения следствий или в плане «унификации» уже имеющихся данных), чем объяснения, которые предлагают другие гипотезы (вулканическая активность, резкое изменение климата, появление цветковых растений и млекопитающих и т.д.), то как минимум мы обязаны признать ее «лучшей в классе». Однако суть примера в том, что подобные рассуждения возможны только потому, что мы заранее согласились с тем, что «объяснение по Гемпелю» является определяющей концепцией объяснения. И это не очевидный выбор для тех областей знания, в которых под «законом» в лучшем случае подразумевается успешное индуктивное обобщение «по Бэкону – Миллю», в которых апелляция к стандартной гипотетико-дедуктивной схеме подтверждения научной теории существенно затруднена, в том числе особенностями «получения данных» (как, например, в археологии, когда интерпретация эмпирических данных, по сути, напрямую зависит от выбора других – не тех, которые проверяются, – теорий, задающих содержание этих данных). С этой точки зрения приведенный пример можно (и даже нужно!) считать примером достаточно «грубой идеализации», поскольку сама идея применимости «объяснения по Гемпелю» в геологии, судя по всему, недостаточно обоснована. Вопрос о том, считать ли данную зависимость именно дедуктивным, универсальным «законом», идеалом которого, например, выступает Второй закон Ньютона, – это классический вопрос философии науки, различные варианты решения которого существенно отличаются друг от друга, в том числе в силу различий в выбранных парадигмальных представлениях о «необходимости», «подкреплении», «природе индукции» и т.д. См.: Carroll J. Laws of Nature (rev. 16 November 2020). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2024 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2024/entries/laws-of-nature/> (дата обращения: 01.12.2024). Сравните, например, трактовки «по Льюису» и «по Армстронгу»: «Закон природы отражает наилучшую комбинацию простоты и силы утверждения, принадлежащего истинной дедуктивной системе» и «закон природы есть отношение не логической, контингентной необходимости между универсалиями» соответственно.

³ И это не искусственный пример. В каком-то смысле ситуация напоминает обсуждение преимуществ теории струн. Сама идея математически представлять физическое взаимодействие в нашем трехмерном мире как результат проявления действия сил в пространствах большей размерности (первые примеры таких концепций появились еще в 1910-х) оказалась настолько эффективной, что в конечном итоге удалось построить крайне абстрактное представление, объединяющее все известные физические взаимодействия в рамках 11-мерного математического многообразия. С точки зрения концепций объяснения, подчеркивающих важность объединений описания всех взаимодействий на одном основании, такая теория, несомненно, соответствует реальности, причем гораздо больше, чем теории, которые не дают подобного «унифицирующего» представления. Но с точки зрения концепций объяснения, которые в первую очередь требуют эмпирической проверки теорий, теория струн является худшей научной теорией, причем настолько, что даже не может претендовать на статус собственно «научной». См.: String Theory (rev. 22 November 2024). *Wikipedia. The Free Encyclopedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/String_theory (дата обращения: 01.12.2024).

многими, в терминах «парадигмального противоречия». Однако, с точки зрения Элисон Уайли, это пример «реальной ситуации, в которой мы можем говорить о сближении (*rapprochement*) унификационистской (Ф. Китчер) и причинностной (У. Сэлмон) концепций объяснения» (см.: [Wylie, 2002, ch. 16]). На то, что такое «сближение» – именно как сближение, а не как редукция, – возможно с точки зрения «развития концепций объяснения», в свое время указывал У. Сэлмон (см.: [Salmon, 1989]). На наш взгляд, пример Э. Уайли хорош не только тем, что ей удается показать то, как именно в реальной практике научного исследования в области знания, в которой, по всеобщему мнению, нет ничего, что могло бы отвечать каноническому представлению о «законе» с точки зрения физики, и апелляция к объяснению «по Гемпелю» изначально считается провальной, удастся решить вопрос о выборе предпочтительной концепции объяснения. Пример интересен тем, что мы можем сформулировать достаточно общее представление о том, на что следует *обращать внимание*, когда у нас нет возможности выбрать одну наперед заданную концепцию объяснения, но при этом мы согласны с тем, что качество объяснения является одной из значимых характеристик мета-обоснования. Как отмечает У. Сэлмон: «Существует три основные школы – прагматическая, дедуктивистская и механицистская. При этом подходы “сверху вниз” и “снизу вверх” – это всего лишь два разных способа прочтения одного и того же “идеального объясняющего текста” (основное понятие прагматической концепции. – Н. Г.). Именно прагматические соображения определяют то, какой именно способ “прочтения” является наиболее подходящим (*appropriate*) в данном контексте» [Salmon, 1989, p. 185]. Памятуя о том, что «сближение» – это не редукция, нельзя сказать, что объяснение полностью становится прагматическим и контекстно зависимым. Скорее, речь идет о том, что в заданной ситуации субъект прагматически выбирает исключительные (*salient*), на его взгляд, характеристики объяснения, которые определяют выбор той или иной концепции объяснения как основной, а также одновременно ассоциируются со значимыми характеристиками мета-обоснования принимаемой субъектом гипотезы. На наш взгляд, роль такой «исключительной характеристики» может играть свойство «инвариантности объяснения» в том виде, например, как оно раскрывается в манипулятивистской концепции причинности Джеймса Вудварда (см.: [Woodward, 2002; 2005]). Отличительная особенность представленной интерпретации заключается в том, что представления Дж. Вудварда предлагается дополнить концепцией «конституирующего объяснения» Карла Крэйвера (см., например, [Craver, 2007]), которая, на наш взгляд, гораздо более соответствует практике «исторических естественных наук» (геология, археология, палеонтология), в которых, по понятным причинам, сложно воспользоваться стандартной дедуктивистской концепцией объяснения.

Модель К. Ренфрю и дискуссия Ф. Китчера и У. Сэлмона

В 1987 г. вышла книга Колина Ренфрю «Археология и язык: Загадка происхождения индоевропейского языка», посвященная объяснению причин «широкого распространения основания, объединяющего практически все языки Европы, множество языков Индии и Пакистана, а также ряд языков народов, находящихся

между ними»: «Если мы посмотрим на картину языкового разнообразия в Европе незадолго до начала Христианской эры, то с удивлением обнаружим, что она почти вся индоевропейская. А это *очень большая территория для того, чтобы подобное наблюдаемое однообразие (uniformity) было случайным*» (курсив наш. – Н. Г.) [Renfrew, 1987, p. 145]. Гипотеза К. Ренфрю заключается в том, что подобное «однообразие» является следствием неолитической революции и объясняется «проникновением на территорию Европы в раннем неолите (приблизительно 6000 лет до н. э.) технологий производящей экономики – обработки земли и животноводства посредством переселения групп, которые говорили на общем исходном – прото-индоевропейском – языке, что привело к неуклонной замене исходного многообразия языков сообществ, живущих охотой и собирательством. Первые колонизаторы Европы (от 35000 до 12000 лет назад), возможно, также несли общий язык, но это произошло слишком давно, чтобы естественные процессы диверсификации привели к той картине языкового разнообразия, которую мы видим сейчас. Мы бы получили гораздо более фрагментированную и разнородную картину, если бы относительно недавно не произошел промежуточный эпизод языковой ре-колонизации, о котором можно судить по все еще сохранившимся остаточным признакам того, что все индоевропейские языки имеют общий корень. Большое число людей, разделяющих общий язык, медленно распространялось (diffuse) по территории, заменяя старое население (и его язык), но не силой оружия, а посредством распространения нового образа жизни, который и был их решающим адаптивным преимуществом» (см.: [Renfrew, 1988, p. 437–441]). К. Ренфрю описывает процесс «лингвистического замещения» как процесс «демографического давления со стороны сообществ, практикующих земледелие, рост населения которых продиктован расширением возможностей и доступностью пропитания (subsistence), а также другими преимуществами, которые дают сельскохозяйственные технологии и соответствующий образ жизни» [Там же]. Более того, он настаивает на том, что эту «демографическую модель языкового замещения» (demic-diffusion) могут подтвердить и археологические находки, касающиеся обнаружения признаков распространения земледелия, и данные сравнительного языкознания и исторической лингвистики, раскрывающие содержательные связи между языками на современной лингвистической карте мира, но самое главное – данные популяционной и молекулярной генетики (на этапе выдвижения гипотезы имелись в виду данные по биохимическому составу крови), что в конечном итоге также должно привести к формированию новой области знания – «исторической генетики, которая занимается соответствующей реконструкцией истории человеческой популяции» [Renfrew, 1992a, p. 446]⁴. Подобный широкомасштаб-

⁴ Одна из особенностей концепции К. Ренфрю заключается в том, что, по сути (и он сам об этом открыто говорит), она является приложением другой, не менее масштабной модели «волны-продвижения» (wave-of-advance) А. Аммермана и Л. Кавалли-Сфорца, статья которых «Популяционная модель для проникновения (diffusion) раннего земледелия» вышла в 1973 г. в коллективной монографии под редакцией К. Ренфрю (см.: [Ammerman, Cavalli-Sforza, 1973]). А. Аммерман и Л. Кавалли-Сфорца предположили, что практика земледелия начала проникать на территорию Европы посредством миграции малых групп населения из центральной Анатолии (исторически первые обнаруженные признаки соответствующей культуры, в то время как Европу все еще населяют племена собирателей) в седьмом тысячелетии до нашей эры. При этом ключевой аргумент заключался в том, что *потенциально* земледелие способно прокормить и обеспечить плотность населения большую, чем могла обеспечить

ный синтез исследований из разных областей знания, подобное «совпадение» («convergence», «congruence», «mutual compatibility», «curious parallels» – как оно обозначается в приведенных источниках), по мнению К. Ренфрю, не может быть случайным. Это значит, что предложенная модель по крайней мере должна в той или иной степени потенциально быть приложимой и к другим языковым семействам, должна успешно описывать и другие «сходные» культурные явления.

С точки зрения философско-методологического анализа (и особенно если мы говорим о состоянии на начало 1990-х) очевидно, что модель, предложенная К. Ренфрю, является хорошим примером реализации «принципа простоты» (parsimony). И он сам об этом говорит: «Несмотря на то что предложенная модель, по большому, все еще является гипотезой (conjecture), ее преимущество заключается в том, что она предлагает достаточно простое историческое описание современного распределения языков на карте мира. В этом и состоит роль модели – упростить (simplify) и сделать явление понятным, несмотря на скептицизм и упреки в том, что предложенные объяснения *слишком простые* по отношению к имеющимся данным» (курсив наш. – Н. Г.) [Renfrew, 1992b, p. 55]. С точки зрения теории объяснения мы имеем дело с «унификационистской» концепцией объяснения Ф. Китчера⁵. Цель объяснения – систематизировать как можно большее число разнообразных явлений, по возможности используя сравнительно небольшое количество посылок и примеров «паттернов аргументации» или «способ-

«старая» экономика. Именно в этом смысле каждое следующее поколение земледельцев было вынуждено идти дальше, для того чтобы справляться с демографическим давлением». Эти два компонента (демографический и связанный с обеспечением пропитания) точно также значимы для модели К. Ренфрю. Он просто «добавил» лингвистический компонент, предположив, что язык земледельцев заместил локальные языки и стал тем самым общим «лингвистическим основанием», на котором возник индоевропейский язык, который со временем также претерпел трансформации уже благодаря другим «вторичным процессам». И точно также А. Аммерман и Л. Кавалли-Сфорца подчеркивают возможную корреляцию процесса «распространения земледелия» и сложившегося в современной Европе территориального распределения ресурс-фактора (см.: [Renfrew, 1992a, p. 463–465]).

⁵ В общем случае «унификационистская» концепция представляет собой так называемый «сверху вниз» (top-down)-тип объяснения, которое апеллирует к тому, как мы *организуем* знание, а не к тому, каков мир «на самом деле». В этом смысле «дедуктивно-номологическая» концепция К. Гемпеля является одним из вариантов «унификационистской». В 1974 г. вышла работа М. Фридмана «Объяснение и научное понимание», в которой подчеркивалось, что «объяснение является *функцией от систематизирующей силы теории, не опосредованной частной аргументативной структурой этой теории*. Теория является объясняющей, только если предлагает значительную унификацию всего того, что мы должны принять. Наука расширяет наше понимание мира, уменьшая количество явлений, которые мы принимаем как данное (given), делая мир более понятным (comprehensible)» (курсив наш. – Н. Г.) [Friedman, 1974, p. 14–15]. Существенным отличием (и, на наш взгляд, гораздо более прогрессивным шагом вперед) трактовки Ф. Китчера является то, что вместо акцента на «количестве необъясненных явлений, понимание которых удастся унифицировать», он делает акцент на «паттернах аргументации», которые, по сути, и осуществляют унификацию. Ф. Китчер описывает объяснение как «расширение понимания посредством демонстрации того, как мы выводим описание различных явлений, используя один и тот же *паттерн аргументации снова и снова*» (курсив наш. – Н. Г.) [Kincher, 1989, p. 432]. Именно в этом смысле одним из признаков успешного объяснения является то, что оно всегда сопровождается тем, что мы можем вывести суть множества различных явлений из малого числа исходных посылок. При этом Ф. Китчер подчеркивает, что «унифицирующее представление» может быть не единственным: «Любая другая модель представления явлений точно так же может проявлять (articulate) унифицирующие свойства, применяя «один и тот же паттерн аргументации снова и снова» и при этом добиваясь гораздо больших успехов, чем та модель, или паттерн, или логика, которые мы сейчас считаем образцовыми» [Там же, p. 501].

бов (way) мышления». Ключевой момент здесь – понятие «идеализации». С точки зрения Ф. Китчера, объяснение должно формулироваться в терминах «идеализованного, модельного описания экспланандума, акцентируя *фокус внимания* не на вопросе “почему данный объект ведет себя так, как ведет”, а на вопросе “почему данный идеальный объект, принадлежащий такому-то общему типу аналогичных объектов, проявляет (exhibit) обнаруживаемые свойства” (курсив наш. – Н. Г.) [Kitcher, 1989, p. 435]. На определенном этапе построения своей модели К. Ренфрю как будто бы перенимает эту стратегию «унификации в терминах идеализаций» и действительно стремится показать, как его объяснение «соответствует универсальным законам, которые руководят (governs) поведением объектов» (Ф. Китчер). Более того, как только речь заходит о том, что «идеализация по определению должна задаваться / формулироваться / выбираться только по отношению к области ее применимости» (Ф. Китчер), – К. Ренфрю подчеркивает, что его модель не только «имеет большую область применимости, позволяя проводить более масштабный (broader) синтез в корне отличных (disparate) явлений в разных областях знания», но и то, что «подобная обнаруживаемая унифицирующая сила является желательной (desirable), поскольку она усиливает надежность (credibility) модели. Именно такое поведение модели является индикатором того, что она успешно схватывает то, что описывает, а именно – доступные (intelligible) механизмы, посредством которых можно понять базовые процессы» [Renfrew, 1992a, p. 463]. Однако, продолжая обосновывать «надежность» своей модели (в другой работе), он напишет: «Если демографическая модель замещения окажется применимой не только для описания распространения индоевропейского языка, но и для описания распространения других языковых семейств, – то сам этот факт будет еще одним аргументом, дополняющим и усиливающим обоснование того, что наша модель распространения именно индоевропейского языка является надежной» [Renfrew, 1992b, p. 39].

Это важный момент: здесь можно увидеть, что К. Ренфрю *не придерживается* (в общем случае и не должен, так как он в первую очередь археолог и палеолингвист, а не философ) какой-то одной канонической концепции научного объяснения. Это замечание показывает, что К. Ренфрю перешел к другой концепции обоснования – к онтической модели У. Сэлмона⁶. Важно не только следова-

⁶ В общем случае «онтическая», или «причинностная», концепция относится к «снизу вверх» (bottom-up)-типу объяснения и объясняет явление в терминах его «содержания». Как отмечает У. Сэлмон, есть два способа понимать объяснение: «Либо объяснение существует в мире, либо это нечто, что сообщает о таких фактах» [Salmon, 1989, p. 86]. Не вдаваясь в детали, отметим, что в основном рассуждения У. Сэлмона в «Четырех декадах научного объяснения» касались критики «дедуктивно-номологической» концепции К. Гемпеля. Именно поэтому он выделяет «две традиции»: «эпистемическую», акцентирующую внимание на *логике представления знания* в том же самом смысле, как явление должно следовать / отвечать законам в концепции К. Гемпеля, и «онтическую», отвечающую идее «причинно-механистического» объяснения, когда само явление и является объяснением. Это два разных подхода к пониманию того, как ответить на вопрос: «Что такое объяснение?». Как отмечает М. Халина: «В широком смысле эпистемическое объяснение касается моделей, представлений и действий субъекта с целью понять явление. Когда я сообщаю группе студентов, как работает фотосинтез, я объясняю это явление в эпистемическом смысле. Онтическое объяснение, наоборот, непосредственно относится к тому аспекту мира, который объясняет, почему данное явление произошло. Когда я говорю, что лед на дороге стал причиной аварии, – это объяснение в онтическом смысле. Термин “объяснение” часто используется в обоих смыслах, но очень важно их различать, так как, например, говоря об объясне-

ние «унификационистскому тренду» (мы включаем в модель все новые и новые явления, которые также получают объяснение посредством уже обнаруженных закономерностей), но и обоснование эффективности «причинных взаимосвязей», которые предполагают постулируемые механизмы функционирования явлений, посредством которых мы их объясняем. Если модель К. Ренфрю работает в разных контекстах, успешно описывая распространение других языковых семейств, то это дополнительное обоснование исходно предполагаемого механизма распространения индоевропейского языка. С точки зрения философии науки здесь К. Ренфрю меняет свой «фокус внимания». Изначально он говорит о том, что «объяснительная сила модели заключается в том, чтобы подводить разные явления под один паттерн аргументации» (Ф. Китчер), а потом – о том, что «эвиденциальное подтверждение модели нужно рассматривать в терминах причинности / постулируемых причинных взаимосвязей, а также с точки зрения независимости

нии в онтическом смысле, мы обязаны предполагать, что объясняющий факт существует независимо от того, знает ли о нем субъект. С точки зрения онтического объяснения именно реальные сущности и действия, обнаруженные в растениях, объясняют фотосинтез. Описания фотосинтеза и сопутствующих процессов (в форме диаграмм, моделей и т. д.) являются объяснениями в производном смысле: мы считаем их объяснениями, потому что они передают информацию о реальном явлении. С точки зрения эпистемического объяснения именно теоретические, описательные модели (коммуникативный аспект знания), которые мы используем для передачи информации о механизмах, ответственных за фотосинтез, и составляют объяснение. В данном случае модель явления будет объяснением в силу того, что она передает информацию о целевом механизме, но сам механизм не является объяснением» [Halina, 2017, p. 220]. Как пишет У. Сэлмон, в рамках «причинной» концепции «объяснение раскрывает (reveal) механизмы, которые непосредственно производят факты, которые мы пытаемся объяснить. Объяснить – это значит обнажить (expose) внутреннее устройство, обнаружить скрытые структуры, открыть черный ящик, который перед нами поставила природа» [Salmon, 1989, p. 134]. Чуть дальше он приводит пример с двумя объяснениями поведения наполненного гелием воздушного шарика в салоне самолета при взлете. «Мы можем объяснить поведение в терминах градиента давления, который появится вследствие того, что на заднюю стенку шарика давит расширяющийся газ – это причинное/механистическое объяснение. Оно объясняет нам, как работает мир. Это объяснение локально, оно показывает, как именно это (particular) явление случилось (occur), в терминах набора конкретных (particular) причин. Оно обращается к ненаблюдаемым объектам и описывает процессы и механизмы причинного взаимодействия, влияющего на объясняемое явление, и мы понимаем, как именно явление произошло. И это не значит, что общие законы не участвуют в этом объяснении. Ведь процессы и механизмы, о которых идет речь, подчиняются законам природы. Точно так же мы можем сопоставить причинное/механистическое объяснение общим закономерностям. Молекулярно-кинетическая теория газа дает причинное/механистическое объяснение поведению воздушного шарика, которое подчиняется общей логике поведения тел легче воздуха. Такое объяснение Китчер называет “снизу вверх” (bottom-up), так как оно апеллирует к внутренней микроструктуре явления, которое необходимо объяснить. С другой стороны, мы можем объяснить поведение шарика, обращаясь к принципу эквивалентности Эйнштейна, который представляет эффекты гравитации как эффекты ускорения, – это унификационистский подход. Это объяснение “сверху вниз” (top-down). Оно показывает то, как контингентное происходящее *вписывается в общую универсальную схему вещей*. Здесь нет детального анализа механики происходящего, поэтому мы ограничены только закономерностями. Оба эти объяснения предлагают *разные типы понимания* одного и того же факта. И они оба допустимы (legitimate) и по-своему содержательно полезны (illuminating). Нельзя сказать, что они несовместимы (incompatible), они оба применяются на практике. Их следует рассматривать как репрезентирующих *два разных, но совместных* аспекта научного объяснения, каждый из которых имеет *свои основания*. И в этом нет ничего странного. Надлежащее понимание научного объяснения предполагает, что мы можем указать на какие-то виды специфического для объяснения объективного *отношения релевантности* между собственно объяснением и каким-то представлением о корректности, которое и закрепит понимание того, что наше объяснение является научно корректным» (курсив наш. – Н. Г.) [Там же, p. 184].

данных, апелляция к которым позволяет подтвердить исходный тезис» (У. Сэлмон). С другой стороны, поскольку К. Ренфрю рассуждает как «обычный ученый», то вполне возможно, что для него нет проблем предположить, например, что «сила унификации как раз и состоит в том, что у нас появляются дополнительные основания полагать, что постулируемые причинные механизмы работают именно так, как предполагалось». Это своеобразный некритически воспроизведенный аргумент «Чудеса не принимаются» (Дж. Сمارт, Г. Маквелл, Х. Патнэм и др.): принимая во внимание независимость данных разных «линий аргументации» (лингвистической, археологической, генетической; с учетом различий в данных, описывающих распространение других языковых семейств, и т.д.) было бы странным (было бы «чудом»), если бы механизмы, которые мы абдуктивно постулировали для того, чтобы объяснить явления, не существовали бы «на самом деле» и не работали бы именно так, как мы предсказали⁷.

На первый взгляд, в такой интерпретации «унификационистского аргумента о конвергентности в терминах независимости данных, участвующих в эвиденциальном подкреплении предложенной объясняющей модели явления», нет ничего особенного. К. Ренфрю переходит от акцента на объяснительной силе модели – от объяснения того, что его модель может сделать для описания истории других языковых семейств – к акценту на вопросе «что сам факт наличия такой модели (если мы будем рассматривать его как эпистемическое данное) может сделать для понимания механизмов и процессов, которые реально производят наблюдаемые явления и паттерны, ответственные за сходимость разных линий аргументации?» – это вопрос о том, когда эта сходимость случайна, а когда – нет. Однако с точки зрения качества (последовательности) философской аргументации это проблема, поскольку К. Ренфрю некритически принимает именно то, что в данном

⁷ В подтверждение того, что подобное «эклетиическое поведение» К. Ренфрю не является случайным, приведем точку зрения Э. Уайли: «Несмотря на постоянные и оправданные сомнения относительно перспектив использования фрагментарных и порою даже эфемерных археологических данных как надлежащим образом понимаемых эпистемических данных (evidence), практика и принятие (и широко обсуждаемые, дискутируемые и подвергаемые сомнению) археологами правила апеллирования к разнообразному сопутствующему (background) знанию могут быть весьма эффективны с точки зрения установления надлежащих эпистемических ограничений на принятие и обоснование гипотезы. Нагруженность данных – по сути, индуктивное обоснование имеющихся данных, – не обьязана приводить к логической ошибке. Учитывая различия между науками, на которые археологи вынуждены опираться, анализируя свои данные, – оценка исторического периода, которому принадлежит обнаруженная стоянка, представление о качестве, количестве и привычках потребления пищи, предполагаемый половозрастной состав сообщества, уровень фертильности, уровень социальной организации, культурные особенности, реакция на культурный контакт, обмен и предполагаемое замещение, – вот основные данные, на которые опирается объяснительная сила модели Ренфрю, – нет никакой гарантии, что все релевантные линии аргументации будут сходиться в той или иной модели объяснения, если такая модель вообще существует. И даже когда данные сходятся, археологи не всегда имеют основания сказать и достаточную уверенность в том, что гипотеза хорошая, – всегда существуют разброс, допуски и уровень ошибки, когда мы говорим о возрасте находки, о привычках питания, о том, как сообщество было организовано с точки зрения распределения ресурсов, их производства или организации репродуктивного цикла. Археолог может зафиксировать только конкретное событие или условие и только в конкретном контексте его описания. И в определенной степени, это будет чудом (miracle), что какие-то независимые линии аргументации сойдутся, несмотря на все предполагаемые допуски. И в этом случае тот факт, что объяснительная сила гипотезы такое позволяет, действительно свидетельствует о ее надежности, и именно в терминах широко понимаемых причинных условий, в том числе ответственных за сохранение дошедших до нас данных (records)» [Wylie, 2002, p. 217].

случае *еще нужно показать*. Нам нужно показать, как связаны: (а) идеализированная, упрощенная объясняющая модель и (б) реальные механизмы, ответственные за соответствующую последовательность культурных трансформаций, которая произойдет в каждом локальном сообществе и приведет к предсказанному результату. И нельзя сказать, что эта «вольность» осталась незамеченной. Обсуждая книгу К. Ренфрю на страницах журнала «Современная антропология», критики отметят: «Модель “волны-продвижения” имеет соблазнительную простоту, однако она, вероятно, искажает реальность происходящих процессов настолько сильно, что к ней, возможно, не стоит апеллировать, учитывая большое число “если”, которые мы вынуждены принять, реконструируя локальные процессы “аккультурации”» (замечание Г. Баркера. – Н. Г.) [Renfrew, 1988, p. 448], или что «методологию Ренфрю можно было бы справедливо описать как “прокрустову”, в том смысле что она заключается в отсечении (lopping off) тех реконструкций, которые не соответствуют небольшому количеству заранее подобранных и предвзятых (preconcieved) моделей, в то время как ирония заключается в том, что ответы, которые предлагаются в конечном итоге, по сути, являются крупномасштабными версиями моделей миграции, которые рассматривало предыдущее поколение ученых» (замечание Э. Шеррата. – Н. Г.) [Там же, p. 459]⁸. Критиков не устраивает объяснение в терминах «простоты» и «унификации», которую предлагает идеализированная модель, – им нужны конкретные механизмы, которые бы описывали то, как именно в период неолитической революции в конкретных известных случаях появления в Европе земледелия в тех же самых сообществах происходило «замещение языка».

В ответ К. Ренфрю и соглашается, и не соглашается с критиками. С одной стороны, он говорит, что «заместительная модель» является идеализацией, и это

⁸ Примечателен комментарий Р. Колмана: «Сегодня любое исследование, которое претендует на научность, или даже просто на систематичность, должно подчиняться (shaped) какой-то модели, независимо от того, представлена она явно или нет. Однако существует опасность того, что эта модель может быть чрезмерно априорной, произведенной и сформированной (shaped) *математическим критерием элегантности*, а не быть результатом надлежащего абстрагирования от данных. Модель “волны-продвижения” является именно такой. Опять же, модель может быть получена на основании крайне малого количества эмпирических данных – ошибка, которую трудно избежать в исторических науках, гораздо труднее, чем в экспериментальных, – и, таким образом, можно прийти к неверному обобщению того, что нетипично или даже уникально. “Коллапс системы” может быть результатом гораздо большего числа причин, чем предполагалось изначально. Но самым серьезным из всех является искушение разработать новую модель, которая должна объяснить явления, которые *не могут объяснить другие модели*, которая будет применяться к объяснению исключений (exclusion) из других моделей. Ее разработка часто мотивируется неспособностью существующих моделей объяснить одно конкретное множество наблюдений. И объяснительная сила новой модели может быть достаточно большой, и для того, чтобы закрыть эту проблемную область, и для того, чтобы объяснить все, что охватывали предыдущие модели. Однако чаще всего новая и старые модели дополняют друг друга, – они не могут полностью исключить одна другую. Даже если верно (right), что распространение земледелия можно смоделировать “волной продвижения”, – это не может и не должно исключать другие масштабные изменения популяции, – переселения и вторжения захватчиков, – которые могли происходить и происходили на протяжении четырех тысяч лет, которые по Ренфрю отделяют исходных носителей прото-индоевропейского языка в восточной Анатолии от самых ранних из найденных письменных документов, написанных на хеттском наречии или микенском варианте греческого языка, да еще и на территории от Северного моря до Индийского океана. Ренфрю признает возможность объединения различных моделей, но на практике он концентрируется исключительно на одной» (курсив наш. – Н. Г.) [Renfrew, 1988, p. 451].

важно потому, что цель как раз и заключается в том, что зафиксировать тот уровень абстрагирования, который необходим для того, чтобы схватить «базовые процессы», оперирующие на больших масштабах. Нет проблем с тем, что модель не может схватить какие-то локальные процессы: «Полное объяснение будет гораздо более сложным и комплексным, но мы знаем, что вторичные процессы можно проинтерпретировать только изнутри понятийной схемы, которая должна быть хотя бы приблизительно корректной (valid) с точки зрения и в свете той рамки, которую задают первичные процессы» [Renfrew, 1988, p. 466]. В такой интерпретации модель К. Ренфрю описывает «реально работающие причинные факторы», но не те, которые интересуют критиков. Это пример «предварительной модели», которая может быть «отправной точкой для построения более точных моделей» (требуемые модели описания «вторичных процессов» еще только предстоит построить), представляет собой «альтернативную модель объяснения, схватывающую более масштабные явления» (объяснительная сила модели, описывающей «первичные процессы», по определению, лежит в области категорий, которые и способны схватить содержание «вторичных процессов») и т.д. С другой стороны, К. Ренфрю подчеркивает, что совершенно не обязательно, чтобы абсолютно все, что происходило в ходе неолитической революции, должно интерпретироваться с точки зрения его модели. По определению, теория должна работать «только в своем узком “хартленде” – обязательно отвечать только тем аспектам своего эмпирического содержания, на основании которых она создавалась» (С.П. Никаноров), все остальное – это дополнительная аппроксимация. Излишне абстрактный характер модели не проблема: «Абстрактные модели наподобие “волны-продвижения” А. Аммермана и Л. Кавалли-Сфорца формулируются в терминах, далеких от реальности (включая представления о том, что ландшафт потенциально пахотных земель анизотропный, а популяция потенциальных земледельцев равномерно распределена по всей территории), но роль этой модели принципиально заключается в том, чтобы задать исходную интерпретацию именно первичных процессов» [Renfrew, 1988, p. 463]. Распространение земледелия коррелирует (согласно независимым данным из области археологии, лингвистики и генетики) с современным распределением языков индоевропейского семейства, и именно этот «первичный процесс», именно в таких абстрактных терминах, как «замещение», его теория и должна описывать. С точки зрения критиков модель К. Ренфрю является намеренно ложной: она не опирается на «онтологические допущения, касающиеся локальных причинных процессов», а лишь схватывает формальные признаки, которые и демонстрируют «унифицирующую силу выбранного паттерна аргументации, который можно раз за разом применять для объяснения явлений в самых разных контекстах». Проблема в том, что К. Ренфрю и критиков интересуют *разные модели объяснения*. И причина, весьма вероятно, заключается в том, что К. Ренфрю и критики работают в разных парадигмах, по-разному задающих цели археологии. Как пишет Э. Уайли: «На кону нечто большее, чем указание на различные аспекты объяснения, к которым апеллируют Ренфрю и критики. Недостаток понимания причинных механизмов, на который указывают критики, – это обычная претензия, независимо от того, какую концепцию научного объяснения мы выбираем. Критики не против идеализаций

как таковых. Они против того, что Ренфрю *избирательно отдает предпочтение* (priority) небольшому набору факторов – собственно демографическим, связанным с технологиями обеспечения пропитания (subsistence), – которые, как настаивают критики, не могут объяснить рассматриваемое явление само по себе. Важен анализ социальных процессов, которые опосредуют (mediate) ответ сообщества на изменение экологических факторов и появление технологических инноваций, связанных с сельским хозяйством, которые сам Ренфрю выделяет как базовые процессы. Контрпримеры, которые приводят критики, – например, в тех местах, где сельское хозяйство перенималось не быстро, а медленно, этот переход мог не сопровождаться серьезным увеличением плотности населения и мог не включать тотальную замену локальной популяции или ее культуры, – служат выдвиганию на передний план именно тех социальных, символических и культурных факторов, а также их ролей и последствий, которые Ренфрю *систематически игнорирует*» (курсив наш. – Н. Г.) [Wylie, 2002, p. 222]⁹. Принимая во внимание,

⁹ Очевидно, что позицию критиков, в том числе, нельзя отрывать от общего «эволюционного процесса» развития теоретической археологии. Несмотря на то что дискуссия ведется в конце 1980-х, никто не будет отрицать, что особое значение дискуссии К. Ренфрю и критиков придает тот комплекс проблем, который традиционно ассоциируется со становлением и развитием «Новой Археологии» Льюиса Бинфорда в конце 1960-х, – в частности, вопрос о целях и критериях адекватности объяснения в археологии (см., например [Binford, Binford, 1968]). Как отмечает Г. Баркер: «все эти “демографическое давление”, “технологические инновации” и “пропитание” – это суть “Бог из машины” (deus ex machina), и такой способ объяснения, к которому, очевидно, прибегает Ренфрю, является типичным для представителей процессуальной археологии» [Renfrew, 1988, p. 449].

В свое время «Новая», или «процессуальная», археология противопоставлялась «культурно-исторической» археологии именно как попытка «научного» прочтения археологии: «(1) Археология – это наука: археология традиционно рассматривалась как раздел истории, сосредоточенный на сборе данных и установлении хронологии. Новая археология должна сосредоточиться на объяснении (explanation), а не на описании (explication), на понимании динамики культурной системы, на объяснении того, как люди адаптировались к изменению окружающей среды, на сложных факторах, определяющих изменения в культуре. (2) Фокус на культурном процессе: Культурно-историческая археология акцентируется на статическом представлении (артефакт как предмет археологической коллекции), а не на реконструкции реальности. Процессуальная археология сосредоточена на создании более реалистичной, текучей, динамической картины культурного прошлого, основанной на понимании сложных взаимосвязанных культурных и экологических факторов, которые способствуют изменениям с течением времени. (3) Акцент на комплексном теоретическом описании явлений: изменение понимания цели археологии привело к изменению методологии практического исследования, к привлечению и интеграции широкого спектра новых типов данных (что влечет за собой философскую проблему анализа соотношения теории и данных опыта применительно к проблеме получения и обоснования знания в исторических науках), а также замене археолога-одиночки на группу археологов-экспертов в отдельных областях знания, каждый из которых вносит свой вклад в построение общей объясняющей картины прошлого» (Krieger W. Processual Archaeology. 26 May 2021. Oxford Bibliographies. DOI: 10.1093/obo/9780199766567-0056 (дата обращения 01.12.2024)). И в этом смысле позиция К. Ренфрю – это позиция проponenta процессуальной археологии, а позиция его критиков – это позиция критиков процессуальной археологии как самостоятельной определяющей парадигму археологического исследования.

Вот что пишет Э. Уайли: «Ренфрю буквально перенимает основной тезис процессуальной археологии, в частности идею экоматериалистического понимания культуры, говоря, что если технологическое и адаптивное измерения культуры обладают причинной силой, то археологическая интерпретация прошлого может быть научной. Все аспекты культурной системы должны быть выражены в терминах этих самых материальных, экологических, понимаемых в терминах изменения окружающей среды факторов, которые можно достоверно реконструировать, опираясь на имеющиеся археологические данные. Бинфорд подчеркивал, что “институциональные и культурные формы –

с одной стороны, разницу между «процессуальными» и «пост-процессуальными» подходами к пониманию археологии, а с другой – «единство археологической практики», мы должны, как отмечает Э. Уайли, «хотя бы попытаться рассмотреть вопрос о *сходимости* (*rapprochement*) одного вида объяснения к другому» [Там же, р. 221].

В заключении работы «Объяснительная унификация и причинная структура мира» Ф. Китчер замечает: «Предоставленный сам себе принцип унификации может *войти в противоречие* (*riot*) с опытом, поскольку потенциально он открывает дорогу произвольно подобранным паттернам аргументации, либо неправдоподобным (*implausible*) убеждениям, единственный смысл которых заключается в том, что именно благодаря им и осуществляется унификация. Мы должны допустить оговорку (*proviso*), что объяснительная унификация должна подчиняться условиям, которые *накладывают ограничения на принятие* (*rule on the acceptability*) *предполагаемых* (*proposed*) *убеждений*. Любое изменение имеющегося знания, которое предлагает новая теория, – введение новых или исключение старых убеждений в систему знания, – должно быть обосновано (*justified*), опираясь на основания, которые должны быть *независимы* от апелляций к унифицирующей силе теории либо от самих предлагаемых изменений. Если бы Дарвин не заботился о том, чтобы показать причины сложности поэтапного развития зародыша и кажущейся стабильности взрослого организма, чтобы объяснить види-

то, что Ренфрю, по-видимому, понимает как базовые (*basic*) процессы, – должны понимать независимо от субъектов-участников, они (культурные формы и процессы. – Н. Г.) *обладают своей собственной жизнью, выступая условиями поведения людей*» (Binford, 1983, 221). Археология должна акцентироваться на «макросилах, которые обуславливают и изменяют жизнь людей в том же самом смысле, как законы поведения комплексной термодинамической системы определяют поведение одинаковых частиц» (Binford, 1986, 474). Внутренняя динамика культурной системы – уникальные социальные отношения и структуры, внутреннее содержание, этнографическая составляющая жизни людей – вообще не считаются релевантными целям археологического объяснения, они не обладают причинной силой на макроуровне крупномасштабной системной динамики. Или, как говорит Ренфрю, они являются «эпифеноменальными, вторичными факторами и процессами». И хотя Ренфрю дистанцируется от Бинфорда, – ведь он говорит о языке и «когнитивной археологии», – тем не менее, он использует деление, которое предлагает Бинфорд, – различие между внутренним, этнографическим содержанием и системным уровнем описания «первичных» процессов. Среди которых он и выделяет технологические, демографические, привязанные к довольствию (*subsistence-related*) факторы, которые должны иметь причинную силу и приоритет в описании распространения индоевропейского и других языков» [Wylie, 2002, р. 222]. С точки зрения Э. Уайли, критики концепции К. Ренфрю, – это в первую очередь «радикальные критики процессуальной археологии. Их критика опирается на представление, что эко-материалистская концепция культуры и сопутствующее редуктивное и функционалистское ее прочтение по большей части ошибочны. Они подчеркивают, что «археологические находки (*record*) обнаруживают гораздо большую вариативность, чем та, которую даже потенциально можно было бы обнаружить, если бы мы опирались на адаптивно-функционалистские и эко-редуктивистские модели. А значит, какой бы сложной, в том числе в методологическом плане, ни была бы задача реконструкции внутренней социальной динамики и этнографического измерения культур прошлого, она должна иметь место, должна считаться не менее фундаментальной» (Hodder, 1986, Chapter 4). При этом, конечно, содержательно отдельные аспекты процессуальной парадигмы без проблем сочетаются с большим количеством анти- и постпроцессуальных представлений, в общих терминах закрепляя пределы их объяснения с точки зрения принятых идеализаций. Многообразие социальных факторов и внутренних динамик, которые, по словам критиков, должны быть релевантны пониманию того, как развивалась неолитическая революция, должны иметь причинную силу, в том числе потому, что они также могут быть основанием для унификации при описании соответствующих процессов, которые могут протекать в разных контекстах, в разных культурах и в разное время» [Там же, р. 223].

мые пробелы в летописи, составляемой на основании найденных окаменелостей и останков организмов, то его теория так и осталась бы лишь привлекательной фантазией, обещающей унификацию только на основании хорошо установленных фактов. В 1920-х и 1930-х теория дрейфа материков наглядно демонстрировала, что будет, если отмеченное условие не будет выполнено. Вегенер и его сторонники могли показать, что если гипотеза смещения континентов верна, то это означает унификацию множества разрозненных представлений в области геологии, биогеографии и палеометеорологии. Однако в это время было много аргументов, отрицающих возможность смещения континентов, на которые Вегенер тогда не мог ответить. Наша оговорка не выполнена, а значит, предполагаемый аргумент от унификации не работает. Геологи “знали”, что сдвинуть континенты невозможно, и как следствие, унификация, которую описывали Вегенер и Дютуа, принималась ими как фантазия, которая разбивается о хорошо установленные “факты” о поверхности Земли» (курсив наш. – Н. Г.) [Kitcher, 1989, p. 489]¹⁰. Приведенное «необходимое условие унификации» говорит о том, что К. Ренфрю должен предоставить *независимые* основания, подтверждающие, что «демографические и технологические факторы», к которым он апеллирует, действительно будут ра-

¹⁰ Отдельно отметим то, какой Ф. Китчер видит позицию У. Сэлмона: «Я пытаюсь показать, что мы можем понять научное объяснение, а также причинно-следственную структуру природы, *не привлекая (without indulging in) метафизику*. Сторонники причинного подхода достаточно легко различают допустимые (acceptable) и корректные объяснения. Истинное или корректное объяснение определяет (underlies) истинную причинную структуру экспланандума, а допустимое – то, что будет считаться *рационально принять (take) за причинную структуру* с точки зрения множества убеждений, доступных субъекту. С точки зрения Сэлмона (1984), “в рамках онтической концепции мир есть не что иное, как черный ящик, работу которого мы хотим понять. Мы объясняем явления, показывая то, как они укладываются в причинную сетку (nexus), предполагая, что мы обнаружили внутренний (underlying) механизм, соединяющий наблюдаемые входы и выходы. Число фундаментальных причинных механизмов не должно быть большим, как и число соответствующих законов, и в этом смысле онтическая концепция точно так же как и эпистемическая, принимает унификацию как базовый аспект понимания мира. *Основанием унификации является вседусищность (pervasiveness) этих внутренних механизмов*, посредством которых мы объясняем” (276). Заметим, что как только мы допустили, что существует причинная структура, независимая от наших попыток достичь унификации, заключение, что число фундаментальных (basic) причинных механизмов не должно быть большим, будет контингентной истиной (даже если предположить, что это вообще истина). И тогда нужно задаться вопросом, какие *данные* есть у нас для того, чтобы принять эту предполагаемую истину, и какую роль она играет в наших теоретических построениях? Уверенность Сэлмона в том, что “онтическая” концепция полагать унификацию базовым аспектом нашего восприятия мира имеет столько же основания, сколько и “эпистемическая”, кажется нам необоснованной. С нашей точки зрения унификация является *конституирующей (constitutive)* для объяснения, в то время как у Сэлмона унификация, в лучшем случае, является *контингентным сопутствующим обстоятельством (contingent concomitant) отслеживания (tracing) причинной структуры*. В идеале мы должны выбрать между двумя представлениями о том, что является центральным для объяснения: унификация явлений или определение причинной структуры. В основе (heart) унификационистского подхода лежит представление о том, что мы не можем придать смысл понятию фундаментальный механизм отдельно от идеи системного характера мира, в котором какое угодно множество последствий отслеживается как результат насколько возможно малого количества фундаментальных механизмов. В рамках унификационистского подхода фундаментальные механизмы – это те, которые обнаруживают наши *лучшие унифицирующие систематизации наших лучших убеждений*. И если бы они обнаруживались по-другому, то они не были бы фундаментальными. То, что Сэлмон принимает за объективные зависимости между явлениями, есть *производное* от наших усилий по организации знания» (курсив наш. – Н. Г.) [Kitcher, 1989, p. 495–497].

ботать в соответствующих контекстах и что причинное описание соответствующих процессов действительно может объяснить желаемое «замещение языка». Также, по идее, нужно показать, что модель происходившего во времена неолитической революции «замещения» локальных языков индоевропейским можно применить для описания распространения других языковых семейств без необходимости воспользоваться объясняющей моделью, в которой основную роль играют «вторичные / локальные» процессы, происходящие внутри сообществ. В этом смысле можно сказать, что каждый из уровней аргументации – рассуждения К. Ренфрю на уровне «глобальных» процессов или рассуждения его критиков – претендует на то, чтобы каждое соответствующее уровню объяснение было «онтическим». И тот факт, что К. Ренфрю, по-видимому, полагает, что «внутренние» факторы не будут играть особого значения на «системном» уровне, не означает, что он не должен говорить об эмпирическом подтверждении соответствующих «причинных закономерностей», которые он обнаруживает в соответствии с принятым им «унификационистским» представлением об объяснении. Должны существовать данные в пользу постулируемых механизмов, независимые от результатов, для объяснения которых модель и была предложена.

Отсюда можно сделать неожиданный вывод: «необходимое условие унификации» Ф. Китчера – объяснительная унификация должна подчиняться условиям, которые накладывают ограничения на принятие убеждений, – есть не что иное, как *незаконное проникновение* онтической концепции объяснения. Естественно, не нарушая общности рассуждений и не пытаясь напрямую свести один тип объяснения к другому, в дополнение к этому заключению нужно привести какие-то независимые ограничения, которые не должны сводиться ни к унификационистской, ни к онтической концепциям. И примечательно то, что, по-видимому, именно о таких «ограничениях» и говорит У. Сэлмон: «Есть основания говорить о сближении (*rapprochement*) двух концепций обоснования. Как уже отмечалось, правильное (*correct*) понимание научного объяснения требует определить *виды объективных отношений релевантности, которые делают объяснение научно корректным*. Выше, разбирая концепцию прагматического объяснения Раилтона, мы говорили, что прямая попытка проинтерпретировать научное объяснение в прагматических терминах обречена на провал. Однако метафора, которую использует Раилтон, может быть полезна. Он разделяет идеальный объясняющий текст (*ideal explanatory text*) и объясняющую информацию (*explanatory information*), при этом *прагматические соображения определяют (*determine*) то, какой именно аспект идеального текста является исключительным (*salient*) в данном конкретном заданном контексте*. Именно в этом смысле идеальный текст содержит (*contains*) объективное отношение релевантности, по отношению к которому и должно строиться и соответствующим образом пониматься правильное (*correct*) объяснение. Можно задать вопрос: отвечает (*conforms*) этот идеальный текст унификационистской или причинно/механистической концепции объяснения? Он отвечает и той, и другой. Раилтон приводит в пример объяснение альфа-распада ядра атома урана. Он обращается к общей теории, но при этом рассматривает механизмы, участвующие в распаде именно этого ядра. В этом смысле объяснения “сверху вниз” и “снизу вверх” – это просто *два*

различных способа прочитать один и тот же “идеальный объясняющий текст”. Это разные, но совместные (compatible) стратегии для понимания одного и того же факта. Но именно прагматические соображения *определяют* то, какой способ “прочтения” является наиболее *подходящим* (appropriate) в данном контексте» (курсив наш. – Н. Г.) [Salmon, 1989. p. 185].

Таким образом, судя по всему, К. Ренфрю был прав, «и соглашаясь, и не соглашаясь» с критиками. Ф. Китчер, и У. Сэлмон каждый достаточно четко зафиксировали соответствующее подчиненное место концепции своего оппонента в рамках своей модели. И конечно, когда мы говорим о реальной научной практике, обе эти модели могут применяться одновременно. Проблема в том, что в контексте философской гипотезы, которую мы обсуждаем, подобный пример «сходимости» разных концепций объяснения все портит. Мы связали мета-обоснование с аргументацией в пользу качества получаемого объяснения (характеристики, которые выделяют данную модель с точки зрения объяснения явлений, которые она описывает, одновременно указывают на то, что «сама система в целом правдоподобна по отношению к описанию внешней реальности»), но как только мы начнем говорить о «сходимости», то возникнет вопрос о соответствующих «характеристиках», которые до этого были свои для каждой из разных самостоятельных концепций объяснения. Как минимум можно говорить об «условиях, которые накладывают ограничения на принятие соответствующих убеждений» в концепции Ф. Китчера и об «отношении релевантности, определяющем корректность научного объяснения» в концепции У. Сэлмона. И мы хотим показать, что в ситуации, когда апелляция к классическим концепциям объяснения не принимается в силу «парадигмального конфликта», разделяющего научное сообщество, потенциально у нас все еще остается возможность определиться со значимыми характеристиками мета-обоснования анализируемой гипотезы.

Инвариантность навсегда

С точки зрения Л. Бонжура, искомой значимой характеристикой мета-обоснования когерентной системы эмпирических убеждений является «стабильность» – сохранение когерентности системы при непрерывном пополнении ее новыми эмпирическими данными: «Только в том случае, если система убеждений *остаётся относительно стабильной на протяжении достаточно долгого периода времени* (on a long run), у нас появится основание полагать, что некоторые убеждения системы с высокой вероятностью могут быть истинными. Эта стабильность с течением времени является одним из аспектов представления о динамической когерентности. Система убеждений будет получать новые (input) эмпирические данные, и именно *сохранение когерентности перед лицом новых данных* будет говорить о приближенной истинности системы... Сложно представить, что система убеждений, которая непрерывно получает новые данные, будет *оставаться когерентной* в течение времени, *не пересматривая* то, что какие-то факторы, новые убеждения могут разрушить ее стабильность. Одно из объяснений состоит в том, что такая система убеждений отвечает объективной реальности достаточно строго (closely enough) для того, чтобы минимизировать потенциальный вред,

который могут принести новые данные, которые потенциально могут разрушить ранее присутствовавшую когерентность. Наилучшим объяснением сохранению стабильности системы со временем является то, что (а) когнитивно спонтанные убеждения, которые являются достоверными внутри системы, систематически являются следствием определенного рода ситуаций, которые они собственно и отражают (*depict*), и (б) вся система убеждений соответствует в известной степени – пропорциональной степени когерентности и стабильности, а также длительности рассматриваемого периода, – объективной реальности, которую она описывает» (курсив наш. – Н. Г.) [Bonjour, 1985, p. 170–171]. Не вдаваясь в детали особенностей рассуждения Л. Бонжура и принятых им ограничений, отметим, что идея связать *достоверность знания* с требованием «динамического сохранения когерентности перед лицом новых данных» – это не априорное рассуждение. Это значимая, конструктивная часть индуктивного и абдуктивного рассуждения, как в обыденной жизни, когда ребенок, который любит зажигать спички, понимает, что лучше всего эффект достигается, когда коробок и спички сухие, так и в научном дискурсе. Когда И. Галле открыл Нептун на основании расчетов У. Леверье, который отталкивался от предположения, что наличие еще одной планеты может объяснить несоответствие между наблюдаемым движением Урана и расчетными значениями, предполагавшими, что закон тяготения Ньютона одинаково связывает Уран и Солнце, а также Уран и другие планеты, и что каждое их этих взаимодействий должно вносить свой вклад в динамическую картину описание движения Урана. На наш взгляд, независимо от выбранной концепции объяснения, среди множества характеристик, опираясь на которые можно было бы попробовать обосновать «корректность» данной объясняющей гипотезы, так или иначе особое место будет занимать представление об «устойчивости» (сохранении, инвариантности и т.д.) отдельных значимых элементов анализируемого представления явлений по отношению к многообразию данных, которые могут как свидетельствовать в пользу, так и нарушать «сохранение когерентности» предлагаемого понимания с течением времени¹¹. Один из ключевых моментов логики анализа

¹¹ В общем случае, конечно, и нам известны такие проекты, выбрать в качестве характеристики, которая указывает на «корректность» объяснения, можно не только «стабильность», «устойчивость» или «инвариантность» – понятия, которые мы по большей части рассматриваем как синонимы. Можно даже говорить о целых парадигмах отбора подобных характеристик, просто перебирая потенциально возможные варианты. Например, можно говорить о качестве принимаемых онтологий: «субстанциализм» против «верификационизма». Если ваша объясняющая гипотеза субстанциализирует «индивидуальные объекты» – онтологические элементы объясняющей функциональной схемы, – которые «рабочий платонизм» (термин Р. Коллинза) не может не заставлять вас субстанциализировать, то с точки зрения современного верификационизма (Дж. Лэдимен), – ведь мы говорим о хорошем эмпирическом научном знании, – это плохой ход рассуждений. Гораздо более приемлемым будет считаться подход «структурного реализма», когда «всю онтологическую нагрузку несет не объект, а эмпирически наблюдаемая структура». Можно постараться выделить внутри парадигмы, в которой строится объясняющая модель, элементы «устойчивых» (*future-proof*) знаний. Несмотря на то что концепция «устойчивого знания» П. Векерса по типу и по своей внутренней логике напоминает концепцию «невоспринятых» (*unconceived*) альтернатив К. Стэнфорда, – и там и там обсуждаются потенциально возможные варианты, – в данном случае элементы современных знаний, которые гарантированно не сменятся в ходе ближайшей научной революции, ее можно применять к анализу актуального знания. И очевидно, что наличие таких «элементов» в объясняющей можно будет считать признаком «корректности». Более экзотические варианты, например, могут предполагать апелляцию к концепции «многослойного причинного анализа» (С. Инаятулла), которая буквально опирается

причинных связей «по Бэкону – Миллю» – это «формулирование промежуточных гипотез и переформулирование признаков с целью определения соразмерности сходства» [Бирюков, Швырев, Суханов, 1964, с. 422], очевидно, с целью демонстрации *корректности* объясняющей гипотезы перед лицом новых данных.

Как отмечает Дж. Вудвард: «Ключевая (central) проблема философии специальных наук – это проблема природы и статуса объясняющего обобщения (generalization). Многие философы предпочитают *номотетическую* концепцию объяснения, согласно которой “все успешные объяснения должны апеллировать к законам”. Стандартное допущение заключается в том, что закон – это универсальное (без исключений) обобщение, формулируемое в терминах качественных (qualitative) предикатов, отвечающее контрфактическим суждениями соответствующего вида и т.д. Все вместе это порождает дилемму. С одной стороны, объяснение в специальных науках возможно. С другой стороны, соответствующие обобщения в них не соответствуют “стандартным критериям”, которые мы сами же и связываем с понятием “законоподобия” (lawhood). И обычно, закрывая на это глаза, мы говорим, что соответствующие обобщения в специальных науках, в первом приближении и с прочими оговорками, можно приближенно считать “законоподобными”. Проблема в *трудности сформулировать рабочую адекватную альтернативу* для стандартной номотетической концепции объяснения.

Вот основания предлагаемой мной концепции.

(1) Отношение объяснения – это отношение, которое *в принципе* может использоваться для манипулирования и проверки в том смысле, что оно будет говорить нам, как изменится экспланандум, если мы изменим, подвергнем манипуляции какие-то экспланансы. Здесь “в принципе” означает, что цель объяснения заключается не только в том, чтобы корректно реконструировать явление, но и в том, чтобы понять, будет ли предполагаемое (putative) отношение объяснения корректно описывать то, что *может (would) произойти* при условии, если предположить, что данная манипуляция экспланансами произошла. И не важно,

на «постструктуралистский» (по мнению автора) анализ знания, цель которого – «выделить устойчивые элементы (соотносимые с такими понятиями как «поиск социальных причин», «анализ мировоззренческих оснований» или «анализ мифологической интерпретации проблемы». – Н. Г.) в нарративе объяснения». И даже в рамках манипулятивистской концепции причинного объяснения Дж. Вудварда, которую мы выберем, более полный анализ соответствующих «характеристик корректности объяснения» будет учитывать не только «инвариантность», но и как минимум «устойчивость» (stability), «диапазон» (scope), «надежность» (robustness) и «чувствительность» (sensitivity). Главная причина, по которой мы в этой статье остановились именно на «инвариантности», заключается в том, что Дж. Вудвард (и не только он, но очевидно, и у нас есть основания предполагать, что сейчас именно он задает тон в этой области исследований) показал, как можно трактовать «инвариантность» – как характеристику «корректности» объяснения – в терминах «контрфактической» интерпретации причинности. И как показали дальнейшие исследования (К. Крэйвер, П. Юлиоски, С. Сепала, Я. Рариннэ и др.), концепцию Дж. Вудварда можно применить для исследования «вероятных сценариев» (например, развития событий в прошлом, если мы говорим об археологии), не заботясь о том, чтобы понимать «манипулирование» именно как «актуальное вмешательство» в рассматриваемую «эмпирическую ситуацию». В этом смысле концепция Дж. Вудварда становится важным инструментом исследования «потенциально возможного», например, в «исторических естественных науках» (геология, археология, палеонтология), в которых затруднительно воспользоваться стандартной «дедуктивистской» логикой научного объяснения.

можем ли мы актуально произвести (carry out) эту потенциально предполагаемую манипуляцию.

(2) Тогда вопрос о том, можно ли использовать данное обобщение для объяснения, – это вопрос о том, является ли оно *инвариантным*, а не законоподобным. Обобщение является “инвариантным”, если оно является устойчивым (stable) и надежным (robust) относительно заданного *отношения манипулирования* (intervention). В этом смысле некоторые “законы” могут оказаться не инвариантными, поскольку не предполагают возможность манипулирования. Это значит, что они *не являются объясняющими*. Апелляция к законам не является ни достаточным, ни необходимым условием успешности объяснения. Это именно то, что требуется для объяснения в специальных науках. Существует множество примеров инвариантных объясняющих отношений, которые не являются законами, которые работают только в данной предметной области и не работают в других. И инвариантность, о которой мы говорим, *всегда присутствует в какой-то степени* (comes in degree).

(3) Отношение манипулирования, о котором мы говорим, является *идеализированным* представлением о возможности эмпирической / экспериментальной манипуляции. Манипуляция (intervention) понимается как экзогенный причинный процесс, который изменяет значение переменной X при условии, что *именно это* изменение приведет к изменению значения переменной Y . Объяснение в данном случае – это не выведение (subsumption) из закона, а *демонстрация* (exhibition) *паттерна контрфактической зависимости* специального вида. Мы будем говорить об “активных” контрфактических суждениях, антецедент которых истинен “в силу манипуляции” (made by intervention). *Только* инвариантные обобщения будут подкреплять (support) активные контрфактические суждения – взаимосвязь между объяснением и инвариантностью» (курсив наш. – Н. Г.) [Woodward, 2000, p. 198–199]. Не вдаваясь в детали концепции Дж. Вудварда, ее обоснования, особенностей и преимуществ, отметим, что наиболее важный для нас момент здесь, – это идея, что «не важно, *можем ли мы актуально* произвести (carry out) эту потенциально предполагаемую манипуляцию экспланансами». Очевидно, что, когда мы говорим об истории, геологии, археологии и даже медицине, мы не всегда (и по разным причинам) можем «эмпирически манипулировать» соответствующими переменными¹².

¹² Как отметит Дж. Вудвард: «Контрфактическое утверждение (claim) о том, что произойдет с Y , если будет осуществлено “некое” возможное вмешательство в значение X , следует интерпретировать как то, что *существует* некоторое вмешательство в X такое, что если бы была возможность манипулировать значением X неоднократно, то значения Y (или вероятность Y) изменялись бы некоторым воспроизводимым или повторяемым образом. Для того чтобы это контрфактическое утверждение было истинным, не требуется, чтобы было технологически или даже номологически или физически возможно манипулировать X ни многократно, ни даже один раз. Другими словами, утверждения о поведении Y при некотором возможном вмешательстве в X следует понимать как *неявно общие*, в том смысле что они являются утверждениями об общей или воспроизводимой реакции Y (или вероятности Y) при вмешательствах в X , если было бы возможно повторить такие вмешательства при соответствующих условиях в других случаях, но не как утверждения, обязывающие нас принимать, что такие вмешательства физически или практически возможны. Конечно, воспроизводимость *не предполагает*, что субъект должен *знать*, как манипулировать переменной таким образом, чтобы систематически производить интересующий эффект. Сравните это с тем, что говорит Льюис, согласно которому в описанном выше случае контрфактическое утверждение “если бы я подбросил монету правой ру-

Примечательно то, что здесь мы снова можем попасть в ловушку онтической (причинностной) концепции объяснения. Манипулятивистская концепция в том виде, как мы ее тут представили, даже если она не говорит об «актуальности манипуляции», все равно должна апеллировать к «воспроизводимости» взаимосвязи между «изменением X » и «изменением Y ». Эта связь должна быть достоверной и не должна быть случайной. Эта «достоверность» апеллирует к еще одному объяснению и так далее. Дж. Вудвард замечает: «Предполагаемый смысл воспроизводимости (*reproducibility*) не слишком требовательный: идея заключается в том, что изменение или вероятность изменения Y в ответ на изменение X должно быть достаточно устойчивым для того, чтобы было *уместно* (*appropriate*) говорить об изменении X как о средстве или как о *стратегии* для получения необходимых изменений Y в данных условиях. Именно в этом смысле мы и говорим, что результаты научного эксперимента должны быть воспроизводимыми. Здесь нет намека на внешний образ (*externally*) закрепленную правильность (*validity*): изменения Y должны с высокой вероятностью воспроизводиться именно в данных условиях и ни в каких других. Такое понимание воспроизводимости *не требует* детерминизма: если причинно-следственная связь между X и Y является недетерминистической – в том смысле, что изменение значений X не всегда приводят к точно такому же изменению значений Y , но при этом они всегда приводят к одинаковому изменению распределения вероятностей Y , – то такая связь *будет* считаться воспроизводимой. Точно так же, когда изменение X приведет к увеличению вероятности Y с точки зрения выполнения одних условий и к уменьшению вероятности Y с точки зрения выполнения других независимо от того, происходит ли изменение Y на ту же самую величину или нет» [Woodward, 2005, p. 71]. На наш взгляд, отмеченный момент с тем, что взаимосвязь между изменением X и изменением Y «не требует детерминизма», требует пояснений. Связь между переменными X и Y – это механизм, который должен подчиняться какой-то форме детерминации.

Как отмечает К. Крэйвер: «Большинство редукционистов больше не выбирают классическую модель редукции, согласно которой *конституирующее* (*constitutive*) объяснение (понимание, объясняющее то, как поведение целого зависит от поведения его частей) апеллирует к транс-теоретическим сущностям, связывающим одну теорию с другой. Они пользуются более слабой альтернативой, согласно которой редукционизм предполагает объяснение высокоуровневых явлений посредством внутренних (*underlying*) механизмов. Однако переход к этой более слабой версии редукционизма также означает отказ от классической дедуктивно-номологической модели объяснения, от номической трактовки ожидания (*expectability*), апеллирующей к законам. Основная проблема “конституирующего объяснения” в том, что большинство авторов акцентируют внимание на *описании* механизмов, связывающих переменные, не раскрывая *нормативную* составляющую, которая объясняет то, как предполагаемое механистическое объяснение явления должно быть оценено.

кой, то выпал бы орел” истинно до тех пор, пока истинно, что я подбросил монету и выпал орел» [Woodward, 2005, p. 71].

Механистическое объяснение объясняет явление посредством моделирования механизма, производящего явление. Однако механизм не раскрывает содержание *всего* явления, он лишь описывает взаимодействие между своими частями. Модель “как возможно” (how-possible) раскрывает функциональные связи между компонентами, но модель “как актуально происходит” (actually-possibly) имеет дело с реальными компонентами, у которых можно выделить много (и разным способом!) значимых характеристик в зависимости от поставленных целей. И здесь ключевое понятие – релевантность. Наша цель – определить смысл (sense), в котором выделенные компоненты и механизмы релевантны самому явлению. Акцент на конституирующем механистическом объяснении (как на альтернативе классическому редукционизму) не означает, что возможна только одна модель объяснения. Конституирующее объяснение лишь одно из многих уровней объяснения. Не все объяснения конституирующие; дать объяснение явлению – не значит допустить, что объяснение возможно только на самом “нижнем” фундаментальном уровне.

Пример объяснения растворимости соли в воде посредством указания на ее молекулярную структуру – это пример не-причинного асимметричного объяснения. Отношение детерминации между “макро-” и “микро-” характеристиками системы отличается от причинности. Конституирующее объяснение отличается от причинного тем, что является *синхронным* (synchronic) и *компонентным* (componential) относительно заданного функционального представления явления, которое мы объясняем, в то время как причинное объяснение – *диахроническое* (diachronic) и *не-компонентное*. Разница в понимании роли, которую играет манипулируемость. В рамках модели конституирующего объяснения мы можем изменить экспланандум, манипулируя (intervening) изменениями компонент, а также мы можем изменить компоненты, манипулируя изменением экспланандума. Отношение манипулируемости – *двустороннее* (bidirectional), а отношение причинности *всегда одностороннее* (unidirectional). Конституирующее объяснение характеризуется отношением *совместной* (mutual) *манипулируемости экспланансов и экспланандума*. Во-вторых, в рамках модели конституирующего объяснения мы можем описать индивидуальное (token) проявление характеристики ф, которая, предположим, частично конституируется проявлением характеристики ф, *не предполагая*, что ф и ф логически независимы – например, они могут быть одной и той же характеристикой “как актуально происходит”-модели, которую мы схватываем разными способами, в то время как со времен Юма причина и следствие должны быть логически независимы. Более того, не обязательно, чтобы ф произошло раньше ф. Мы обязаны различать “причинность” и “компонентность” (componency)» [Craver, 2007, p. 153, 161–162]. Это и есть ответ на вопрос о «детерминизме», связывающем изменение X и изменение Y. Объяснение будет инвариантным «по Вудварду», когда его функционально значимые компоненты (как часть предлагаемого механизма объяснения) будут связаны отношением «конституирующего объяснения», характеризуемого и отличающегося от отношения причинности требованием «совместной манипулируемости экспланансов и экспланандума».

* * *

Вернемся к идее понимания объяснения как мета-обоснования. В ситуации, когда парадигма очевидным образом не предписывает то, какую именно концепцию объяснения нужно выбрать, на наш взгляд, достаточно адекватным выглядит рассуждение, что поскольку объяснение играет роль мета-обоснования, то мы должны обратить внимание на ту часть концептуальной схемы объяснения, которая должна играть ту же роль, – несмотря на то, что традиционно мы как бы от объяснения этого не требуем. Речь идет об устойчивости, понимаемой нами в терминах «инвариантности относительно требования совместной манипулируемости экспланансов и экспланандума». Необходимость привлечь представление об «инвариантности», считать объяснение «конституирующим» и говорить о «манипулируемости» (которую мы, конечно, в большинстве случаев будем ассоциировать с возможностью построения и анализом пробных сценариев явлений в терминах контрфактических суждений), в первую очередь, связана с тем, что «объяснение по Гемпелю», при всем его богообразии, отвечает лишь весьма ограниченному классу задач. Более того, далеко не каждое объяснение должно раскрывать или непосредственно соответствовать какой-то причинной взаимосвязи явлений. В этом смысле, У. Сэлмон и приводимые критики концепции К. Ренфрю не являются победителями в условном споре с Ф. Китчером и К. Ренфрю. Каждая из сторон в своих терминах хочет сказать одно и то же: выделенный ими и считающийся определяющим элемент концептуальной схемы будет достаточно успешным (устойчивым и инвариантным относительно выделенного способа манипулирования) для того, чтобы подтвердить то, что исходная гипотеза является «указующей на истину». Это «ограничение на принятие соответствующих убеждений» у Ф. Китчера, которое он понимает, «акцентируя внимание на логике представления знания», с точки зрения предпочтительного «паттерна, ответственного за сходимость разных линий аргументации». Это «отношение релевантности, определяющее корректность объяснения» к У. Сэлмону, которое, конечно, у него понимается в терминах обнаружения соответствующей причинной связи. Это «демографическая модель (демографическое давление со стороны более успешного сообщества) языкового замещения» у К. Ренфрю, которая, как он уверен, – очевидно, подчиняясь более общему методологическому требованию некоторого «общенаучного» уровня методологии, – будет работать не только для объяснения распространения прото-индоевропейского языка в ходе Неолитической революции, но и при описании других аналогичных случаев, – например, распространения русского языка по территории будущей Российской империи и сопредельных земель в XVI веке, еще до непосредственной политической аннексии этих территорий; распространения китайского языка в преддверии становления современного Китая гегемоном планеты (и критики, конечно, скажут, что во всем виноваты анклав, задолго до того исторически распространившиеся по всему миру) и т.д. И речь, конечно, не только об элементах «мягкой силы», речь именно о демографическом давлении, которое, например, оказывают эмигранты из Африки на государства современной Европы. Это «локальные (причинные) процессы культурной трансформации» у Г. Баркера, критикующего К. Ренфрю за излишнюю абстрактность и потерю «земли под ногами»,

роль которой, по его мнению, должны играть адекватные описания соответствующих процессов микро- и мезоуровня. Во всех приведенных случаях и паттерны аргументации, и скрывающиеся за ними цели будут одними и теми же, – они указывают на условный «инвариант», достоверность которого обосновывается его сохранением при определенных возмущениях.

Список литературы

- Бирюков Б. В., Швырев В. С., Суханов А. П.** Методы исследования причинных связей // Константинов Ф.В. (Гл. ред.). Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3: Коммунизм–Наука. С. 421–423.
- Ammerman A., Cavalli-Sforza L.** A Population Model for the Diffusion of Early Farming // Renfrew C. (Ed.). *The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory*. London: Duckworth, 1973. P. 343–358.
- Binford S., Binford L.** (Eds.) *New Perspectives in Archaeology*. Chicago, IL: Aldine Publishing, 1968.
- Bonjour L.** *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
- Craver C.** *Explaining the Brain*. Oxford University Press, 2007.
- Friedman M.** Explanation and Scientific Understanding // *Journal of Philosophy*. 1974. Vol. 71. P. 5–19.
- Halina M.** Mechanistic Explanation and Its Limits // Glennan S., Illari Ph. (Eds.). *The Routledge Handbook of Mechanisms and Mechanical Philosophy*. Routledge, 2017. P. 213–224.
- Hempel C.** The Function of General Laws in History // *The Journal of Philosophy*. 1942. Vol. 39. No. 2. P. 35–48.
- Kitcher P.** Explanatory Unification and the Causal Structure of the World // Kitcher P., Salmon W. (Eds.) *Scientific Explanation*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1989. P. 410–508.
- Renfrew C.** *Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Renfrew C.** CA Book Review: “Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. Cambridge: Cambridge University Press, 1987”, Author’s *Precis and Reply* // *Current Anthropology*. 1988. Vol. 29. No. 3. P. 437–466.
- Renfrew C.** *Archaeology, Genetics, and Linguistic Diversity* // *Man*. 1992a. Vol. 27. No. 3. P. 445–478.
- Renfrew C.** *World Languages and Human Dispersals: A Minimalist View* // J. Hall, I. Jarvie (Eds.) *Transition to Modernity: Essays on Power, Wealth, and Belief*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992b. P. 11–68.
- Salmon W.** Four Decades of Scientific Explanation // Kitcher P., Salmon W. (Eds.) *Scientific Explanation*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1989. P. 3–219.
- Woodward J.** Explanation and Invariance in the Special Sciences // *British Journal for the Philosophy of Science*. 2000. Vol. 51. P. 197–254.
- Woodward J.** *Making Things Happen: A Theory of Causal Explanation*. Oxford University Press, 2005.

Wylie A. *Thinking From Things: Essays In The Philosophy of Archaeology.* University of California Press, 2002.

Reference

- Biryukov B. V., Shvyrev V. S., Sukhanov A. P.** Methods of Studying of Causal Relationships // Konstantinov F.V. (Ed.). *Encyclopedia of Philosophy: in 5 volumes.* Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964. Vol. 3: Communism–Science. P. 421–423. (in Russian)
- Ammerman A., Cavalli-Sforza L.** A Population Model for the Diffusion of Early Farming // Renfrew C. (Ed.). *The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory.* London: Duckworth, 1973. P. 343–358.
- Binford S., Binford L.** (Eds.) *New Perspectives in Archaeology.* Chicago, IL: Aldine Publishing, 1968.
- Bonjour L.** *The Structure of Empirical Knowledge.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
- Craver C.** *Explaining the Brain.* Oxford University Press, 2007.
- Friedman M.** Explanation and Scientific Understanding // *Journal of Philosophy.* 1974. Vol. 71. P. 5–19.
- Halina M.** Mechanistic Explanation and Its Limits // Glennan S., Illari Ph. (Eds.). *The Routledge Handbook of Mechanisms and Mechanical Philosophy.* Routledge, 2017. P. 213–224.
- Hempel C.** The Function of General Laws in History // *The Journal of Philosophy.* 1942. Vol. 39. No. 2. P. 35–48.
- Kitcher P.** Explanatory Unification and the Causal Structure of the World // Kitcher P., Salmon W. (Eds.) *Scientific Explanation.* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1989. P. 410–508.
- Renfrew C.** *Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Renfrew C.** CA Book Review: “Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. Cambridge: Cambridge University Press, 1987”, Author’s Precip and Reply // *Current Anthropology.* 1988. Vol. 29. No. 3. P. 437–466.
- Renfrew C.** Archaeology, Genetics, and Linguistic Diversity // *Man.* 1992a. Vol. 27. No. 3. P. 445–478.
- Renfrew C.** World Languages and Human Dispersals: A Minimalist View // J. Hall, I. Jarvie (Eds.) *Transition to Modernity: Essays on Power, Wealth, and Belief.* Cambridge: Cambridge University Press, 1992b. P. 11–68.
- Salmon W.** Four Decades of Scientific Explanation // Kitcher P., Salmon W. (Eds.) *Scientific Explanation.* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1989. P. 3–219.
- Woodward J.** Explanation and Invariance in the Special Sciences // *British Journal for the Philosophy of Science.* 2000. Vol. 51. P. 197–254.
- Woodward J.** *Making Things Happen: A Theory of Causal Explanation.* Oxford University Press, 2005.
- Wylie A.** *Thinking From Things: Essays In The Philosophy of Archaeology.* University of California Press, 2002.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент
Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки,
Новосибирский государственный университет;
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Nikita V. Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy)
Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 30.11.2023;
одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 25.12.2023*

*The article was submitted 30.11.2023;
approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 25.12.2023*

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки», «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное двойное слепое (double-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному ими адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных

материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 – «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

Публикации, значительно превышающие рекомендованный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись должна содержать информацию по каждому из обязательных пунктов, приведенных ниже.

Библиографические ссылки, библиографическое описание и списки литературы должны быть оформлены строго в соответствии с приведенными ниже правилами.

Рукописи принимаются только в виде файлов в формате .rtf

2. Обязательные пункты рукописи.

(а) УДК; название статьи на русском языке; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; <https://orcid.org/>; аннотация

на русском языке (до 150 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); раздел «Для цитирования».

(б) Название статьи на английском языке; ФИО автора на английском языке; место работы (без сокращений), город, страна на английском языке; e-mail; ORCID; аннотация на английском языке (до 150 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); раздел «For citation».

(в) Текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами).

(г) Раздел «Список литературы» для русскоязычного читателя.

(д) Раздел «References» для иноязычного читателя.

(е) Раздел «Информация об авторе(ах)» (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность по указанному месту работы) на русском и на английском языках (Information about the author(s)).

В случае необходимости также приводится раздел «Благодарности» / «Acknowledgements».

3. Название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За перевод на английский язык источников в разделе «References» редколлегия ответственности не несет.

4. Основной текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – обычный. Смещение шрифта – нет. Поля стандартного листа А4 – все по 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

Авторы, оформляющие материалы в формате .docx (с последующей конвертацией в .rtf), **должны** выставить в настройках (включая настройки оформления номера страницы) стандартные значения для абзацев: отступ слева – 0 см, отступ справа – 0 см. Интервал перед – 0 пт, интервал после – 0 пт.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту рукописи необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

В тексте статьи используется тире **только** одного вида – так называемое «короткое» тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала в цифрах используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; однако с поясняющими словами тире используется с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Цитаты заключаются в кавычки «елочки». Если внутри цитаты, заключенной в кавычки, встречаются слова, в свою очередь заключенные в кавычки, для них нужно использовать кавычки “лапки” (две «шестёрки» и две «девятки» сверху).

5. Библиографические ссылки внутри текста статьи оформляются в квадратных скобках, через запятую указываются: фамилия автора, год издания, страницы со строчной с. или р.

При прямом цитировании после кавычек указывается: [Horton et al., 2006, p. 427–428] или [Целищев, Бессонов, 1979, с. 92].

При указании на источник ссылка заключается в круглые скобки: (см., например: [Дарвин, 1939]).

При косвенном цитировании (парафраз) указание на страницы источника является обязательным, источник заключается в круглые скобки: (см.: [Пелевин, 2013, с. 215]).

Комментарии и замечания к тексту приводятся в подстрочных сносках (текст сноски располагается внизу страницы) и нумеруются по порядку с начала документа, начиная с цифры 1¹³.

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются **только** в виде подстрочной сноски.

Ссылка на документ из сети Интернет имеет вид: автор (если есть), название материала (как указано на странице), дата опубликования материала (если есть), официальное название ресурса, на котором размещен материал, URL ресурса, дата обращения к ресурсу автора статьи.

Не допускается указывать ссылки на документы из сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.), которые и включаются в список литературы.

Если сайт, на котором находится документ, запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в соответствующем реестре Роскомнадзора¹⁴.

Если текст статьи содержит указание: а) на запрещенную организацию (либо ликвидированную или деятельность которой приостановлена); б) на некоммерческие организации / средства массовой информации / незарегистрированные общественные объединения / физические лица, признанные СМИ / физические лица, признанные «иностранными агентами»; в) на нежелательную организацию, то в подстрочной сноске **в обязательном порядке** указывается статус, – например, «организация, запрещенная на территории РФ», «организация, деятельность которой признана нежелательной на территории РФ», «признан иностранным агентом» и т.д., – а также полное название соответствующего нормативного документа либо указание на раздел сайта соответствующего ведомства, закрепившего статус, и дата его последней редакции¹⁵.

6. Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русскоязычные авторы). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), фамилии и инициалы редакторов (если речь идет о коллективной монографии или сборнике), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации (для книг), год

¹³ Здесь мы согласны с мнением В.Е. Петрова [2002, с. 111]. Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

¹⁴ См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

¹⁵ Как отмечает комик Данила Поперечный: «Я думал до такого не дойдет». См.: «Меня признали иноагентом», видео, 3:07 [38:17] (8 июля 2024). YouTube, канал «Данила Поперечный». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3QXwMnKUwSc> (дата обращения 15.08.2024). Поперечный Д.А. включен в Реестр иностранных агентов Министерства юстиции РФ (<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/>) (дата обновления 30.08.2024).

издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий). Для статей (глав монографий и сборников) указывается объем публикации (первая и последняя страницы).

NB! В целях унификации оформления русскоязычных и иноязычных источников разделы «Список литературы» и «References» оформляются в одном стиле. Все источники оформляются по адаптированным правилам ГОСТ (см. ниже).

Решением редакционной коллегии с 2023 года **прекращена** практика дублирования англоязычного названия русскоязычного источника транслитерацией этого названия латинскими буквами. В списке «References» обязательная транслитерация сохраняется только для названий издательств. Также в списке «References»: вместо значка номера журнала «№» пишется «No.»; города именуется в соответствии с принятыми конвенциями без сокращений: Moscow, Saint Petersburg, New York; для русскоязычных источников указывается (in Russian).

7. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Максимальное поле изображения 120 x 180 мм. Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные или серые линии, без цветных элементов и мелких сплошных заливок). Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls).

Рисунки и таблицы в тексте **должны иметь подписи** на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия*

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Для цитирования

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

Ivan I. Ivanov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

For citation

Основной текст статьи

Список литературы

- Аристид.** Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А.Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н. э. С. 290–336.
- Целищев В. В.** Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вopr. философии. 2013. № 8. С. 12–23.
- Lee J. Y.** God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. L.: Springer Netherlands, 1974. 323 p.
- Sarot M.** Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. № 2. P. 363–375.

References

- Aristid.** Apology of St. Aristides // Works of Ancient Christian Apologists (25 vols.) / A. G. Dunaev (Ed.). Saint Petersburg: Aleteia, 1999. Vol. 1. Athenian Statesmen of the 5th century BC. P. 290–336. (in Russian)
- Lee J. Y.** God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. L.: Springer Netherlands, 1974. 323 p.
- Sarot M.** Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. No. 2. P. 363–375.
- Tselishchev V. V.** Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel // Voprosy filosofii. 2013. No. 8. P. 12–23. (in Russian)

Информация об авторе

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, доцент
Научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

Information about the Author

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences